

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

На правах рукописи

Воронина Галина Александровна

**ПРЕСТУПНОЕ ПЛОДОИЗГНАНИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НЕГО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Финогентова Ольга Евгеньевна

**Калининград
2022**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ В РОССИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПЛОДОИЗГНАНИЕ В УГОЛОВНОМ И КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ...	25
1.1. Основные этапы формирования института уголовной ответственности за плодоизгнание в России.....	25
1.2. Ответственность за плодоизгнание в Российской империи: сочетание канонического и уголовно-правового подходов.....	48
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОГО ПЛОДОИЗГНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ...	62
2.1. Место плодоизгнания в системе уголовных преступлений Российской империи	62
2.2. Понятие плодоизгнания в российской дореволюционной юридической науке	72
ГЛАВА 3. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПНОЕ ПЛОДОИЗГНАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).....	91
3.1. Уголовная ответственность беременной женщины за преступное плодоизгнание по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и его последующим редакциям.....	91
3.2. Уголовная ответственность медицинских работников (врачей, акушеров, повивальных бабок) за проведение процедуры плодоизгнания во второй половине XIX - начале XX века.....	107
3.3 Смягчение уголовной ответственности за плодоизгнание по Уголовному уложению 1903 г.	134
Заключение.....	147
Библиографический список.....	154
Приложения.....	182

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы.

Богатое российское государственно - правовое наследие вызывало и будет вызывать интерес у многих поколений ученых. Мы не можем отрицать того, что российская правовая традиция во многом оказывает существенное влияние на современные процессы, происходящие в России. Накопленный нашими предками колоссальный исторический опыт позволяет нам, опираясь на него, находить новые подходы к тем проблемам, которые встают перед нашим обществом и государством. При этом, современные российские законодатели, должны учитывать, как положительный, так и отрицательный опыт предыдущих поколений, во избежание повторения прошлых ошибок.

Именно поэтому историко-правовые исследования становятся как никогда актуальными, а особенно исследования, посвященные столь неоднозначной проблеме, как проблема установления уголовной ответственности за производство аборта.

Сегодня в Российской Федерации масштабы такого социального явления как искусственное прерывание беременности не по медицинским показаниям ужасающие: 50% нереализованных беременностей, повреждение репродуктивной системы со всеми вытекающими отсюда последствиями (инфекционно-воспалительные заболевания, невынашивание беременности, бесплодие и т.д.).

В последние годы пристальное внимание многих общественных и религиозных организаций обращено не столько на медицинские последствия этой операции для здоровья женщины, сколько на ее морально-этические последствия. Так, правительством и депутатским корпусом принимаются активные меры по сокращению данного явления, что свидетельствует об особом интересе государства к сохранению и укреплению физического и духовного здоровья населения, а также решению демографических проблем. В частности, депутатами Е.Б. Мизулиной и О.Н. Елифановой совместно с

Русской Православной Церковью в 2015 г. был внесен на рассмотрение Государственной Думы ряд законопроектов, которые, по их мнению, могут уменьшить количество аборт в нашей стране. Законопроекты предлагают исключить проведение аборта по желанию женщин без медицинских и социальных показаний из системы обязательного медицинского страхования. Заметим, что такой подход практикуется в ряде европейских государств, например, в ФРГ, где оплата аборт по страховке предусмотрена только при наличии указанных в законе медицинских и социальных показаний или на основании тяжелого материального положения женщины, подтвержденного документально. Кроме того, авторы законопроектов предлагают, во-первых, запретить розничную продажу лекарственных средств, предназначенных для искусственного прерывания беременности; во-вторых, ввести обязательную визуализацию и прослушивание женщиной сердцебиения ее плода перед принятием окончательного решения об аборте.

Подчеркнем, что Русская Православная Церковь ведет активную, постоянную борьбу с этим явлением. В 2000 г. Церковно-общественный совет по биомедицинской этике при Московском патриархате принял Заявление «О грехе детоубийства», осудив аборт и указав на то, что по христианскому вероучению аборт однозначно представляет собой убийство. Такая оценка искусственного прерывания беременности со стороны одного из важнейших социальных институтов нацелена на изменение отношения к абортам в массовом сознании россиян, улучшение нравственного климата в обществе, и, в конечном итоге, на сохранение института семьи.

На этом фоне достаточно часто высказываются идеи о полном запрете аборт в России. Для сравнения, в Польше и Абхазии принимаются законы о запрете аборт, причем в Абхазии в 2016 г. принят закон, запрещающий проведение этой процедуры женщине даже по медицинским показаниям, что привело к гибели беременных женщин и развитию такого явления, как абортный туризм. Подобная практика свидетельствует о необходимости взвешенного подхода к решению проблемы нормативного регулирования

отношений, связанных с искусственным прерыванием беременности. Данная проблема, по нашему мнению, имеет не только правовой, но и политический, социально-экономический, а также культурный аспекты, которые следует рассматривать в исторической перспективе. Так, один из основоположников учения о социальной медицине французский философ и историк М. Фуко в конце 1970-х – начале 1980-х гг. предпринял успешную попытку проследить эволюцию государственного контроля над сферой оказания медицинских услуг в странах Западной Европы XVIII – XX вв. История отечественного государства и права предоставляет не менее богатый и интересный материал для исследования развития отношения государства и церкви того же периода к ответственности за искусственное прерывание беременности.

В Древнерусском государстве, Московском государстве, а затем и в Российской империи аборт был известен под названиями «плодоизгнание», «плодоистребление», «изгнание плода» и квалифицировался в качестве уголовного преступления. При этом отношение к аборту, как к преступному деянию, было тесно связано с христианской религиозной догматикой, которая трактовала его как убийство, поскольку считалось, что душа возникает в человеческом зародыше с момента зачатия. В диссертационном исследовании используется термин «преступное плодоизгнание» для того, чтобы отделить уголовно наказуемое искусственное прерывание беременности от процедуры, которая проводилась по медицинским показаниям и разрешалась законом.

Совокупность исследований, затрагивающих проблему прерывания беременности, в настоящее время многообразна. Однако следует отметить отсутствие в современной российской юридической науке комплексного историко-правового исследования, посвященного изучению основных этапов и особенностей эволюции ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII – начала XX века. Историческое развитие данного института рассматривается нами с точки зрения взаимодействия церковной и светской властей, соотношения понятий греха и преступления в нормативных актах, судебных решениях и доктринах, а также в связи с приобретением

медицинских знаний и нормализацией медицинской практики начиная с первой трети XVIII в. (учреждение повивальных институтов, родильных госпиталей и т.д.).

Степень научной разработанности проблемы. Анализ общих положений уголовного права Российской империи проводился ведущими русскими дореволюционными юристами. В первую очередь отметим работы Л.С. Белогриц-Котляревского, В.В. Есипова, П.Д. Калмыкова, А.В. Лохвицкого, В.Д. Набокова, И.М. Наумова, Н.Н. Розина, М.Н. Гернета, И.Я. Фойницкого, Г. С. Фельдштейна, Я.Г. Северского, И.Б. Новицкого и др.

Всестороннему постатейному анализу положений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовного уложения 1903 года посвящены работы таких известных русских дореволюционных авторов как В.В. Есипова, К.А. Летника, А.И. Бростерма, А.Д. Марголина, Н.А. Неклюдова, Н.С. Таганцева, А.К. Фон-Резона, И.Г. Щегловитова.

Система наказаний и отдельные его виды по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовному уложению 1903 г. исследовались в работах М. А. Корфа, Н.Н. Евреинова, А.А. Жижиленко, В.Д. Жижина, С. И. Баршева, М. Н. Гернета, С. В. Максимова, С.П.Мокринского, С. В. Познышева, А. С. Старновского, А. Г. Тимофеева.

Весомый вклад в исследование данной проблемы внесли русские ученые-правоведы, занимавшиеся вопросами уголовной статистики, в частности, Е.Н. Анучин (Материалы для уголовной статистики России. Исследования о проценте ссылаемых в Сибирь, 1866) и Е.Н. Тарновский (Статистические сведения об осужденных за повторение преступлений (1901-1905 гг., 1909). Их научные труды, посвященные проблематике рецидива преступности, характеристике и анализу женской преступности, содержат важную информацию о количестве преступников, сосланных в Сибирь. Следует отметить, что, хотя, указанные исследователи внесли существенный вклад в развитие уголовной статистики, однако статистические данные в их

трудах представлены лишь по некоторым периодам и не отражают целостной картины динамики преступности в Российской империи того времени.

Среди работ дореволюционных ученых отдельное место занимают исследования, посвященные анализу составов таких преступлений, как детоубийство и плодоизгнание, и их соотношению. Подробное освещение эти вопросы получили в работах М.М. Боровитинова (Детоубийство в уголовном праве, 1905), А.Д. Любавского (О детоубийстве, 1863) и др. Заметим, что плодоизгнание рассматривается ими как вид детоубийства.

Проблемы уголовно-правовой квалификации плодоизгнания освещены в работах В.А. Бродского, М.Н. Гернета, А.А. Гинзбурга, Я.А. Канторовича, А.С. Игнатовского, М.Л. Олейника, И.В. Платонова, Н.С. Таганцева, И.Б. Фукса.

Отдельно следует выделить диссертации на степень доктора медицины А.В. Грегори (Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании (по данным Варшавского Окружного Суда за 20 лет, 1885-1904), 1908), В. Линденберг (Материалы к вопросу детоубийств и плодоизгнаний в Витебской губернии (по данным Витебского Окружного Суда за десять лет, 1897-1906), 1910). В них с медицинской точки зрения рассматривается проблема преступного плодоизгнания, приводятся случаи из практики и проводится статистический анализ данного явления в отдельных губерниях. Примечательно, что и в этих исследованиях плодоизгнание рассматривается в тесной связи с детоубийством, а не в качестве самостоятельного состава преступления.

В советский период исследования по данной тематике отсутствуют, но имеются исследования, посвященные вопросам уголовного права Российской империи. Так, С.С. Остроумовым проведено исследование о преступности и ее причинах в дореволюционной России. Анализ положений Уголовного Уложения 1903 г. представлен в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук В.А. Балыбина. Исследуя проблему абортов в

советской России в 1927 г., М.Н. Гернет обращается и к дореволюционному периоду истории отечественного государства и права.

Современные исследования, посвященные проблемам уголовного законодательства Российской империи, содержат интересные выводы о его систематизации, периодизации, развитии отдельных институтов. Отметим среди них работы О.В. Андрусенко, Я.Н. Куемжиевой, А.И. Сидоркина, И.В. Якоби, Т.Ф. Ящук и др.

Серьезные исследования проводились и по церковному праву. Так, место церковного права в системе отраслей права Российской империи, а также взаимодействие светского и церковного права в России конца XVIII – начала XX вв. исследовались в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук Дорской А.А. (Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв. 2008).

Историко-правовой анализ влияния христианства на развитие уголовной политики и уголовного процесса в России рассматривается в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Липского Н.А. (Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (историко-правовой анализ), 2003). Вопросы исторической эволюции церковных наказаний, развитие монастырской пенитенциарной системы в России XV – XVII вв., а также проблема соотношения норм уголовного права и норм религиозного деликтного права поднимались С.О. Шаляпиным в монографии «Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков», 2013.

Современные авторы, исследуя проблему аборта, рассматривают ее в двух аспектах: медицинском и юридическом. При этом они обращаются к изучению истории правового регулирования прерывания беременности и проводят сравнительно-правовой анализ оснований и мер ответственности за незаконное осуществление аборт в Российской Федерации и иностранных государствах. В связи с этим следует отметить работы В.Б. Безгина, В.А. Буклова, М.А. Горбатовой, К.В. Дядюн, А.А. Снигирева, Е.В. Кунц и др.

Проблемы репродуктивного поведения русских женщин во второй половине XIX — начале XX в. исследуются в статьях историков Н. Л. Пушкаревой и Н. А. Мицюк, а вопросы этического и юридического статуса плодизгнания поднимаются в работах Е.Н. Гнатик и Е.А. Соковой, моральные и правовые аспекты проблем абортов, современные биоэтические проблемы правового статуса эмбриона исследовались О. Э. Старовойтовой и Н. В. Янчар.

Также результаты исследований правовых последствий незаконного производства аборта и его этических аспектов в современное время представлены в виде небольшого числа диссертационных исследований. Прежде всего это работа Л.А. Лозанович (Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты, 2004), в которой исследуются уголовно-правовой и криминологический аспекты незаконного производства аборта, и работа Н.Д. Антиповой, рассматривающая этический аспект осуществления аборта (Аборт как этическая проблема, 2005).

Проблемы квалификации незаконного искусственного прерывания беременности в РФ рассматриваются в работе И.А. Киселёва и Е.Н. Безрукова.

Все это свидетельствует о несомненном исследовательском интересе ученых к данной проблеме и подтверждает, что на настоящий момент в современной российской юридической науке отсутствует комплексное исследование института ответственности за преступное плодизгнание в Российской империи XVIII – начала XX века.

Хронологические границы диссертационного исследования охватывают период с XVIII до начала XX вв. Но само исследование шире, поскольку исследуемая проблема не может быть раскрыта в полном объеме без проведения анализа предпосылок формирования изучаемых общественных отношений.

Нижняя граница диссертационного исследования определена в связи с тем, что в законодательных актах XVIII в. еще не сложилась четкая система

норм о плодоизгнании, что свидетельствует об отсутствии на данном этапе развития уголовного права ярко выраженного интереса государственной власти к рассматриваемой сфере общественных отношений. Плодоизгнание понимается законодателем как разновидность детоубийства, следствием чего становится отсутствие разработки элементов состава этого преступления в качестве самостоятельного. Значительное влияние на законодателя оказывает православная церковь, осложняя разграничение юридического и этического аспектов плодоизгнания - преступного и греховного одновременно. Однако в XVIII в. появляются первые законодательные акты, направленные на защиту плода от посягательства на него. Эти акты носили разрозненный характер, но, несомненно, свидетельствовали о формировании по образцу западноевропейских государств того времени т.н. социальной медицины, предполагающей нормативное регулирование практически всех вопросов, связанных с прерыванием беременности: от подготовки медицинских кадров до детализации уголовной ответственности за преступное плодоизгнание.

Верхняя граница диссертационного исследования определена началом XX в. Система законодательства, сформировавшаяся за два предыдущих столетия, сохраняется с определенными коррективами до 1917 г., когда законодательные акты Российской империи, в том числе и в области уголовного права, прекратили своё действие.

Источниковая база исследования. Источниковая база диссертационного исследования определяется прежде всего целью и задачами исследования и состоит из нескольких частей. Первая группа источников диссертационного исследования представлена законодательными актами Российской империи, которые содержатся в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи. Использование данных источников позволило автору не только провести комплексное исследование, но и изучить предмет в динамике исторического развития, разработав собственную периодизацию эволюции правовых норм,

регулирующих ответственность за преступное плодизгнание в Российской империи XVIII - начала XX века.

Нормативными актами, составившими основу исследования, являются: Соборное уложение 1649 г., Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 22 января 1669 г., указ от 4 ноября 1715 г. «О сделании в городах при церквах госпиталей для приема и содержания незаконнорождаемых детей», Сенатский указ от 10 января 1771 г. «О доставлении младенцев, подкидываемых частным людям, в Воспитательный дом», Военский устав от 30 марта 1716 г., Наказ губернаторам, воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать от 12 сентября 1728 г., Сенатский указ от 25 июля 1729 г. «О запрещении медицинской практики людям, не имеющим свидетельств в знании Медицины», Указ от 29 апреля 1754 г. «О порядочном учреждении бабичьева дела в пользу общества», Устав Благочиния 1782 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и его последующие редакции, Уголовное уложение 1903 г., устав Повивального института и Родильных Госпиталей при императорском Московском Воспитательном доме от 15 марта 1858 г., Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные 1857 г.; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 11 марта 1875 г. «Об ответственности лиц, не имеющих права заниматься врачебной практикой, за злоупотребление при врачевании ядовитыми и сильнодействующими веществами» и т.д.

Ко второй группе относятся источники канонического права Русской Православной церкви, такие как: Номоканон или Законное правило, а также различные его редакции, Номоканон Иоанна Постника с толкованиями епископа Никодима, Номоканон сокращенный старообрядческий, правила Василия Великого, поучения церковных иерархов и т.д.

Третья группа источников представлена ранее не публиковавшимися материалами архивных хранилищ Российской Федерации: Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива

Астраханской области (ГААО) и Государственного архива Иркутской области (ГАИО).

Фонды российского государственного архива представлены фондом Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената (Ф-1363) и фондом Медицинского совета при МВД (Ф-1294). Из документов фонда Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената использовались кассационные дела, прошения о прекращении, возобновлении и пересмотре дел, дела по апелляционным отзывам на приговоры судебных палат по делам, связанным с уголовной ответственностью за плодоизгнание. Особый интерес представляют фонды Медицинского совета при МВД (Ф-1294), содержащие сведения о судебно-медицинской экспертизе за 1822–1887 гг. (оп. 6), в том числе и по делам, связанным с преступным плодоизгнанием, материалы об изменении порядка приобретения звания повивальных бабок (оп. 9); журналы заседаний Медицинского совета; дела об учреждении устава акушерско-фельдшерских школ; об открытии аптек; о судебно - медицинской экспертизе (оп. 10). Также использовались документы фондов Государственного архива Астраханской области (ГААО), посвященные вопросам развития акушерского дела в регионе, материалы дел Государственного архива Иркутской области (ГАИО), которые содержат сведения о наказаниях за плодоизгнание, налагаемых духовной консисторией (Ф-50); Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), содержащие сведения о расследовании судебными следователями Ярославской губернии дел о плодоизгнании (Ф-347); материалы фонда Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (Фонд 487), содержащие переписку о лицах, обвиняемых в детоубийстве и изгнании плода.

Четвертую группу источников составляют справочные и статистические материалы, материалы судебной практики. Особое внимание уделяется сборникам решений Уголовного Кассационного Департамента

Правительствующего Сената за различные годы, в которых разъясняются и восполняются пробелы законодательства Российской империи.

Пятая группа источников представлена периодическими изданиями, содержащими решения Кассационных департаментов Правительствующего Сената, справочные материалы, а также материалы судебной статистики. На страницах «Журнала Министерства Юстиции», «Юридического вестника», «Журнала гражданского и уголовного права» велись научные дискуссии, нашедшие отражение в диссертационном исследовании.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, связанных с уголовной и канонической ответственностью за плодотворение в Российской империи.

Предмет исследования представляет собой совокупность норм светского и канонического права, регламентирующих ответственность за плодотворение в Российской империи XVIII - начала XX века, а также взгляды ведущих отечественных дореволюционных юристов на проблематику нормативного регулирования вопросов, связанных с прерыванием беременности.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является выявление особенностей становления и развития правового регулирования уголовной и канонической ответственности за преступное плодотворение в Российской империи XVIII – начала XX века.

Достижение указанной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- 1) проследить влияние канонического права на представления законодателя о плодотворении как преступном деянии;
- 2) выявить место преступного плодотворения в системе уголовных преступлений Российской империи XVIII - начала XX вв.;
- 3) определить понятие преступного плодотворения, сформировавшееся в отечественной дореволюционной юридической науке;

4) установить особенности ответственности за плодоизгнание по нормам канонического права;

5) разработать авторскую периодизацию развития института уголовной ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII - начала XX века;

6) установить виды уголовной ответственности беременной женщины, а также третьих лиц, в том числе, обладающих профессиональными знаниями, за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII - начала XX века;

7) раскрыть на материале истории отечественного государства и права специфику такого направления государственной политики Нового времени как социальная медицина, включающего в себя нормативное регулирование медицинской практики и медицинского образования.

Методологическая основа исследования. Процесс диссертационного исследования построен на основе комплекса общенаучных и специальных методов. Из общенаучных методов автор использовал методы: дескриптивный, диалектический, системный, логический, анализа и синтеза. В ходе работы автор опирался на такие специальные методы как: сравнительно-правовой и историко-правовой, формально-юридический, хронологический метод и др.

Дескриптивный метод дал возможность автору исследовать и охарактеризовать основные положения законодательства Российской империи XVIII - начала XX века об уголовной и канонической ответственности за преступное плодоизгнание.

Диалектический метод исследования позволил автору выявить противоречия в нормативно-правовых актах Российской империи XVIII - начала XX века, регулирующих ответственность за преступное плодоизгнание.

Логический метод позволил сформировать теоретическую базу исследования и обеспечить системность исследования.

Метод анализа позволил выявить основные элементы уголовной и канонической ответственности за преступное плодоезгание в Российской империи XVIII - начала XX века, раскрыть содержание понятия плодоезгания. Метод синтеза дал возможность воссоздать характерные для исследуемого периода механизмы и модель правового регулирования ответственности за преступное плодоезгание по нормам уголовного и канонического права. Хронологический метод исследования позволил автору рассмотреть процесс изменения законодательства о преступном плодоезгании и ответственности за него в строгой хронологической последовательности.

Метод историко-правового анализа дал возможность выявить и охарактеризовать основные этапы эволюции правовых норм, регулирующих ответственность за плодоезгание в Российской империи XVIII - начала XX века.

На основе применения сравнительно-правового метода установлено место преступного плодоезгания в дореволюционной системе уголовных преступлений.

При помощи системного подхода понятие преступного плодоезгания и ответственность за преступное плодоезгание были исследованы как совокупность взаимосвязанных элементов самостоятельного юридического института и соответствующей правовой доктрины, которая сформировалась на протяжении двух столетий.

Использование формально-юридического метода сделало возможным определение исследуемых понятий и категорий. Применяя данные методы научного познания, автор придерживался комплексного подхода в целях всестороннего анализа исследуемой проблематики.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные исследования российских дореволюционных ученых - юристов специалистов в области уголовного права Российской империи Е.Н. Анучина, М.Н. Гернета, А.А. Гинзбурга, Л.С. Белогриц-Котляревского, А.И.

Бростерма, В.А. Бродского, М.М. Боровитинова, В.В. Есипова, А.С. Игнатовского, П.Д. Калмыкова, Я.А. Канторовича, А.В. Лохвицкого, К.А. Летника, А.Д. Любавского, А.Д. Марголина, Н.А. Неклюдова, В.Д. Набокова, И.М. Наумова, М.Л. Олейника, И.В. Платонова, Н.Н. Розина, Я.Г. Северского, Н.С. Таганцева, Е.Н. Тарановского, И.Я. Фойницкого, Г. С. Фельдштейна, А.К. Фон-Резона, И.Б. Фукса, И.Г. Щегловитова.

Современные диссертационные и монографические исследования Н.Д. Антиповой, О.В. Андрусенко, В. А. Балыбина, В.Б. Безгина, В.А. Букловой, М.А. Горбатовой, А.А. Дорской, К.В. Дядюн, С.Н. Жарова, С.В. Кодана, В.И. Костенко, Е.В. Кунц, Я.Н. Куемжиевой, М.Г. Коротких, Н. А. Липского, Е.Н. Марсиновой, И.В. Минникес, Т.В. Непомнящей, А.И. Сидоркина, А.А. Снигирева, С.О. Шаляпина, И.В. Якоби, Т.Ф. Ящук.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые в российской историко-правовой науке на монографическом уровне проведен комплексный анализ норм, регламентирующих ответственность за изгнание плода в Российской империи XVIII – начала XX века по уголовному и каноническому праву. В результате предложена авторская периодизация эволюции правовых норм, регулировавших в данный период общественные отношения, связанные с преступным плодоизгнанием.

Систематизация обширного объема нормативно-правовых актов, правоприменительной практики и научной литературы позволила, на основе контекстуального анализа, определить особенности концепций преступного плодоизгнания, разработанных дореволюционными юристами и выраженных в положениях действовавшего законодательства Российской империи и проекта Уголовного уложения 1903 г.

Выявлено определяющее влияние догм христианского вероучения на формирование отечественной правовой доктрины, в частности, на развитие понимания законодателем плодоизгнания как преступного деяния. При этом уточнены основания и меры ответственности за преступное плодоизгнание по нормам канонического права.

Установлено место преступного плодоизгнания в системе уголовных преступлений Российской империи.

Определен состав преступного плодоизгнания, установлены меры ответственности, предусмотренные за данное преступление для беременной женщины, медицинских работников (врачей и акушерок, повивальных бабок, аптекарей) и иных лиц, проводивших плодоизгнание.

Разработана и представлена оригинальная модель эволюции института ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII – начала XX века, которая соотносится с представлениями ведущих современных ученых о социальной медицине как самостоятельном направлении внутренней политики государства эпохи Нового времени.

В научный оборот введены ранее не исследованные историками права материалы из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Ярославской области, Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Эволюцию юридического статуса плодоизгнания можно разделить на три этапа в зависимости от степени интереса государственной власти к регулированию общественных отношений, связанных с искусственным прерыванием беременности и ответственности за него.

Первый этап: появление первых правовых актов, защищающих плод (с начала X до XVIII века). На данном этапе в нормативно-правовых актах отсутствуют статьи, прямо предусматривающие ответственность за плодоизгнание. Тем не менее, в них содержится понятие избавления от плода, при этом оно не отделяется от понятия детоубийства. Появляются первые нормативно-правовые акты, направленные на защиту плода беременной женщины, что свидетельствует о формировании нового направления внутренней политики государства, проявляющего заботу о сохранении здоровья населения.

Второй этап: становление института плодозгнания в Российской империи (XVIII – первая половина XIX века). На данном этапе плодозгнание рассматривается как преступление, посягающее на семейные устои и нравственность, ответственность за совершение которого дифференцируется в зависимости от того, был ли зачат ребенок в браке или в «блуде». Таким образом, формирующееся новое направление внутренней государственной политики включает в себя заботу не только о физическом здоровье населения, но и об укреплении нравственности. Плодозгнание по-прежнему не представляет собой самостоятельного вида преступления, не отделяется от убийства новорожденного младенца и охватывается общим понятием детоубийства. Появляются первые правовые нормы, направленные на защиту и поддержку следующих категорий лиц: 1) беременных женщин; 2) незаконнорожденных детей; 3) их матерей.

Третий этап: кодификация норм об ответственности за плодозгнание (середина XIX – конец XIX века). Этот этап связан с принятием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Прерывание беременности впервые выделяется законодателем в самостоятельный состав преступления, получивший наименование «изгнание плода». В этот период принимается Устав судебной медицины, содержащий рекомендации по исследованию мертвых тел как умершей женщины (в том числе беременной), так и тела новорожденного ребенка или изгнанного плода. Кроме того, принимается Устав врачебный, закрепляющий ответственность медицинских работников за проведение процедуры изгнания плода не по медицинским показаниям. На данном этапе систематизируется законодательство, регламентирующее торговлю медицинскими препаратами и ядовитыми веществами, которые могли использоваться в качестве плодозгоняющих средств. Несмотря на существенные пробелы в этих нормативно-правовых актах, их появление свидетельствует о формировании в Российской империи XVIII – начала XX века по образцу западноевропейских государств того времени социальной медицины, предполагающей нормативное

регулирование практически всех вопросов, связанных с прерыванием беременности: от подготовки медицинских кадров до детализации уголовной ответственности за преступное плодозгнание. Поэтому в рассматриваемый период активно развивается система учебных заведений для обучения российских подданных повивальному искусству.

2. Значительное влияние на регулирование общественных отношений, связанных с искусственным прерыванием беременности и ответственности за него в Российской империи XVIII – начала XX века оказывает Русская православная церковь, что осложняет разграничение юридического (преступление) и этического (грех) аспектов плодозгнания. Формирование представления законодателя о плодозгнании как преступном деянии обусловлено догмами христианского вероучения. С точки зрения христианской догматики, прибегнувшая к намеренному прерыванию беременности женщина совершала три смертных греха: 1) посягательство на человеческую жизнь; 2) лишение нерожденного младенца благодати крещения; 3) попытка сокрытия последствий своего блуда. На этом основании Константинопольский Собор 692 г. приравнял плодозгнание к убийству. Поскольку плодозгнание являлось смертным грехом с точки зрения догм христианской церкви, по нормам светского права оно стало считаться преступлением.

3. По нормам канонического права в соответствии с положениями Номоканона на женщин, совершивших плодозгнание, накладывалась такая же епитимья, как и на лиц, совершивших умышленное убийство. При этом различные редакции Номоканона предлагали накладывать епитимьи разной продолжительности, в связи с чем срок мог варьироваться от 3 до 10 лет. При наложении епитимьи учитывались следующие обстоятельства: 1) степень раскаянья женщины; 2) ее сотрудничество с властями при раскрытии преступления; 3) отзывы о ней и т.д. При наложении наказания Духовным консисториям рекомендовалось назначать епитимью осмотрительно, чтобы не причинить вреда нравственному здоровью виновного лица (привести к

отчаянно, ожесточению или впадению в раскол). Допускалось уменьшение срока наложенной епитимьи в том случае, если лицо искренне раскаивалось в совершенном преступлении.

4. В российском уголовном праве конца XIX - начала XX века преступления классифицировались по объекту преступного деяния и по сфере общественных отношений, на которые совершалось посягательство. Они подразделялись на преступления против личности, против государства и против общества. Изгнание или умерщвление плода в системе уголовных преступлений являлось привилегированным преступлением и относилось к преступлениям «против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц». Такой подход законодателя позволяет утверждать, что в Российской империи параллельно с укреплением государственной власти и бюрократизацией административного аппарата развивается этатизация частной жизни, которая выражается в становлении новой модели социально-политического устройства, известной в философско-правовой литературе XIX – начала XX века как «полицейское государство». Этот процесс происходил в исследуемый период в ряде европейских государств, и имел конечной целью нормативное закрепление ценности жизни и здоровья людей в качестве объекта государственной защиты.

5. Российские правоведы в конце XIX - начале XX века сформулировали определение понятий медицинского выкидыша и преступного выкидыша. Под «медицинским выкидышем» правовая доктрина понимала операцию по преждевременному прекращению беременности, которая проводилась по медицинским показаниям, в частности, угрожающим жизни беременной. Во всех остальных случаях преждевременное прекращение беременности при помощи abortивных средств или механического воздействия на плод квалифицировалось правоведом как «преступный выкидыш», т.е. уголовно наказуемое «изгнание плода».

6. Под «изгнанием плода» (плодоизгнанием) в российском законодательстве конца XIX – начала XX века, понималось умышленное,

противозаконное, сознательное умерщвление и изгнание плода из тела матери. Объективная сторона данного преступления заключалась в самом факте производства плодизгнания, независимо от конкретных причин искусственного прерывания беременности. Объектом преступления являлся живой, но еще нерождённый плод. Субъективная сторона преступления выражалась в прямом умысле: виновный должен был полностью осознавать противоправный характер своих действий, предвидеть, что в результате их совершения плод будет умерщвлен и беременность прервана, а также желать наступления такого результата. Субъектом данного преступления могла быть как сама беременная, если она совершила преступные действия, приведшие к изгнанию плода, так и иные лица, если дача abortивных препаратов была сделана без согласия и знания об этом беременной. Преступление считалось оконченным, когда от преднамеренных действий виновного лица наступили последствия в виде гибели плода и изгнания его из тела матери.

7. В исследуемый период происходит последовательная либерализация законодательства, регулирующего наказание за преступное изгнание плода. Установленные в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. телесные наказания в последующих редакциях Уложения о наказаниях отменяются, бессрочное поселение в отдаленнейших местах Сибири заменяется для беременной женщины, совершившей изгнание плода, тюремным заключением. Такая тенденция прослеживается и при наказании лиц, производивших плодизгнание, но не имеющих «специальных знаний», соучастников и лиц, имеющих «специальные знания» (повивальных бабок, врачей и акушеров, аптекарей). Для данных субъектов преступления бессрочное поселение в отдаленнейших местах Сибири, телесные наказания, клеймение и каторжные работы (когда изгнание плода повлекло за собой смерть женщины), заменялись помещением в арестантские отделения на определенный срок. Наказание для лиц, имеющих «специальные знания», было на 1 ступень строже, чем наказание беременной женщины, с согласия которой оно было произведено.

8. Преступное плодозгнание в Российской империи XVIII – XX века носило латентный характер, его было крайне сложно выявить. Дела об изгнании плода возбуждались по следующим основаниям: 1) факт скоропостижной смерти женщин, когда в ходе вскрытия устанавливалось, что именно попытка плодозгнания привела к ее летальному исходу; 2) сообщение из медицинского учреждения о поступлении на лечение женщины с признаками перенесенного аборта; 3) донос. При этом в исследуемый период отсутствовали специальные знания, дающие возможность доказать безусловную вину лица в проведении им процедуры изгнания плода. Анализ уголовной статистики свидетельствует о том, что до судебного рассмотрения доходило незначительное количество дел по преступному изгнанию плода. Латентный характер преступного плодозгнания, развитие отечественной юридической науки и радикальные изменения во всех сферах жизни российского общества начала XX в. обусловили либерализацию ответственности за искусственное прерывание беременности. Постепенное смягчение политики государства в отношении социальной медицины впоследствии стало отправной точкой для советского законодателя 1920-х гг.

Теоретическое значение диссертационного исследования состоит в том, что рассмотренные в нем проблемы становления и развития уголовной и канонической ответственности за преступное плодозгнание в Российской империи XVIII – начала XX века относятся к мало изученным в современной науке истории отечественного государства и права.

Результаты проведенного исследования способствуют расширению научных представлений об истории уголовного права России, особенностях эволюции законодательства об ответственности за преступное плодозгнание в Российской империи XVIII – начала XX века, а также представлений о роли государства в обеспечении здоровья населения путем организации контроля за медицинской практикой и распространением медицинских знаний в эпоху Нового времени. Кроме того, основные выводы и положения, выносимые на защиту, могут представлять интерес для исследователей, интересующихся

вопросом о соотношении категорий греха и преступления в нормативных актах, судебной практике и правовой доктрине дореволюционной России.

Материалы диссертации также могут найти применение в дальнейших исследованиях, направленных на сохранение и поддержание института семьи и решения проблем репродуктивной политики в Российской Федерации.

Практическое значение диссертационного исследования. Материалы диссертационного исследования можно использовать в процессе подготовки учебных курсов и преподавании дисциплин историко-правового и теоретико-правового цикла (история государства и права, этика и философия права), а также дисциплин, связанных с историей государственно-конфессиональных взаимоотношений, судебной медицины, криминологии и др.

Результаты данного исследования могут быть учтены в современной законодательной и правоприменительной деятельности при формировании социальной, экономической, демографической и медицинской политики Российской Федерации.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические выводы автора отражены в 15 научных статьях, из них 4 статьи опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные результаты проведенного автором научного исследования докладывались и обсуждались на всероссийских и международных научно-практических конференциях: «Актуальные проблемы мировой и региональной экономики и юриспруденции на современном этапе» (Махачкала, 15 февраля 2012 г.); «Дни науки-2012» (Прага, 27 марта - 5 апреля 2012 г.); «Перспективы развития науки и образования» (Москва, 29 ноября 2013 г.); «Цифровая криминалистика: вызовы XXI века» (Балтийский федеральный университет им. И. Канта при поддержке Союза криминалистов и криминологов и Российского профессорского собрания, 28 августа 2020 г.); «Всероссийская научная конференция, посвященная памяти выдающегося

ученого Дмитрия Олеговича Серова» (Новосибирск, 28 октября 2020 г.); XLIV Международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире» (Москва, 28 февраля 2022 г.). Положения диссертационного исследования были внедрены в образовательный процесс Филиала «ВГУВТ», ФГБОУ ВО «Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина».

Структура диссертации. Диссертационное исследование представлено в виде следующих структурных элементов: введение, три главы, разделенные на семь параграфов, заключение, библиографический список, приложения.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ В РОССИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПЛОДОИЗГНАНИЕ В УГОЛОВНОМ И КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ

1.1. Основные этапы формирования института уголовной ответственности за плодизгнание в России

Такая медицинская манипуляция как плодизгнание (преднамеренно вызванного выкидыша) была известна в медицинской практике уже с древнейших времен. Упоминание о ней можно найти в произведениях Древней Месопотамии, Древнего Египта (папирус Эберса (1760 до н. э.)¹, Древней Греции и Рима. И уже в тот период деяние вызывало неоднозначную реакцию в обществе и часто подвергалось осуждению. Эту проблему обсуждали с медицинской, религиозной и правовой точек зрения, но она не имела и не имеет однозначного ответа.

В античном мире эта медицинская процедура не являлась преступлением. В частности, на страницах произведений Овидия встречается упоминание об изгнании плода, причем указывается на опасность, которую представляет собой эта процедура для здоровья женщины. Встречается упоминание об этой процедуре и в работах Гиппократов. В римском праве плод считался собственностью отца, который мог поступить с ним так, как считал нужным. В период расцвета Римской Империи плодизгнание признавалось безнравственным поступком, но подлежало наказанию только в том случае, если было произведено с целью наживы или мести². Но, начиная со II века н.э., в соответствии с догами христианского вероучения, по которым душа в ребенке существует с момента его зачатия, изгнание плода приравнивается к убийству.

Христианская церковь решением Константинопольского Собора 692

¹ Папирус Эберса [Электронный ресурс] Доступ 20.07.2019. <http://manuscript.su/manuskript/papirus-ebersa.html>

² Фабрице, Генрих. Учение об изгнании плода и детоубийстве. Перевод и дополнение ссылками на русское законодательство д-ра Н. Г. Фрейберга. — СПб.: Тип. журнала «Практическая Медицина» (В.С. Эттингер), 1906. С. 11-12.

года совершенно четко обозначила свое отрицательное отношение к аборту: «разницы нет, убивает ли кто-либо взрослого человека или существо в самом начале его образования»¹. Точно так же, трактует изгнание плода и Василий Великий (IV-V вв. н.э.), который заявил, что: «умышленно погубившая зачатый в утробе плод подлежит осуждению как за убийство»².

Уже древнегерманские законы наказывали за умышленное изгнание плода. Так, законы вестготских королей Чиндасвинта 652 г. и Рекчесвинт 672 г., содержали семь положений, касающиеся данного преступления. В них предусматривалось наказание для лиц, тайно или насильно дававших напитки для изгнания плода беременной женщине, причем наказание варьировалось в зависимости от статуса беременной женщины (свободная или рабыня), умерла ли от последствий изгнания плода или нет, степени участия в данном преступлении. В зависимости от этого накладывалось наказание в виде денежного штрафа до 250 талеров, 200 ударов плетьюми или смертной казни. Беременная женщина за данное преступление подвергалась смертной казни независимо от ее социального статуса, смертной казни подвергался и муж беременной женщины, если было доказано, что он участвовал в данном преступлении³.

Уголовно-судебное уложение «Священной Римской империи германской нации» Каролина 1532 г. также содержало статьи, предусматривающие ответственность за изгнание плода. Так, согласно статье СXXXIII за умышленное изгнание плода не зависимо от того, с помощью каких средств это было осуществлено, мужчинам отрубали голову, а женщина подлежала утоплению или иному виду смертной казни⁴.

Подобные суровые меры ответственности за данный вид преступления

¹ Либерман Я.Э. Изгнание плода в русском законодательстве. /Я.Э. Либерман. СПб.: – «Терапевтическое обозрение», 1914, № 5, с. 148.

² Мелетий Митрополит Никольский. «Аборты» / Митрополит Никольский Мелетий. М.: - изд. «Русское зеркало». 1998, с. 39.

³ King P.D. King Chindasvind and the first territorial law-code of the visigothic kingdam, Visigothic Spain. - Oxford, 1980. P.167.

⁴ Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V. Перевод, предисловие и примечания проф. С. Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. [Электронный ресурс] Доступ 20.07.2019: <http://yakov.works/acts/16/1/1532karolina.htm>

были закреплены в средневековых законодательных актах и других европейских государств. В XVII - XIX веках ответственность за преступное плодоизгнание в европейском законодательстве смягчилась, но, тем не менее, она существовала.

Так, по законам Прусского королевства, женщина, виновная в изгнании плода в первые тридцать недель беременности, подлежала заключению в смирительный дом на срок от 2 до 6 лет, если же она совершила данное преступление на более поздних сроках, то на срок от 8 до 10 лет. За умышленное употребление средства для изгнания плода, пусть и не приведшего к ожидаемым женщиной последствиям, виновная подвергалась наказанию в виде заключения в смирительный дом на срок от 6 месяцев до 1 года. Лицо, произведшее это преступление без ведома и согласия женщины, подвергалось 10 летнему или пожизненному заключению в крепости в зависимости от последствий плодоизгнания для потерпевшей¹.

В результате крещения Руси и восприятия ею норм христианской морали, а также в процессе развития российской государственности, начинают формироваться нормы уголовного и канонического права, вводящие ответственность за изгнание плода. Для проведения комплексного анализа уголовной и канонической ответственности за данное преступление необходимо установить основные этапы развития данного института в России.

Необходимость выявления этапов развития того или иного правового института или отрасли права в целом безусловно продиктована требованиями научного исследования.²

¹ Allgemeines Landrecht Für Die Preussischen Staaten: Lübecks, 1896. [Электронный ресурс] Доступ 20.07.2016. <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1468337>

² Кожевников В.В. Периодизация отечественной философии права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.184-185; Костенко В.И. Периоды исторического развития российского государства и права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.185-186; Зипунникова Н.Н. Периодизация как важнейшая методологическая проблема историко-юридической науки // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.186-187; Бодрова Э.Э. Периодизация курса истории отечественного государства и права: модульный подход // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.187; Суровень Д.А. Общая периодизация истории государства: критерии и принципы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.187-188; Жаров С.Н. Особенности периодизации истории отечественного государства и права // Вестник Омского университета.

Т.Ф. Ящук обосновывает необходимость периодизации при исследовании какого-то явления общественного бытия следующим образом: «Признание периодизации как необходимого элемента структурирования историко-правового материала, тождественно выбору определённого научного подхода, а именно, признание поступательности и последовательности общественного развития, социального прогресса, закономерностей смены государственных и правовых институтов, познаваемости общественного бытия»¹.

Периодизация является важнейшим теоретическим элементом историко-правового исследования, а также дает возможность реализовать его научно-прикладной аспект. Выделение хронологических рамок является важным элементом проведения исследования истории права, но зачастую сложно определить тот критерий, который лег бы в основу периодизации какого-либо историко-правового явления.

В этой связи определенную сложность представляет выделение этапов развития исследуемой проблемы, связанную с тем, что необходимо определиться, какие факты должны лечь в основу проводимой периодизации.

Становление и развитие правовой категории «плодоизгнание» в российском праве имеет свою историю. Эволюцию юридического статуса плодоизгнания можно разделить на три этапа в зависимости от степени интереса государственной власти к регулированию общественных отношений, связанных с искусственным прерыванием беременности и ответственности за него.

По мнению автора, можно выделить 3 этапа в развитии данного института уголовного права в России:

1. появления первых правовых актов, защищающих плод (с начала X до XVIII века);

Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.188; Коновалов И.А. Проблемы периодизации российского абсолютизма // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.189-190.

¹ Ящук Т.Ф. Периодизация истории государства и права как научная и учебная проблема // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С. 183.

2. становление института плодоизгнания в Российской империи (XVIII – первая половина XIX века);

3. кодификация норм об ответственности за плодоизгнание (первая половина XIX – начало XX века).

Русская православная церковь, являясь правопреемницей византийской христианской церкви, восприняла от нее и крайне отрицательное отношение к прерыванию беременности, приравнивая это деяние к убийству. Вызвано такое отношение было тем, что, с точки зрения церковных догматов, женщина, прибегнувшая к намеренному прерыванию беременности, совершала три смертных греха: посягала на человеческую жизнь, лишала нерождённого младенца благодати крещения и пыталась скрыть последствия блуда.

Христианская доктрина оценивает поведение человека с точки зрения соответствия его четко обозначенным в Священном Писании нравственным идеалам. Преступным является грех, совершенный человеком по собственной воле. Намеренное прерывание беременности с точки зрения христианской догматики таким проявлением свободной греховной воли и является.

Принятие Древней Русью христианства не только кардинальным образом повлияло на дальнейший ход российской истории, но и повлекло за собой коренные изменения в развитии права, поскольку вместе с христианством Русь восприняла и византийскую правовую традицию.

До XVIII века светское законодательство Русского государства не содержит статей, прямо указывающих на ответственность за плодоизгнание. Так, в Уставе князя Ярослава Мудрого в пространной редакции основного свода содержатся нормы, которые осуждали женщину, виновную в избавлении от плода, от новорожденного младенца, в рождении внебрачного ребенка, заключением в церковный дом и наложением на

нее епитимьи (трехлетнего поста)¹, но при этом понятия «детоубийство» и «избавление от плода» в этих правовых актах не дифференцировались.

В этот период появляются первые нормы, хотя и опосредовано, но защищавшие нерожденный плод. Так, например, в Соборном уложении 1649 г. предусматривалось закапывание жены в землю живьем за убийство своего мужа. В том случае, если женщина, виновная в совершении данного преступления, оказывалась беременной, то до рождения ребенка запрещалось её казнить. Она должна была содержаться в тюрьме, и только после рождения ребенка, подвергнута установленному ей наказанию.²

Кроме того, статья 17 предусматривала ответственность в случае, если «кто с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадейю ее стопчет и повалит, и тем ее обесчестит, или ее тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертвого, а сама будет жива, а с суда сыщется про то допряма: и тому, кто так учинит, за такое его дело учинить жестокое наказание, велеть его бить кнутом нещадно, да на нем же доправить той жене бесчестье и увечье вдвое, да его же вкинуть в тюрьму на три месяца. А будет от того бою та жена и сама умрет: и его за такое его дело самого казнить смертью».³

Если названное в ст.17 убийство будет совершено без умысла, потому что лошадь испугалась, порвала узду и удержать ее оказалось невозможно, вину данное убийство не ставить и наказание не применять, так как учинено дело «без хитрости»⁴.

Статья 103 «Новоуказных статей о татевных, разбойных и убийственных делах» содержит те же положения, что и ст.17 Соборного уложения, однако за некоторыми исключениями: «доправить той жене

¹ Устав князя Ярослава Пространная редакция. Законодательство Древней Руси/ [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018//<https://mydocx.ru/6-18554.html>

² Ст.15 Глава XXII Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 1. 1649-1675 гг. СПб.: Тип.И Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1830. С.155.

³ Ст.17 Глава XXII Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 1. 1649-1675 гг. СПб.: Тип.И Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1830. С.155.

⁴ П.18 Глава XXII Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 1. 1649-1675 гг. СПб.: Тип.И Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1830. С.155.

бесчестье и увечье; и по сыску будет сыщется, что с пьянства, сослать в Сибирь на пашню".¹ Таким образом, за деяние, предусмотренное ст.17 Соборного уложения, вводился другой вид наказания. «Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах» послужили дальнейшим развитием уголовного права Уложения и составили необходимое дополнение к нему»².

Совсем иначе относится то же Соборное уложение к убийству незаконнорожденных «прижитых в блуде» детей. «А будет которая жена начнет жить блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ее велению погубит, а сыщется про то допряма: и таких беззаконных жен, и кто по ее велению детей ее погубит, казнить смертью безо всякой пощады, чтобы на то смотря, иные такого беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися».³

В ст.111 Новоуказных статей положение, указанное в Соборном уложении, дополнено положением: «А в градских законах написано: аще жена во чреве имуща и зло помыслит на свою утробу, яко да извержет младенца, биема, от предела да изженется».⁴

По мнению М. М. Боровитинова⁵, прерывание беременности по Новоуказным статьям в первую очередь считалось деянием, посягающим на плод, а не деянием, создающим опасность жизни и здоровью беременной женщины.

Воспринятая русскими князьями византийская правовая традиция была во многом отражена в княжеских уставах. Но в отличие от византийских

¹ Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах. 22 января 1669 г // Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича: учебное пособие — М.: Зерцало -М, 2011. — С.410.

² Загоскин Н.П. История права Московского государства. Том 1. Казань: Университетская типография, 1877. С.101.

³ П.26 Глава XXII Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 1. 1649-1675 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. С.156.

⁴ Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах. 22 января 1669 г // Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича: учебное пособие— М.: Зерцало -М, 2011. — С.412.

⁵ Боровитинов М. М. Детоубийство в уголовном праве. Санкт-Петербург: типо-лит. С.-Петербур. тюрьмы, 1905. С. 12.

норм, которые опирались на церковные догматы христианской церкви, княжеские уставы видели в прерывании беременности не детоубийство и посягательство на жизнь еще не рожденного плода, а преступление, направленное на посягательство против семейных устоев и нравственности. Отсюда и большая ответственность, которая налагалась на мать при убийстве ею её незаконнорожденного младенца.

В период Московского государства ответственность за плодотизгание назначалась по Соборному Уложению 1649 года, но отдельной статьи, посвященной этому составу преступления, в судебнике не было. При этом в судебнике четко различалась ответственность в зависимости от того, был ли зачат ребенок в браке или в «блуде». Изгнание плода, на каком бы сроке оно не происходило, ни по ответственности, ни по составу преступления не отделялось от убийства новорожденного младенца и относилось к понятию детоубийства.

Таким образом, в исследуемый период прерывание беременности не представляло собой самостоятельного вида преступления, а нормы ответственности за него были рассредоточены по отдельным законодательным актам.

Считаю, что подобное отношение законодателя к данному виду преступления было обусловлено в первую очередь целью пресечения блуда и незаконного сожительства, то есть, пресечения поступков, которые противоречили в первую очередь нормам христианской морали и посягали на общественную нравственность, отсюда и квалификация данного преступления как квалифицированного вида убийства. И только во вторую очередь ставилась цель наказания за убийство незаконнорожденного ребенка. А. Д. Любавский указывал, что основной целью в данном случае являлось: «воспитание нравственности народа».¹

До начала XIX века ответственность за прерывание беременности регулировалась нормами продолжавшего действовать Соборного Уложения

¹ Любавский А.Д. О детоубийстве // Юридический вестник. 1863. Вып. 37. № 7. С. 1-29.

1649 года¹ и нормами Новоуказных статей о разбойных, татебных делах и убийствах². Ряд норм Соборного уложения и Новоуказных статей прекратил свое действие только после издания Свода законов (изд. 1832 г., 1842 г.).

Становление России как империи, развитие государственного аппарата, бюрократизация государственной власти характеризуется все большим государственным вмешательством в частную жизнь. М. Фуко считал, что государство стремится «установить властный контроль»³ даже над телом человека. Войны, которые вела молодая Российская империя вели к убыли податного населения, ставя перед властью в полный рост вопросы демографической политики. Следовательно, и вопросы деторождения становились сферой государственных интересов и ставились под контроль, в том числе и введением уголовной ответственности за совершение плодоизгнания. С точки зрения государственной власти, запрет прерывания беременности, должен был способствовать преумножению населения. Именно с этого периода государство полностью берет под свой контроль репродуктивное поведение женщин⁴, вводя уголовную ответственность не только за изгнание плода, но и за аморальное поведение, напрямую закрепляя в законодательных актах ответственность за прелюбодеяние. Так, по нормам Артикула воинского, тот, кто «очреватит» девку наказывался тюремным заключением, а также на него накладывалось церковное покаяние. Более того, в воинском артикуле прямо указывалось на ответственность за прелюбодеяние. Особенно сурово прелюбодеяние наказывалось в том случае, если: «одна особа в супружестве обретается, а другая холостая есть», то в зависимости от состояния виновных лиц, они могли быть наказаны битьем шпицрутенном, отставлением от полка, или «посылкой на каторгу на время»⁵.

¹ Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 1. 1649-1675 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830.

² Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том I. №431.

³ Фуко М. Власть и тело. – М.: Практика, 2002.

⁴ Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. «Плодоизгнание» как основной способ контроля рождаемости у крестьянок XIX в. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии 2019, Т. 18, № 3 С. 163.

⁵ Воинский устав от 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №3006. Арт. 170. С. 372.

В артикуле воинском целая глава посвящена ответственности за половые преступления и прелюбодеяние, также есть глава, регламентирующая ответственность за убийство и, в частности, ответственность за преднамеренное убийство «дитя во младенчестве» (артикул 163). Это преступление по своей тяжести приравнивалось к преднамеренному убийству отца, матери и офицера и наказывалось колесованием, в то время как за «прочие» преступления предписывалась казнь мечем¹. Но, о плодоизгнании не упоминается, и в отдельный состав преступления оно выделено не было, так как продолжали действовать нормы Новоуказных статей.

Принимаются правовые акты, при помощи которых государственная власть пыталась бороться с аморальным образом жизни, проституцией². Так, именной указ от 4 ноября 1715 г. требует от Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера принять меры к закрытию «блядских», игорных, корчемных домов, шинков и других подозрительных заведений, поскольку они влекут за собой различные «похабства»³. Позже такие же предписания получают другие губернаторы и воеводы⁴ Российской империи. Пытаясь бороться с проституцией, Екатерина II предписывает женщинам, уличенных в праздности и беспорядочном поведении, «отсылать на поселение в подлежащие места за караулом, а до отсылки их, давать им кормовые деньги, из имеющихся в Главной Полиции наличных денег»⁵. Следующий указ Екатерины II предписывал для избегания «праздного шатания меж дворов» отсылать в

¹ Воинский устав от 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №3006. Арт. 163. С. 369.

² Более подробно см: Воронина Г. А., Финогентова О.Е. Уголовная ответственность за преступное плодоизгнание в Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв//Вопросы экономики и права. 2019.№ 137. 24-28.

³ Пункты, данные С.Петербургскому Генерал-полицеймейстеру от 25 мая 1718 г. «О смотре, чтобы строительство домов происходило по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указанных местах; о съестных припасах; о подозрительных домах, о гулящих людях, о приезжих и отъезжающих; об определении с дворов караульчиков, в каждой слободе или улице старост и при каждом десяти дворах десятского и о распространении повинности постоя на людей всякого чина и звания» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №3203.

⁴ Наказ губернаторам и воеводам, и их товарищам, по которому они должны поступать, от 12 сентября 1728 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VIII. №5333.

⁵ Именной указ, объявленный Генерал-полицеймейстером Чичериным от 4 мая 1765 г. «Об отсылке вдов и девок за праздность и беспорядочное поведение на поселение в подлежащие места за караулом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVII. №12391.

казенные фабричные работы непотребных девок, присылаемых из Главной полиции¹.

В этот период принимается достаточно большое количество правовых актов, в том или ином виде направленных на защиту беременных женщин,² внебрачных детей, новорожденных младенцев³. Так, вышедший 9 апреля 1785 г Указ сенатский «Об освидетельствовании служанок, подозреваемых в беременности, через повивальную бабку и о непринуждении до воспоследования родов к тяжелой работе», был принят на основании Решения Ровельской палаты Уголовного суда по делу девки Елло, осужденной к битию кнутом вместо смертной казни за убийство новорожденного младенца. Во время проведения сыска об обстоятельствах дела выяснилось, что плод погиб в утробе матери в связи с поднятием ей тяжести. В связи с чем Сенат постановил: «впредь, если будет установлено, что служанка беременна, в том известить кого надобно, и с этого времени, следуя человеколюбию, не обременять тяжкою работаю».⁴

Проведенный выше анализ законодательства, показывает, что рождение внебрачного ребенка, помимо общественного осуждения, могло повлечь за собой для его родителей серьезные последствия в виде: телесных наказаний, ссылки в монастырь на тяжелые работы, сурового церковного покаяния. Такое положение вещей приводило женщину к мысли о том, что «для сокрытия греха» лучшим способом решения проблемы являлось изгнание плода или убийство новорождённого младенца.

¹ Указ сенатский от 30 сентября 1771 г. «О безоговорочном принятии на фабрики в работу непотребных девок, присылаемых из Главной полиции в Мануфактур-контору» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIX. №13664.

² Именной указ от 7 февраля 1718 г. «О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам, после разрешения их от бремени» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №3154 и др.

³ Именной указ от 4 ноября 1715 г. «О сделании в городах при церквах госпиталей для приема и содержания незаконнорождаемых детей» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №2953; Сенатский указ от 10 января 1771 г. «О доставлении младенцев, подкидываемых частным людям, в Воспитательный дом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIX. №13554 и др.

⁴ Указ сенатский от 9 апреля 1785 г. «Об освидетельствовании служанок, подозреваемых в беременности, через повивальную бабку и о непринуждении до воспоследования родов к тяжелой работе» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. №16.178. С. 334.

Еще одним способом избавления от нежелательного ребенка было подбрасывание его на крыльцо или во дворы церквей, богатых домов, в людные места, но зачастую младенцев находили не скоро, многие из них умирали от голода и холода. Выход из создавшейся ситуации нашел Иов, Митрополит Новгородский, создавший первый в России госпиталь, где матери могли оставить младенцев, рожденных вне брака, на попечение. Позже, по императорскому указу, во всех губерниях Российской империи, создаются специальные госпитали, предназначенные для приема и содержания в них незаконнорожденных детей¹. Матери таких детей должны были с закрытыми лицам, что бы их никто не мог узнать (в указе это специально отмечалось) приносить их и класть в специальное окно. Содержаться подобные заведения должны были за счет губернских доходов.

В этот же период предпринимаются попытки создания системы профессиональной медицинской помощи населению. Так Сенатом был 25 июля 1729 года принят указ, который под страхом жестоких штрафов, запрещал занятие медицинской практикой лицам, не имеющим медицинских свидетельств на знание медицины². Причем в дальнейшем наказанию подвергались не только те лекари, которые лечили без медицинского свидетельства, но и те, кто к ним обращался за помощью³. Для иностранных лекарей так же требовалось подтверждение их медицинских знаний и получение дозволения на медицинскую практику от Медицинской Коллегии, но в случае нарушения этого требования они не штрафовались, а подлежали высылке за границу.⁴

¹ Именной указ от 4 ноября 1715 г. «О сделании в городах при церквах госпиталей для приема и содержания незаконнорождаемых детей» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №2953.

² Сенатский указ от 25 июля 1729 «О запрещении медицинской практики людям, не имеющим свидетельств в знании Медицины» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VIII. №5449.

³ Указ Сенатский от 16 марта 1750г. «О нелечении никого неучившимся Медикохирургической практики лекарям, неосвидетельствованным Медицинскою канцелярией, под жестоким штрафом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIII. №9717.

⁴ См., например, Указ именной от 13 января 1778г. «О высылке из Петербурга иностранца Бодена, лечившего людей без дозволения Медицинской Коллегии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том XX. 1775-1780 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1830. Ст.14697.

При этом большая часть податного городского населения необходимость наличия постоянной, содержащейся за счет городских податей, медицинской службы не осознавала. Так, депутату, избранному от города Козмодемьянска в Комиссию для сочинения проекта нового Уложения в 1767 г., было велено городскими жителями заявить ходатайство об упразднении должности лекаря: «От лекаря нам никакой нужды нет, и пользоваться им никто не желает и ...вовсе он нам не надобен и жалованье отдают ему праздно».¹

Проблема родовспоможения и уменьшения детской смертности и предотвращение вытравления плода незамужними женщинами волновала и выдающегося российского ученого М.В. Ломоносова, который считал, что проблема может быть решена путем создания специальных приютов, в которых женщины смогут оставлять своих детей, рожденных вне брака. По мнению М.В. Ломоносова, в таких случаях женщина не будет искать возможности скрыть свой грех и это не приведет к убийству незаконнорожденного ребенка, так как матери от отчаяния «детей своих убивают». Чтоб избежать гибель невинных младенцев, он предлагал создать богадельные дома, в которых за младенцами ухаживал бы специально набранный и подготовленный персонал².

М.В. Ломоносов указывал на необходимость развития в России повивального искусства, он рекомендовал «выбрать хорошие книжки о повивальном искусстве и, самую лучшую положив за основание, сочинить наставление на русском языке или, сочинив на другом, перевести на русский, к чему необходимо должно присокупить добрые приемы российских повивальных искусных бабок»³. Так при Императорской Академии наук была издана книга «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов некоторыми физическими примечаниями, о воспитании

¹ Загоскин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань: Типография Императорского университета. 1891. С.68.

² Ломоносов М. В. Избранные философские произведения // Письмо графу И. И. Шувалову "О сохранении и размножении русского народа". Госполитиздат, Москва, 1950 г. С.598-614.

³ Ломоносов М. В. Указ Соч. С.598-614.

детей от рождения их до юношества»¹, в которой были собраны рекомендации по уходу за детьми.

Становление системы профессиональной родовспомогательной деятельности в Российской империи началось во второй половине XVIII века. По представлению лейб-медика императрицы Елизаветы Петровны П.З. Кондоиди был принят первый законодательный акт, которым в Санкт-Петербурге и Москве учреждались школы для обучения повивальному искусству². Все повивальные бабки, как российские, так и иностранные, должны были пройти аттестационные испытания в Медицинской канцелярии. Указ устанавливал количество повитух, которых было положено содержать за счет городской казны в Москве и Санкт-Петербурге «число повивальных бабок в Москве до 15, в Санкт-Петербурге до 10, когда лишние – по одной бабке в каждый Губернский город, а когда и те будут удовлетворены, в каждый Провинциальный город»³. Устанавливались квалификационные категории: старшие и младшие повивальные бабки, и в зависимости от этого размер их жалования: так, в Москве старшие бабки получали 200 рублей, младшие — 150 рублей в год, а в Санкт-Петербурге соответственно 300 и 200 рублей, порядок поступления городских сборов на их содержание. Также законом обязывалось передавать их списки в полицию, для публичного опубликования. После успешного прохождения аттестации повивальные бабки должны были принять присягу. Принятие присяги свидетельствовало о том, что с этого момента акушерская помощь женщинам во время родов ставилась под государственный контроль. Выдавая акушерское свидетельство государство, в свою очередь, брало на себя ответственность за профессиональные навыки акушерки, к которым предъявлялись по тем временам весьма серьезные требования⁴.

¹ «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов некоторыми физическими примечаниями, о воспитании детей от рождения их до юношества»¹. Санкт-Петербург. Императорская академия наук. 1768.

² Указ от 29 апреля 1754 г «О порядочном учреждении бабичьева дела в пользу общества» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIV. № 10214.

³ Там же.

⁴ Новикова Т. О. Младенчество и становление профессионального родовспоможения в России // Педиатр 2016. том VII. №1 С. 149.

Реализация указа в части открытия акушерских школ в Москве и Санкт-Петербурге имела место лишь в 1757 г. В 1801 г Московская акушерская школа была переименована в Повивальный институт. Первыми ученицами стали практикующие в столицах повитухи. Однако обученные в специальных школах присяжные бабки не пользовались особой популярностью среди рожениц, преимущественно ввиду оплаты акушерских услуг путем обязательного сбора с рожениц (бабки за труды при родах и девятидневное посещение должны получать 5 рублей), неимущих рожениц тем повивальным бабкам, которые находились на жаловании, «надлежало обслуживать бесплатно или направлять в учрежденные от Монарших щедрот повивальные дома»¹.

Деятельность по развитию системы родовспоможения неимущим женщинам и обучения повивальному искусству была продолжена Императрицей Екатериной II. По ее указу в 1764 году в Москве был учрежден Воспитательный дом с «особливым Госпиталем» для неимущих родильниц, при котором был открыт первый в Москве Родильный госпиталь², в котором проходили практику обучающиеся на кафедре повивального искусства. А 15 марта 1770 г. было разрешено открытие подобного же заведения и в г. Санкт - Петербурге, при котором так же был открыт повивальный госпиталь для неимущих родильниц³.

Императрицей Марией Федоровной эта деятельность была не только поддержана и продолжена, но и получила дальнейшее развитие, так в 1797 г. в Петербурге был открыт третий родильный госпиталь, при котором

¹ Устав всем ведомства Государственной медицинской коллегии докторам, лекарям и повивальным бабкам от 20 сентября 1789 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIII. № 16805.

² Манифест с приложением высочайше утвержденного проекта генерал-поручика Бецкаго. Об учреждении в Москве Воспитательного дома с особливым госпиталем для неимущих родильниц // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVI № 11908.

³ Высочайшая резолюция на доклад воспитательного дома главного попечителя Бецкого. О назначении места для построения Воспитательного дома в Санкт-Петербурге // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XI X. № 13429

функционировал Повивальный институт, ведавший подготовкой акушеров и повивальных бабок.¹

В 1811 г. был организован Повивальный институт при Императорском воспитательном доме с установлением срока обучения в 4 года и разделением периода обучения на 2 класса: Теоретический и Практический.

Повивальный институт состоял из:

- 1) казенных воспитанниц, пользующихся содержанием на счет сумм заведения;
- 2) крестьянских учениц, принимаемых за особую плату;
- 3) приходских учениц, посещающих лекции повивального искусства².

В Своде законов понятие плодоизгнания, плодоистребления не употребляются, но есть понятие «убийство детей в утробе матери (ст.343)», а также «чадоубийство» и «детоубийство (ст. 343)», которые закон относит к «особенным видам смертоубийства»³.

Наказание за них полагалось такое же, как и за обыкновенное убийство. М. М. Боровитинов, указывая на это, подчеркивал, что закон постановлял: «особенные виды смертоубийства подлежат тем же наказаниям, какие положены за смертоубийство вообще».⁴

На данном этапе плодоизгнание рассматривается как преступление, посягающее на семейные устои и нравственность, ответственность за совершение которого дифференцируется в зависимости от того, был ли зачат ребенок в браке или в «блуде». Таким образом, формирующееся новое направление внутренней государственной политики включает в себя заботу не только о физическом здоровье населения, но и об укреплении нравственности. Плодоизгнание по-прежнему не представляет собой

¹ Именной Указ, данный сенату. О принятии главного начальства над Воспитательными домами в обеих столицах императрицы Марии Федоровны. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI №17952

² Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. С.-Петербург: типография В. Демакова, 1880 г. С. 239.

³ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву / Н. С. Таганцев. СПб.: Типография А. М. Котомина, 1871. С.257.

⁴ Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве. СПб,1905. С.14.

самостоятельного вида преступления, не отделяется от убийства новорожденного младенца и охватывается общим понятием детоубийства. Появляются первые правовые нормы, направленные на защиту и поддержку следующих категорий лиц: 1) беременных женщин; 2) незаконнорожденных детей; 3) их матерей.

Формирование во второй половине XVIII в. полноценной системы нормативного регулирования практики прерывания беременности, а также процесса получения соответствующих медицинских знаний было обусловлено двумя причинами. Прежде всего перед Российской империей стояла задача укрепления суверенной государственной власти после продолжительного периода политической и социальной нестабильности XVI – XVII вв., а также эпохи борьбы за власть на верхнем («дворцовые перевороты») и низовом (народные восстания) уровнях общественной системы. В качестве ресурса, необходимого для решения данной задачи, рассматривалось население, забота о здоровье которого постепенно становится одним из направлений внутренней политики абсолютистского государства. Вместе с тем Российская империя на протяжении XVIII – XIX вв. принимала активное участие в международной политике, что также требовало мобилизации ресурсов, включая человеческие. Поэтому с рассматриваемого нами периода повышение уровня рождаемости и сохранение репродуктивного здоровья населения официально признаются государственной властью как первостепенные цели, требующие разработки и применения специальных мер демографической политики. К ним относятся не только регулятивные, но и охранительные меры, в том числе репрессивные, поскольку стоящие перед суверенным государством задачи не могут остаться нерешенными. В противном случае, согласно логике зарубежных (Ж. Боден, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо) и отечественных учений о суверенитете XVII-XVIII вв. (Ф. Прокопович, В.Н. Татищев), государство утрачивает суверенный характер.

Подчеркнем, что такое важное направление государственной политики, как забота о здоровье и воспроизводстве населения в условиях Российской империи второй половины XVIII в. формируется, во-первых, директивно; во-вторых, опережая свое время. Так, российские абсолютные монархи, подобно прусским королям, создают «сверху» новое социально-политическое явление – государственную медицину, для появления которой еще не сформировались соответствующие экономические предпосылки. Здоровье населения и уровень рождаемости рассматриваются не с точки зрения сохранения и преумножения рабочей силы, т.е. с чисто экономической, точнее капиталистической, как это позже наблюдается в послереволюционной Франции и особенно в Англии XIX в., но с точки зрения укрепления авторитета государства внутри страны и на международной арене. Как справедливо отмечает французский исследователь истории политических идей М. Фуко, государственная медицина, возникшая в Пруссии второй половины XVIII в. и связанная с концепцией медицинской полиции (*Medizinische Polizei*, 1764), по сути, появляется в «кульминационный момент этатизма»¹. Аналогичные процессы идут и в Российской империи, где государство берет под контроль широкий спектр общественных отношений, связанных с воспроизводством населения, и таким образом объединяет в рамках демографической политики регулятивные и охранительные меры, не всегда адекватные реальному уровню развития социальной, экономической и духовной сфер жизни общества.

Третий период связан с изданием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, с последующим его переизданием в нескольких редакциях. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года было первым кодифицированным источником уголовного права России, поскольку все принятые ранее законодательные акты содержали в

¹ Фуко М. Рождение социальной медицины // М. Фуко. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 88.

себе не только нормы уголовного права, но и нормы других отраслей российского права¹.

Впервые плодоизгнание, как самостоятельный состав преступления, было закреплено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В статьях 1932, 1933, 1934 для обозначения данного преступления используется термин «изгнание плода», выделяются специфические черты данного преступления. Изгнание плода относится к разделу 10 «О преступлениях против жизни, здоровья, чести и свободы частных лиц». В последующие годы были приняты новые редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1866г.², 1885г.³).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных стало первым в истории российского права правовым актом, выделившим в самостоятельную правовую конструкцию плодоизгнание. Положения, получившие закрепления о плодоизгнании в Уложении, определили субъект, объект и предмет данного преступного деяния.

Впервые вводится отдельная статья, в которой устанавливается уголовная ответственность повивальных бабок, акушеров, аптекарей и врачей за осуществление преступного плодоизгнания. Комментируя положения этой статьи, Лутков Д.В. указывал, что "врачи, акушеры, повивальные бабки, аптекари, имея больше средств к совершению сего зла, и поступая в противность своих обязанностей, употребляя во зло общественное доверие, должны быть, наказываемы стороже, всякого другого".⁴

¹ Непомнящая Т.В. Практика назначения уголовных наказаний в пореформенный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. №2(11). С.77.

² Именной указ, данный Сенату от 5 мая 1866 г. «О новом издании Уложения о наказаниях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение 1. №43265.

³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 25 ноября 1885 г. «Об изменениях в Своде законов, вызываемых отменой заключения в рабоче-смирительных домах и новым изданием Уложения о наказаниях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. V. 1885. №3316.

⁴ Лутков Д.В. Сборник сведений, разъясняющих применение на практике Уложения о наказаниях, извлеченных из сборников: а) высочайше утвержденных мнений Государственного совета б) решений Правительствующего сената (изд. 1864, 1865 и 1866 г.) в) решений Уголовного кассационного департамента (за 1866-1870 и первую половину 1871 г.) решений Главного военного суда и других повременных изданий / сост. Д. Лутков, член Тульск. окр. суда. - Москва: Тип. Т. Рис, 1872. С.208.

Новые редакции названного Уложения отличались от первого издания документа предусмотренными видами наказания. В издании 1866 г. были отменены телесные наказания за плодоизгнание, а в остальном виды наказаний применялись те же, что и в издании 1845 года.

В процессе расследования преступного плодоизгнания важное место занимало проведение судебно-медицинских действий. В XIX веке был принят Устав судебной медицины, врачебные уставы, где были даны рекомендации по исследованию мертвых тел как умершей женщины (в том числе беременной), так и тела найденного новорожденного ребенка или изгнанного плода.¹

В качестве систематизации и упорядочения торговли медицинскими препаратами, особенно ядовитыми веществами, которые могли использоваться в качестве плодоизгоняющих средств, выступили меры государственной власти по созданию аптекарского приказа и аптек, деятельность которых также регламентировалась. Повсеместно было запрещено продавать ядовитые вещества, они должны были быть сосредоточены в аптеках или ратушах, из них отпускаться по поручке.²

Важную роль в исследуемый период законодатель отводил развитию учебных заведений для обучения повивальному искусству. Несмотря на то, что в общественном сознании еще до конца не прижилась мысль о необходимости прибегать к медицинской помощи, и в большинстве случаев

¹ Устав судебной медицины 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857. Ст.1738; Устав врачебный 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857. Ст.184.

² Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 17 июня 1830 г. «О правилах для продажи ядовитых и сильно действующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. №3730; Высочайше утвержденный Устав Аптекарский от 23 декабря 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. Отделение 2. №9808; Высочайше утвержденный проект учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях от 30 апреля 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIII. Отделение 1. №11189, Ч.IV; Высочайше утвержденный Сельский полицейский устав для государственных крестьян от 23 марта 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение 1. №12165, ст.40; Высочайше утвержденный Сельский судебный устав для государственных крестьян от 23 марта 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение 1. №12166, ст.203 прим.2; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 28 июля от 23 июня 1852 г. «О правилах раздробительной продажи ядовитых и сильнодействующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVII. Отделение 1. №26397 и др.

лечение осуществлялось самостоятельно при помощи методов народной медицины, создание системы учебных заведений было продолжено. В Москве и Санкт-Петербурге, а затем и в других городах Российской империи стали создаваться повивальные школы, регламентация их деятельности осуществлялась не только центральным законодательством, но и локально.¹

Начало XX века было также отмечено продолжением становления системы врачебного дела. Законодательством в данный период принимались нормативные акты в области устройства врачебных частей², об увеличении штата врачебных частей³ и др. Продолжало развиваться законодательство, направленное на развитие родовспомогательной деятельности, законодателем регламентировались вопросы учреждения должностей повивальной бабки⁴ и др.

¹ Высочайше утвержденный устав Повивального института и Родильных Госпиталей при императорском Московском Воспитательном доме от 15 марта 1858 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIII. № 32876; Устав врачебный 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 29 апреля, от 11 марта 1875 г. «Об ответственности лиц, не имеющих права заниматься врачебной практикой, за злоупотребление, при врачевании, ядовитых и сильнодействующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. L. Отделение 1. № 54478; Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283; Именной указ от 29 декабря 1856 года, объявленный главному командиру Астраханского порта // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXI. № 31329; АОГУ «Государственный архив Астраханской области» (ГААО). Ф.20.Оп.1.Т.1; АОГУ «Государственный архив Астраханской области» (ГААО). Ф.20.Оп.1.Д.735 и др.

² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 февраля 1901 г. «О назначении сумм на канцелярский расход участкам врачей в областях Акмолинской и Семипалатинской» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отделение 1. №19679; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 8 июня 1901 г. «О преобразовании врачебной части в Забайкальской области» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отделение 1. №20352

³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 13 марта 1900 г. «О дополнении штатов сельско-врачебной части Приморской области» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XX. Отделение 1. №18271; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 13 марта 1900 г. «Об устройстве врачебной части во Внутренней Киргизский орде» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XX. Отделение 1. №18272; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 июня 1900 г. «Об усилении врачебной части в Томской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XX. Отделение 1. №18864; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 26 марта 1901 г. «Об изменении штата сельской врачебной части в Минской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отделение 1. №19869; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 25 марта 1902 г. «Об изменении штата сельско-врачебной части в Астраханской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. Отделение 1. №21267; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 29 апреля 1902 г. «Об изменении штата сельско-врачебной части Приморской области» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. Отделение 1. №21364.

⁴ Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 5 января 1901 г. «Об учреждении при Кушкинском местном лазарете должности повивальной бабки» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отделение 1. №19540; Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу Главно-управляющего С.Е.И.В. Канцелярией по учреждениям Императрицы Марии от 1 февраля

Таким образом на третьем этапе проводится первая кодификации норм об ответственности за плодизгнание, связанная с принятием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Прерывание беременности впервые выделяется законодателем в самостоятельный состав преступления, получивший наименование «изгнание плода». В этот период принимается Устав судебной медицины, содержащий рекомендации по исследованию мертвых тел как умершей женщины (в том числе беременной), так и тела новорожденного ребенка или изгнанного плода. Кроме того, принимается Устав врачебный, закрепляющий ответственность медицинских работников за проведение процедуры изгнания плода не по медицинским показаниям. На данном этапе систематизируется законодательство, регламентирующее торговлю медицинскими препаратами и ядовитыми веществами, которые могли использоваться в качестве плодизгоняющих средств. Несмотря на существенные пробелы в этих нормативно-правовых актах, их появление свидетельствует о формировании в Российской империи XVIII – начала XX века по образцу западноевропейских государств того времени социальной медицины, предполагающей нормативное регулирование практически всех вопросов, связанных с прерыванием беременности: от подготовки медицинских кадров до детализации уголовной ответственности за преступное плодизгнание. Поэтому в рассматриваемый период активно развивается система учебных заведений для обучения российских подданных повивальному искусству.

1903 г. «Об учреждении в Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении новых должностей двух сверхштатных врачей и восьми сверхштатных повивальных бабок и о назначении всем 8-ми сверхштатным врачам и 8-ми сверхштатным повивальным бабкам постоянного вознаграждения» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 1. №22480; Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 13 февраля 1903 г. «О добавлении к штату Клинического военного госпиталя второй должности повивальной бабки» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 1. №22522; Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 8 апреля 1903 г. «О замене участковых повивальных бабок Сибирского казачьего войска фельдшерами-акушерками» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 1. №22791; Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 28 июля 1903 г. «О дополнении ст.9 кн. XVI Свода Военн. Пост. 1869 года и о предоставлении права повивальным бабкам, состоящим на службе по военному ведомству, офицерского довольствия в военно-лечебных заведениях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 1. №23316.

Огромное влияние на оценку данного преступления оказывала позиция Православной церкви, которая продолжала относить данное деяние к категории греха и приравнивала его к убийству. Позиция Церкви в этом вопросе оставалась неизменной, что не давало возможности законодателю существенно смягчить ответственность за данное деяние, а тем более исключить аборт из числа преступлений.

Подводя итог проведенному в данном параграфе исследованию, необходимо указать, что на правовые нормы Российской империи исследуемого периода большое влияние оказывали религиозные догмы, по которым плодоизгнание считалось тяжким грехом и приравнивалось к убийству, что влияло на назначение уголовной ответственности за данный вид преступления. В Соборном Уложении 1649 года отдельная статья, посвященная данному составу преступления, отсутствовала, ответственность за него назначалась как за убийство матерью новорожденного младенца, относилось к понятию детоубийства, причем ответственность за него варьировалась в зависимости от того, был ли плод последствием прелюбодеяния или нет.

Законодательство начала XVIII века несколько смягчает ответственность за данный вид преступления, причем по - прежнему в отдельный состав преступления оно не выделяется. При этом законодателем принимается большое количество правовых норм, направленных на борьбу с социальными явлениями, которые приводят женщину к избавлению от плода. Принимаются правовые нормы, направленные на развитие систем родовспоможения, а также поддержки и призрения незаконнорожденных детей. Примечательно, что, к примеру, в Пруссии второй половины XVIII – начала XIX вв. формирование нового направления внутренней политики абсолютистского государства, связанного с заботой о здоровье и воспроизводстве населения, происходило параллельно с развитием науки о государстве. Иными словами, если государство проявляет интерес к проблеме сохранения и использования всех возможных ресурсов в

перспективе укрепления суверенитета, а также искусственно создает систему наблюдения за рождаемостью, включающую в себя нормализацию медицинской практики (условия получения медицинского образования, требования к акушерам и т.п.), то оно нуждается в теоретическом осмыслении осуществляемых им мероприятий и само становится объектом научного исследования. Однако в Российской империи появление первых концепций преступного плодоизгнания и уголовной ответственности за него относится к более позднему времени, а именно ко второй половине XIX в., что во многом обусловлено спецификой возникновения и развития отечественной юридической науки в целом.

Как отдельный состав преступления плодоизгнание впервые формулируется в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В последующих редакциях законодатель уточняет и более точно раскрывает его состав. Идет постепенное смягчение уголовной ответственности за данное преступление. На смену смертной казни приходят ссылка и тюремное заключение. Одновременно с этим закрепляется ответственность медицинских работников за проведение процедуры изгнания плода не по медицинским показаниям. Развивается система учебных заведений для обучения повивальному искусству и развитие системы родовспоможения и призрения незаконнорожденных младенцев.

1.2. Ответственность за плодоизгнание в Российской империи: сочетание канонического и уголовно-правового подходов

Религиозные догмы во многом создают основу национальной ментальности. Путём переработки опыта, знаний, привычек народа они со временем превращают их в обязательные для выполнения религиозные нормы, которые затем ложатся в основу правовых норм и тесно с ними переплетаются.

Православная церковь сыграла важную роль в формировании Русского государства, ее мировоззренческие, гуманитарные, философские установки оказали определяющее влияние не только на воспитание общественного и нравственного сознания населения, но и на правовую жизнь общества, а через общественное сознание - на содержание законодательных актов. Русские дореволюционные авторы, исследующие церковное право, подчеркивали его основополагающую роль при формировании институтов светского права. В частности, Красножен М.Е указывал: «большая часть институтов русского права развивалась под влиянием права церковного»¹.

Занимая особое место в русском обществе, православная церковь оказывала влияние не только на формирование его морально-этических и ценностных установок, но и на формирование правовой национальной доктрины².

Основные принципы церковного устройства Русской церкви повторяли принципы устройства Византийской церкви, поскольку Русская церковь находилась под ее юрисдикцией до 1448 года. В соответствии с церковной традицией вся полнота власти в епархии, как судебной, так и церковной, принадлежала епископу, который, был ответственен перед Богом, как за церковную, так и за светскую жизнь своей паствы.

На Руси в компетенцию церковного суда были включены не только те категории дел, которые были связаны с правонарушениями церковнослужителей и спорами о церковной собственности, но и преступления мирян, как правило, связанные с непристойным поведением, нарушающим христианские заповеди (блудодеяние, развратный образ жизни), а также дела о расторжении брака. В компетенцию епископского суда также входили и дела о плодоизгнании. Отрицательное отношение к плодоизгнанию было из положений христианского вероучения перенесено в нормы светского права. Поскольку плодоизгнание являлось греховным с

¹ Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900. С.9.

² Шаляпин С.О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск. ИПЦ САФУ 2013.

точки зрения церковной догматики, то и с точки зрения светских властей оно стало преступным деянием, а преступник нес ответственность за него как по нормам уголовного права, так и по нормам канонического права.

В памятниках древнерусского канонического права, в частности в Поучениях новгородского архиепископа Ильи-Иоанна, датируемого профессором А.С. Павловым 13 марта 1166 года, встречается первая письменная рекомендация, обращенная к священнослужителям, направленная на охрану здоровья беременной женщины: «Егда жена носит в утробе, не велите ей кланяться на коленях, ни рукою до земли, ни в великы и пост: от того бо вережаются и изметають младенца»¹.

Впервые об ответственности за изгнание плода говорится именно в канонических источниках. Так, митрополит Георгий в «Уставе белеческий или Заповедь святых отец ко исповедающимся сыном и дочерем», написанном во второй половине X века, устанавливает наказание в виде трехлетнего покаяния для тех женщин, которые избавлялись от плода путем принятия зелий: «Аще погорая жена зелья ради извержет, 3 лета да покается»².

«Вопросы и ответы о разных случаях пастырской практики», издававшиеся при Волоколамском монастыре и датируемые XV в., прямо указывают: «а жена погубит в себе дитя — ей епитимья...ино аще животное погубить - 15 лет епитимья. Аще образ есть — 7 лет епитимья, а зарод аще есть — 5 лет епитимья. А к смерти аще будет дать ей святое причастие»³.

С XVI века Православная Церковь активно использует в своей деятельности Номоканон святого Иоанна Постника, впервые изданный в печатном виде в 1620 г. в типографии Киево-Печерской Лавры. Номоканон в

¹ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: (Памятники XI-XV в.) / Ред. А. С. Павлов. - 2-е изд. - СПб.: Тип. М. А. Александрова. 1908. - 1472 с.// [Электронный ресурс]. Дата обращения 04.05. 2020// https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Pavlov/pamjatniki-drevne-russkogo-kanonicheskogo-prava/137_2#sel=85:350,85:360

² Георгий, митрополит Киевский Устав белеческий или Заповедь святых отец ко исповедающимся сыном и дочерем/ [Электронный ресурс]. Дата обращения 04.05. 2020//http://www.odinblago.ru/golubinskiy1_2/2_4b

³ Вопросы и ответы о разных случаях пастырской практики//Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Памятники древнерусского канонического права. Часть I. Памятники XI –XV веков. СПб. Тип. Императорской Академии наук. 1880. Т. 6. С.862.

ст. 72 и ст. 73 предлагал накладывать на женщин, совершивших умышленное избавление «от зачатого в утробе плода», такое же наказание как на совершивших смертоубийство, т.е. пятилетнюю или трехлетнюю епитимью¹.

Сокращенный старообрядческий Номоканон в правилах 121 и 122 устанавливал за данное преступление 10 лет отлучения от святого причащения для женщины, совершившей аборт. Такому же наказанию подлежали и те, кто «дающие им для растления зачатого во чреве плода ядовитыя былия»².

В более позднем Номоканоне, Номоканоне Иоанна Постника с толкованиями епископа Никодима (Милаша)³, предписывается строго применять предписание правил Василия Великого, согласно которым «хитростью растливши, егда аще уморить, убийца есть. Толкование: жена чревата сущи, егда аще примет пагубное зелие, яко да уморить сущаго во чреве ея младенца, убийца есть, испытуем, аще вообразился бы младенец или не вообразился; понеже многии цею умирают со младенцы иже ны, и елико по хитрости их, два убийства бывают: едино убо хотвует родити жене, друго же младенцу, десять убо лет таковыя запрещения приимают: два убо лета да плачутся, три же лета с послушающих да сотворит: и четыре лета да припадают: и едино лето да стоят с верными: и тако по деяти лет времени божественных тайн да причастятся»⁴. По мнению составителя, Иоанн Постник слишком снисходителен к грешницам, которыми являются женщины, вытравляющие плод.

В нормах Соборного уложения 1649, Новоуказных статьях о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г., в Инструкции старостам поповским, или благочинным смотрителям от Святейшего

¹ Номоканон или Законное правило. Киев: Типография Лавры. 8 июня 1620. [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018//

<https://drevlepravoslavie.wordpress.com/%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B8/>

² Номоканон сокращенный старообрядческий/ [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018. //http://padaread.com/?book=55135&pg=20

³ Номоканон Иоанна Постника с толкованиями епископа Никодима (Милаша)/ [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018. // <http://dishpravoslavie.ru/nomokanon-sv-ioanna-postnika/>

⁴ ОГКУ «Государственный архив Иркутской области» (ГАИО). Ф.50. оп.1. Д. 3376. Л. 4, 5.

патриарха московского Андриана от 22 декабря 1697 г. были указаны те порочные деяния, за которые полагалось церковное наказание это: «блудодеяние», «беззаконное прижитие ребенка», вступление четвертый раз в брак, пренебрежительное отношение к обряду венчания и т.п. Лица, уличенные в подобном поведении, подлежали отправке в монастырь «на труды», и на них накладывалась, в зависимости от тяжести содеянного, епитимья.

Так, согласно «Инструкции старостам поповским, или благочинным смотрителям от Святейшего патриарха московского Адриана», за рождение ребенка вне брака женщина и ее сожитель должны были быть сосланы на месяц на работы в монастырь, причем сожитель подлежал «битью шелепами»¹.

Таким образом, источники русского канонического права, четко указывали на то, что с позиции Православной церкви плодоизгнание являлось преступлением, которое, по своей тяжести, приравнивалось к убийству и устанавливало за него ответственность в виде епитимьи.

Традиция публичного покаяния за совершенные преступления в русской православной церкви использовалась достаточно активно, на это прямо указывают перечисленные выше нормы канонического права. По мнению Е.Н. Марсиновой, традиции публичного покаяния, как добровольного, так и принудительного, «были основаны на таинстве исповеди и отождествлялись с епитимьей».²

В XVII – первой половине XVIII вв. Церковь активно помогает государственной власти бороться с антисоциальными явлениями, разгульным образом жизни, прелюбодеяниями, используя для этого доступные ей меры воспитательного воздействия на население: епитимья, ссылка в монастырь «на труды», отказ в проведении «святых таинств». Указанные меры

¹ Инструкция старостам поповским, или благочинным смотрителям от Святейшего патриарха московского Адриана от 22 декабря 1697 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. III. №1612.

² Марсинова Е. Н. Покаяние в России в XVIII в. // Вопросы истории. 2016. № 6 С. 82.

наказания не являлись мерами «сопутствующими» другим видам наказаний, а выступали в качестве самостоятельных.

В период правления Петра I политика государственной власти в отношении церкви существенно меняется. Резко сокращаются категории дел, попадающих под церковную юрисдикцию. Под судебный контроль императорской власти передаются те преступления, за которые ранее наказание мирянам устанавливалось церковными властями. В компетенцию светского суда теперь попадают дела о «любодействе», о «блудном насилии», о «детях прижитых блудодейством», и т.д.¹ Эти изменения затронули и отношение к покаянию. С момента введения в действие Воинского устава, покаяние превращается в сопутствующую меру наказания, которая налагается светской властью.

Согласно положениям Воинского устава и принятого немного позднее Морского устава, покаяние выступало в качестве сопутствующего наказания за самые разные преступления. Покаяние полагалось за идолопоклонство, чародейство, пьяный дебош, убийство по неосторожности, прелюбодеяние, богохульство, превышение необходимой самообороны и т.д.² Покаяние назначалось вместе с другими видами наказания, такими как: денежный штраф, битье кошками, выплата части денежного содержания в пользу госпиталя и другими³.

Увеличив количество преступлений, за которые в качестве дополнительного наказания назначалось церковное покаяние, Петр I передал его из-под церковной юрисдикции, в юрисдикцию светских судов. Тем самым лишив покаяние его религиозной, сакральной составляющей, которая была призвана затронуть душу преступника, заставить его осознать и искренно раскаяться в своих преступлениях. В период, последовавший за

¹ Высочайшая резолюция на докладные пункты синода от 12 апреля 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. № 3963. С. 650.

² Воинский устав от 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №3006. Морской устав от 13 января 1729 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. № 3484.

³ ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 322

правлением Петра I, покаяние практически не встречается в судебной практике¹.

Восстановилось покаяние, как один из видов публичного наказания, только в период правления императрицы Екатерины II, которая считала необходимым не только наказание, но и нравственное исправление преступника, «очистку его совести». По мнению императрицы, применяемые согласно закону суровые телесные наказания, такие как: битие кнутом, шпицрутерами и т.д., не влекли за собой нравственного исправления преступника, только покаяние могло способствовать его перерождению и становлению «полезным членом общества»². Покаяние вновь начинает включаться в судебные приговоры совместно с другими видами наказаний. Меняется отношение к покаянию, оно, как указывает Е. Н. Марсинова, превращается в судебную процедуру³.

Необходимо учитывать, что в религиозном сознании населения публичное покаяние отождествлялось с такими церковными таинствами как исповедь и епитимья. Таким образом, светские суды, активно применяя церковную, духовную практику публичного покаяния, в качестве меры наказания, минуя духовенство, используют религиозные верования для решения задач государственной власти по улучшению нравов подданных.

После секуляризации представители всех религиозных конфессий были лишены прежних сословных привилегий, их авторитет в глазах населения существенно ослаб, но, проведенная в 1832 в Российской империи кодификация законодательства России, позволила духовному сословию занять особое место в государстве.

Системно и более активно использовать авторитет и влияние Православной церкви для борьбы с уголовной преступностью государственная власть Российской империи начинает во второй половине

¹ Марсинова Е.Н. Покаяние в России в XVIII в. // Вопросы истории. 2016 № .6. С. 83

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 75–91 об.

³ Марсинова Е.Н. Наказание покаянием в России XVIII в.: церковные практики на службе светского государства. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. №5. С. 96.

XVIII века, через созданные в 1841 году духовные консистории¹. В задачи духовных консисторий входил контроль приходского духовенства, которое было обязано наставлять народ «в вере, благочестии, благонравии и послушании властям»². Судопроизводство Духовных консисторий распространялось на духовенство и мирян. Церковная судебная система состояла из суда консистории, архиерейского суда, епархиального суда и суда Святейшего Синода, любой из указанных судов обладал правом вынесения решений.

Создав систему духовных судов, государственная власть не только включает ее в систему государственного аппарата, поставив внутреннюю жизнь церкви под еще больший контроль, но использует ее для решения проблемы регулирования правопорядка в обществе и в самой церкви, что в конечном итоге приведет к «усилению в строе Церкви начал и форм государственности и, вместе с тем, к размножению и усилению бюрократического элемента в отправлениях церковной власти»³.

При вынесении решений церковные суды опирались на нормы канонического права, при этом являясь, по сути, еще одним элементом бюрократического аппарата. Решая те же задачи, что и государственная власть, церковь использовала другие методы воздействия на человека и общество, обращаясь к нравственности, вере, основным моральным и этическим принципам христианского вероучения.

Горчаков М.И., протоиерей, профессор церковного права Санкт-Петербургского университета, указывал на то, что «церковная власть, пользуясь предоставленными ей от государства правами государственной власти, продолжает удерживать в своих судебных отправлениях черты государственной, уголовной, судногражданской и полицейской власти»⁴.

¹ Высочайше утвержденный устав Духовных консисторий от 27 марта 1841 г./Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI. Ст.14409. С. 221.

² Там же С.222.

³ Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М. Изд-во. : Духовная библиотека. 2004. [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018. //

<https://www.livelib.ru/book/146800/readpart-tserkovnyj-sud-i-problemy-tserkovnoj-zhizni-elena-belyakova/~26>

⁴ Цитата по Белякова Е. В. Указ. Соч.

На духовные консистории были возложены как административные, так и судебные функции. Непосредственное руководство духовной консисторией осуществлялось епархиальным архиереем, а высшее руководство и контроль за деятельностью находились в ведении Священного синода. Духовная консистория представляла собой присутственное место со своим штатом и четко обозначенным кругом обязанностей.

Лицо, назначаемое на должность секретаря духовной консистории, должно было быть в обязательном порядке согласовано с епархиальным архиереем, и могло быть уволено Синодом по представлению обер-прокурора.

Канцелярией консистории формировалось дело, в котором собирались все документы: представления, рапорты, доносы. На основе этих документов при коллегиальном обсуждении с присутствием членов духовного правления, благочинных, настоятелей и настоятельниц обсуждалось и принималось предварительное решение, которое доводилось до правящего архиерея. В свою очередь, правящий архиерей мог утвердить принятое решение, а мог и не утвердить, и принять решение в соответствии со своим усмотрением. В том случае, если при коллегиальном обсуждении материалов дела возникали разногласия, материалы подлежали обязательной отправке в Священный Синод, в чьем ведении и находилась прерогатива принятия окончательного решения по делу.

Известный специалист по русскому церковному праву, профессор Московской духовной академии Соколов Н.К., указывал на крайне низкую эффективность церковного суда, вызванную тем, что судопроизводство проводилось заочно, использовалась система формальных доказательств при определении степени виновности обвиняемого лица, а при вынесении решений царил произвол. В связи с этим ученый констатировал, что существующий церковный суд, «деморализуя администрацию, развивая в ней произвол и склонность действовать по собственному усмотрению, почти совершенно убивает суд, обращая его в покорное орудие для

прикрытия административного произвола и для сообщения его действиям, в случае нужды, внешней формальной законности»¹.

В компетенцию церковных судов входила довольно узкая сфера правоотношений. Прежде всего, это были внутрицерковные дела, дела о проступках священнослужителей, брачно-семейные отношения, а также преступления против нравственности. Церковный суд являлся специфическим судебным органом, не входившим в систему государственной судебной власти и осуществлявшим правосудие не от лица государства. Он не был отделен от административной власти церкви и представлял собой, в определенной мере, альтернативный источник правосудия, который находился в непосредственном подчинении у высших духовных иерархов русской Православной церкви. Он имел свою собственную структуру, подсудность и свои санкции такие как: покаяние, отлучение от церкви, епитимии.

В зависимости от исторических этапов развития русской государственности, влияние Церкви на правосознание населения менялось. Но, неизменным оставалось то, что Церковь была той организацией, которая в том или ином виде контактировала со всеми верующими Российской империи, что давало ей возможность не только оказывать влияние на религиозное сознание населения, но и заниматься по сути дела «профилактикой преступности», используя для этого нормы Священного писания, понятие греха и воздаяния за него. В свою очередь, государственная власть активно использовала авторитет церкви в тех случаях, когда, с точки зрения закона, деяние не было преступным, но нарушало религиозные нормы.

Статья 61 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. прямо указывала на то, что к уголовным и исправительным наказаниям, в определяемых законом случаях, по распоряжению церковного начальства,

¹ Соколов Н.К. О началах и формах духовного суда в виду современных потребностей // Православное обозрение. 1870. Май. С. 825

присоединяется церковное покаяние. Виды и сроки церковного покаяния должны были определяться духовным начальством. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных были конкретно указаны преступления, за которые назначалось церковное покаяние - всего 33 статьи¹. Преступное плодоизгнание в этот перечень не входило, церковное покаяние за данное преступление применялось в качестве дополнительного наказания, поскольку за него, помимо основного наказания, полагалось лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь. В примечании к статье особо оговаривалось, что лицам, сосланным в Сибирь на поселение, наказание назначало епархиальное начальство того места, куда осужденные ссылались². Материалы решений местного епархиального начальства по подобным делам хранились на местах, и ряд дел сохранился в Иркутском государственном архиве в фонде Духовной консистории.

Достаточно часто, за изгнание плода судебные органы выносили оправдательные приговоры. Но оправдательный приговор за случайное плодоизгнание не освобождал виновную женщину от ответственности по каноническому праву. Православная Церковь использовала в своей практике предписания Номоканона, в частности, примером может служить дело «О наложении епитимьи на девку Рыбникову за блудодеяние и за ненамеренное убийство в утробе младенца»³, которое было рассмотрено Иркутской Духовной консисторией 3 октября 1827 года.

В ходе следствия было выявлено, что крестьянская дочь Авдотья Васильева Рыбникова 19 лет была беременна вторым ребенком, первая девочка жива, ей третий год. От кого забеременела – не знает, блудила со многими мужчинами, их не помнит. В последние дни Великого поста упала и сильно ушиблась. В первых числах мая она пошла в лес за коровами,

¹ Более подробно см: Дорская А.А. Взаимодействие уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом/ Известия российского государственного университета им. А. И. Герцена. Т.5. № 11. 2005. С. 259-269.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Тип. II отделения С.Е.И.В. Канцелярии. СПб. 1845. С.20 -21.

³ ОГКУ ГАИО. Ф.50. оп.1. Д. 3376. Л. 1.

почувствовала сильную боль, у нее открылось кровотечение, отошли воды и вместе с ними выпал ребенок, он оказался мертвым, и она его там оставила. Намерения избавиться от плода или умертвить ребенка она не имела. Во время родов никто ее не видел, и она никому не сказала. О родах стало известно по изменившейся фигуре.

Авдотья Рыбникова честно во всем призналась и на вопросы сельского начальства, и на суде чистосердечно на вопросы отвечала.

Суд вынес решение, что «девка Авдотья Рыбникова, родившая от любодеяния двух младенцев, первого женского пола, находившегося в живых, имеющего от роду третий год, а другого неизвестного пола по причине безвременного рождения, случившегося от повреждения, от чего младенец родился мертвый, чистосердечно в блудодеянии с разными лицами призналась. Поскольку гражданским судом за такое преступление никакой меры наказания ей не положено; то наложить на ту девку Рыбникову по 59-му правилу Василия Великого семилетнюю епитимию, которую велеть ей исправлять при приходской своей церкви под смотрением оной священника.

О чем чрез Енисейское духовное правление оному священнику с надлежащим предписанием послать указ, о наложении на нее Рыбникову семилетней епитимьи донести Святейшему Синоду от Его Высокопреосвященства рапортом»¹.

При наложении наказания Иркутская духовная консистория должна была учитывать синодский указ от 21 марта 1780 г., в котором священнослужителям предписывалось при наложении на преступников запрещения причащения Святых Таин поступать осмотрительно, чтобы кающегося не обременить, не привести в отчаяние, и ни в ожесточенном не произвести неуважения к Святым Тайнам, и чтобы не подтолкнуть виновного обращению в раскол.

Священнослужителям, надзирающим за исполнением епитимьи, рекомендовалось оказывать лицу, искренне раскаивающемуся в своих

¹ ОГКУ ГАИО. Ф.50. оп.1. Д. 3376. Л. 5.

преступлениях, снисхождение, допускалось уменьшение срока наложенной епитимьи. Но при этом действовать надлежало с осторожностью, чтобы «одни не возымели повода притворством сего достигать, другим же, наипаче в важнейших преступлениях, не подать виду послабления»¹.

Назначая тот или иной вид церковного наказания преступнику, ставилась во главу угла ни задача возмездия за совершенное преступление, а задача исправления виновного, задача «примирения человеческой воли с законом Божиим»².

Исполнение епитимьи должно было состоять из нескольких этапов, указанных в 59 правиле Василия Великого. Первые два года лицо, на которое была наложена епитимья, должно было стоять на паперти церкви «плакаться о своих грехах» и просить, чтобы о них молились другие верующие; следующие два года им дозволялось стоять в притворе храма и слушать чтение Священного писания и проповеди священника; следующие два года их допускали в храм и они могли находиться в нем во время литургии, но должны были, падая ниц, выслушивать особую молитву епископа; еще один год им дозволялось входить в храм, молиться вместе со всеми, но они не допускались до причастия; и только на седьмой год им дозволялось молиться вместе с другими прихожанами, слушать вместе с ними проповеди и принимать святое причастие.

Необходимо понимать, что в православной канонической традиции епитимья ни в коем случае не толковалась как наказание, она являлась способом «излечения от греха», духовно-исправительной мерой, которая должна была направить кающегося грешника на путь исправления, путем перетерпевания им определенных ограничений и уничтожения собственной гордости. Ведущий специалист в области русского церковного права Н. С. Суворов, анализируя цели церковного наказания, особо подчеркивал, что оно

¹ О подтверждении священникам, что бы они при наложении епитимьи преступникам поступали осмотрительно от 21 марта 1780//Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XX. № 14996.

² Красножен М. Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900. С. 116

заключает в себе в первую очередь именно исправление преступника, и направлено на его нравственное совершенствование¹.

Священнослужитель, которому епархиальное начальство предписывало наблюдение за лицом, исполняющим епитимью, мог ходатайствовать перед епархиальным начальством о прекращении или сокращении ее срока, если наблюдал в нем деятельное раскаянье.

Так, по рапорту Иркутской духовной консистории от 12 мая 1828 года (дело № 41) крестьянская девка Татьяна Филипова была освобождена от епитимьи, которая ей была назначена в связи с обвинением ее в даче сулемы дворовой девке Андреевой для выжития из утробы младенца, в связи с ее деятельным раскаяньем, по докладу надзиравшего за ней приходского священника².

Церковное наказание часто выступало в роли дополнительного наказания за те преступления, которые считались преступными и по светскому законодательству, выступая в качестве меры религиозно-нравственного, воспитательного и морального воздействия, как на преступника, так и на общество в целом, опираясь на этические принципы христианского вероучения. Плодоизгнание являлось преступным деянием, как по нормам светского, так и по нормам канонического права. По нормам канонического права за плодоизгнание назначались такие виды церковного наказания как: ссылка на время в монастырь на труды, епитимья и публичное покаяние. Виды и сроки наказания назначались на основе источников канонического права, но могли варьироваться и зависели от усмотрения главы духовной консистории.

¹ Суворов Н. С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб.: Тип. и хромолит. А. Граншеля. 1876. 1876. С. 27.

² ОГКУ ГАИО. Ф.50. оп.1. Д. 8743. Л.1.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОГО ПЛОДОИЗГНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

2.1. Место плодоизгнания в системе уголовных преступлений Российской империи

Для того чтобы установить место преступного плодоизгнания в системе уголовных преступлений Российской империи, на взгляд автора, необходимо выяснить, какое значение в период Российской империи придавалось систематизации преступлений, как и по каким признакам в исследуемый период систематизировались преступления, проанализировать существовавшие в тот период классификации преступлений, разработанные ведущими российскими дореволюционными юристами. Без подобного анализа правильно определить место преступного плодоизгнания в системе уголовных преступлений Российской империи исследуемого периода не представляется возможным.

Труды и научные концепции русских ученых-юристов оказали серьезное влияние не только на формирование правовых норм, но и на их правоприменение, которое формировалось под серьезным влиянием господствовавших в обществе идей в сфере философии права, социологии права и других общественных наук. Необходимо учитывать, что процесс формирования и эволюции научных систем происходил под влиянием «господствовавших в обществе идей теории государства и права, философии права и других наук мировоззренческого толка, практических шагов в законотворчестве»¹.

Система уголовных преступлений в Российской империи представлена в научных работах И.Я. Фойницкого, И.М. Наумова, Г. Солнцева, Л.С.

¹ Нудель С.Л. Система преступлений в сфере экономической деятельности в дореволюционный период // Научные ведомости. 2008. №8 (48). С.78.

Белогриц-Котляревского, В.В. Есипова, П.Д. Калмыкова, А. Лохвицкого, Я.Г. Северского и других исследователей этого времени.

Первая попытка систематизации преступлений в уголовном праве Российской империи была проведена М.М. Сперанским, подразделившим преступления на две группы: против частной сферы и против государства: «Сколь немногосложными кажутся деяния, но все они относятся к государству вообще, или к частным лицам в особенности. Из сего двоякого отношения к деянию возникают два главных разделения законов. Законы, устанавливающие отношения частного человека ко всему государству, называются законами права публичного или политическими. Законы, коими учреждаются отношения частных лиц между собой, именуются законами гражданскими»¹. Данная классификация будет использоваться русскими учеными-юристами в работах по русскому уголовному праву до начала второй половины XIX столетия.

Во второй половине XIX – начале XX веков постепенно формируется классификация преступлений на три группы:

1. преступления против государства,
2. преступления против общества,
3. преступления против благ отдельного лица.

Тем самым была сформирована система преступлений, закрепленная впоследствии в российском законодательстве. Данная классификация рассматривала все разнообразие общественных отношений в трех сферах: частногражданской, общественной и государственной.

И.Я. Фойницкий в своем курсе уголовного права указывал на необходимость проведения классификации. По его мнению, классификация имела не только прикладное значение, облегчая судебную практику и давая возможность «более верного применения уголовного закона», но и играла

¹ Винавер М. М. К вопросу об источниках X тома Свода законов: (Записка Сперанского) / [предисл. к тому] / Журнал Министерства юстиции СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1897. Июнь. С.5.

важную роль для развития уголовной науки в целом, поскольку «позволяла глубже понять суть преступного деяния»¹.

Русскими учеными - юристами был разработан ряд классификаций уголовных преступлений, в которых в качестве основного критерия был выбран объект преступного посягательства.

Самая простая классификация преступлений была представлена И.М. Наумовым, который подразделил все преступления на две группы: «преступления против права гражданского и против права уголовного»².

С. Баршев утверждал, что единственным заслуживающим внимания подразделением преступлений, является их подразделение на преступления и проступки, поэтому его классификация предполагала два класса преступлений: «уголовные преступления или преступления в тесном смысле от нарушений полицейских законов»³.

П.Д. Калмыков предложил следующую классификацию преступлений:

1. Преступления против частных лиц и против союза семейственного (преступления против собственности; преступления против чести; преступления против личной свободы; преступления против жизни (в т.ч. изгнание плода); преступления против здоровья; преступления против союза семейственного);

2. Преступления против церкви (богохуление и порицание веры; отвлечение и отступление от веры; ереси и расколы; оскорбление святыни и духовных лиц во время богослужения; святотатство; лжеприсяга);

3. Преступления против государства и гражданского общества (преступления против священной особы Государя и членов его дома и против целостности и самобытности государства; преступления против властей, подчиненных верховной власти; преступления против государственной

¹ Фойницкий И.Я. Указ.Соч.. С.408.

² Наумов И.М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813.

³ Баршев С. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. В двух разделах. М.: Университетская типография, 1841. С.6.

собственности; преступления против прав состояния; особые преступления по рекрутской повинности и по службе государственной и общественной).¹

По мнению В.Н. Латкина, преступления классифицировались на:

1. преступления против веры,
2. государственные преступления,
3. преступления против частных лиц².

Полемизируя по вопросу классификации преступлений, И.Я. Фойницкий писал, что классифицировать преступления можно по различным основаниям: по тяжести наказания, составу преступного деяния, по порядку правовых норм, охраняемых уголовным законом, но наиболее правильной будет классификация по объекту преступного посягательства.

А так как человеческие взаимоотношения, по мнению И. Я. Фойницкого, распадаются на три главные группы: частногражданские, общественные и государственные, то, по его мнению, и преступные деяния следовало классифицировать так же:

1. посягательства против отдельного лица или частных благ,
2. против общества,
3. против государства³.

По классификации И.Я. Фойницкого, преступное плодоизгнание относилось к преступлениям против жизни, которые в свою очередь, входили в состав преступлений против отдельного лица или частных благ.

Нельзя обойти стороной и научные труды по уголовному праву выдающегося юриста, политического и общественного деятеля Николая Степановича Таганцева. Н.С. Таганцев также рассматривает убийство как преступление против жизни, подразделяя его на два вида: убийство вообще (как родовое понятие); отдельные виды убийства (как особенные виды

¹ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1866. С.412-534.

² Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М.: Зерцало, 2013. С.402-426.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. Издание четвертое. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. С.5.

преступного лишения жизни). К особым видам преступного лишения жизни Н.С. Таганцев относит:

- квалифицированные виды убийства;
- детоубийство и сокрытие трупа мертворожденного младенца;
- истребление плода;
- убийство на дуэли;
- самоубийство;
- оставление без помощи.¹

И.В. Платонов утверждает, что изгнание плода нельзя рассматривать как преступление против здоровья беременной женщины. «Большинством криминалистов это мнение отрицается, так как тогда пришлось бы признать безнаказанной саму беременную женщину, потому что причинение вреда собственному здоровью ненаказуемо; в случаях же легкого повреждения здоровья беременной, по принципу, принятому, например, нашим правом, пришлось бы признать безнаказанными и ее соучастников, если бы потерпевшая их простила или, если повреждения совершены с ее согласия. Тогда сама преступность изгнания плода могла бы быть признана лишь до тех пор, пока не будут изобретены способы совершенно безвредные для здоровья беременной»². По его мнению, это преступление по своему типу относится к преступлениям против интересов беременной женщины или отца ожидаемого ребенка.

М.Н. Гернет рассматривает еще одну классификацию преступлений, в соответствии с которой преступления можно подразделить на три группы:

- 1) преступления, возбуждение преследования за которые и преследование не зависят от частного лица;

¹ Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву (издание второе, исправленное). СПб.: Типография Мордуковского (бывшая Неклюдова), 1873. С. 126.

² Платонов И.В. Объект преступления изгнания плода // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете. СПб.: типография Правительствующего Сената, сентябрь 1899. №7. С.156.

2) преступления, преследование по которым начинается по желанию потерпевшего, но в последующем производство ведется независимо от воли потерпевшего;

3) преступления, преследования по которым всецело зависят от воли потерпевшего, который может простить обидчика и освободить его от наказания (до вступления приговора в законную силу).¹

Л.С. Белогриц-Котляревский считал классификацию преступлений «стройным распределением уголовно-юридического материала по рубрикам с целью целостного и последовательного его изучения». Все преступления он классифицировал по трем основаниям:

1. по субъекту преступления (общие, которые могут быть совершены всяким гражданином; особенные, которые могут быть совершены лишь лицом, поставленным в особое общественное положение (лихоимство, дезертирство));

2. по объекту преступления (преступления против государства; против общества; против частных лиц);

3. по характеру преступного действия или по тяжести преступного деяния (преступления, караемые тяжелыми и бесчестящими наказаниями; проступки, караемые исправительным наказанием; полицейские правонарушения, караемые легкими полицейскими взысканиями).²

На первом месте среди преступлений против частных лиц стояли преступления против личности, среди которых следует назвать: убийство, оставление в опасности, дуэль, телесные повреждения, преступления против свободы, преступления против чести.

Л.С. Белогриц-Котляревский подразделил убийства на следующие виды:

1. убийство, квалифицированное по объекту;

¹ Устинов В.М., Новицкий И.Б., Гернет М.Н. Основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. М.: Типография А.П. Поплавского, 1907. С.219-220.

² Белогриц-Котляревский Л.С. Краткий курс русского уголовного права. Киев: Типография «Петр Барский», 1908. С.42-43.

2. убийство, квалифицированное по способу совершения;
3. убийство, квалифицированное по сфере действия;
4. привилегированные виды убийства.

К привилегированным видам убийства были отнесены детоубийство, сокрытие мертвого трупа незаконнорожденного младенца, убийство новорождённого уроды, вытравление плода (изгнание плода), убийство при превышении самообороны.¹

С подобной точкой зрения не был согласен С. В. Познышев, который считал, что умерщвление плода «хотя и подходит вместе с убийством под общее понятие лишения жизни», но отличается от убийства своим объектом, а потому и не может быть отнесено к привилегированным видам убийства².

Особняком стоит позиция И.В. Платонова, который считал, что изгнание плода не может быть отнесено ни к преступлениям против жизни, ни даже к особым видам убийства, поскольку в зародыше отсутствует то самое благо, тот самый правовой интерес — жизнь, уничтожение которого и делает убийство, преступление против жизни тягчайшим из всех преступлений. И.В. Платонов утверждал, что неотъемлемый признак жизни — это сознание; убийство — есть насильственное прекращение этого сознания, уничтожение жизненных, психических функций организма. Если бы оплодотворенное яйцо получало психический элемент — душу, тогда уничтожение такого одухотворенного существа могло бы получить иное значение, чем уничтожение всякого другого органа беременной женщины. Это обстоятельство осознавало каноническое право, когда признавало наказуемым изгнание плода только в известной стадии беременности, когда по учениям психофизиологии зародыш одухотворялся, получал человеческую душу.³

¹ Белогриц-Котляревский Л.С. Указ. Соч. С.152-154.

² Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. Издание 3 е. исправленное и дополненное. Тип. М.А. Лемана. Москва. 1912. С. 62.

³ Платонов И.В. Объект преступления изгнания плода // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете. СПб.: типография Правительствующего Сената, сентябрь 1899. №7. С.158-159.

В связи с этим он делал вывод о том, что изгнание плода нужно рассматривать как преступление против интересов беременной женщины или отца ожидаемого ребенка, но не как преступление против жизни, интересов зародыша.

В.Д. Набоков в своем «элементарном учебнике уголовного права» подразделил преступления против личности на два вида:

1. преступления против телесной личности;
2. преступления против духовной личности.

К первым он отнес лишение жизни, телесные повреждения и насилие, поединок, оставление в опасности. Параграф «Умерщвление плода» он разместил в главе «Лишение жизни», однако в тексте работы он не исключает отнесение умерщвления (истребления) плода к другим категориям преступных деяний: к посягательствам на телесную неприкосновенность; к посягательствам против союза семейной и общественной нравственности.¹

Н.Н. Розин представил систему преступлений особенной части уголовного закона в следующем виде. На первом месте в качестве объекта преступного посягательства он рассматривал правовые блага частных лиц, как результат правового положения личности в обществе, а именно:

- жизнь и телесную неприкосновенность, как основу пользования другими благами (убийства, телесные повреждения и др.);
- блага, неразрывно связанные с личностью, в числе которых: честь, свобода, половая честь, честь и права семейные, нравственные и религиозные чувства и т.д. (насилие, принуждение, угрозы, обиды, опозорение);
- имущественные блага (имущественные преступления – некорыстные и корыстные);
- отвлеченная собственность (авторское право).

Убийства Н.Н. Розин подразделял на квалифицированные и привилегированные. Умерщвление плода, по его мнению, принадлежало к

¹ Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. Выпуск 1. Книга 1. СПб.: Сенатская типография, 1903. С.11.

привилегированным видам убийства, и должно было быть наказуемо менее сурово¹.

На втором месте в качестве объекта преступного посягательства Н.Н. Розин рассматривал блага общественные и государственные (политические преступления, направленные на целостность и безопасность государства как политического целого, и преступления, направленные на целостность и безопасность государства).²

По мнению В.В. Есипова, преступления классифицировались на:

1. преступления против государства и общества;
2. преступления против личности и имущества.

Преступное плодоизгнание (умерщвление плода) он относил к преступлениям против жизни, но не считал, что оно относится к квалифицированным или привилегированным преступлениям.³

Точка зрения С.В. Познышева на ответственность за плодоизгнание отличалась от позиций большинства российских юристов. Он считал, что плодоизгнание, «подходя вместе с убийством под общее понятие лишения жизни, существенно отличается от убийства своим объектом, а потому и не должно быть относимо к привилегированным видам убийства»⁴. По его мнению, ответственность за истребление плода должна быть, мягче, чем за убийство новорожденного младенца, в виду «меньшей преступной воли посягающего, так как плод - все же не человек, а только зародыш человека, и не внушает тех чувств, которые внушает ребенок»⁵. А объективная сторона преступления, по его мнению, свидетельствует о меньшей жестокости и порочности преступника.

По мнению Белогриц–Котляревского, в плодоизгнании следует видеть более «легкую форму убийства» и рассматривать его как привилегированную

¹ Розин Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву. 1904. С.569.

² Розин Н.Н. Указ. Соч. С.555-556.

³ Есипов В.В. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и общества (изд-е 2-е, пересмотренное и дополненное). М.: Издание книжного магазина И.К. Голубева «Правоведение», 1906. С.261.

⁴ Познышев С. В. Указ. Соч. С. 63.

⁵ Там же

форму убийства, как по субъективным, так и по объективным основаниям. Особенно, считал он, следует учитывать субъективные основания, в том случае, если вытравляется плод, зачатый вне брака¹.

Русские юристы выделяли не только признаки составов преступления, но и их виды. Существовали понятия квалифицированного и привилегированного преступления в зависимости от наличия в них отягчающих вину обстоятельств или наоборот снижающих, то есть в зависимости от степени их общественной опасности. Познышев С. В. указывал на то, что основания отнесения совершенного преступления к квалифицированному преступлению достаточно разнообразны. Они могут быть как внешними, так и внутренними². К внешним признакам, например, относились: законное родство преступника и жертвы, способ совершения преступления, место и время совершения преступления. К внутренним признакам относился мотив совершения преступления, цель преступного деяния.

Наличие таких квалифицирующих преступление признаков свидетельствовало о высоком уровне юридической техники и способствовало дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. За квалифицированное преступление полагалась более суровая уголовная ответственность, за привилегированные преступления ответственность смягчалась. При этом стоит обратить внимание на то, что один и тот же признак мог в зависимости от обстоятельств дела выступить, как в роли смягчающего, так и в роли ужесточающего наказания.

Так, в случае убийства в отношении родственников «нисходящей прямой линии, в какой бы то ни было степени» (ст. 1451), родственные отношения увеличивали уголовную ответственность виновного лица, а в случае убийства матерью незаконнорожденного младенца, совершенного от

¹ Белогриц-Котляревский Л. С. Указ. Соч. С.

² Познышев С. В. Указ. Соч. С. 62.

стыда или страха, в момент рождения ребенка, уголовная ответственность «смягчалась на три степени».

Проблема отнесения плодоизгнания к квалифицированным или привилегированным преступлениям достаточно активно обсуждалась в работах русских юристов. Большинство из них, были склонны считать плодоизгнание привилегированным преступлением, по совокупности квалифицирующих признаков, хотя в законе это закреплено не было.

Проведенный выше анализ взглядов ведущих русских дореволюционных юристов в области уголовного права и криминалистики по проблеме классификации преступлений, позволяет нам считать, что уже во второй половине XIX века в науке российского уголовного права была сформулирована классификация системы преступлений. И хотя единого подхода к этой проблеме не существовало, большинство российских ученых в качестве критерия классификации выбирали объект преступного деяния.

В системе уголовных преступлений Российской империи в исследуемый нами период изгнание плода относилось к преступлениям против личности и рассматривалось как привилегированный вид убийства.

2.2. Понятие плодоизгнания в российской дореволюционной юридической науке

Интенсивное экономическое развитие Российской империи на рубеже веков требовало вовлечения в производственные процессы большого количества населения, в том числе и женского. Отмена крепостного права и эпоха «великих реформ» запустили модернизацию страны и затронули не только ее экономику и социальное устройство, но и привели к постепенному разрушению патриархальных устоев, женщины все больше и больше включались в производственные и социально политические процессы, выходили из-под влияния патриархальной семьи, стремились быть самостоятельными, менялась их ментальность и нравственные установки.

Менялась структура сельского населения, все больше женщин было вынуждено покидать деревни, уходить на заработки, особенно способствовало этому развитие отходничества, которое, по мнению А.В. Третьякова, способствовало изменению традиционного уклада сельских женщин¹. В свою очередь эти процессы вели к распаду больших патриархальных семей, разрушению нравственных устоев общества², индивидуализации сознания³ изменению женского девиантного поведения. Изменялось и поведение женщин других сословий. Активно начинает развиваться феминистское движение, вовлекая в свои ряды образованных женщин, живущих в городах. Меняются жизненные цели женщин, они не желают посвящать себя только семье, процессу рождения и воспитания детей, стремятся найти свое место в жизни: «среди женщин началась бешеная погоня за заработком: искали уроков, поступали на службу на телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтицами, акушерками, фельдшерицами, переписчицами, стенографистками»⁴. Все это сказывалось на женском поведении, в том числе и сексуальном, но общество и мужская часть населения крайне тяжело воспринимали эти изменения. В публичном дискурсе новые модели поведения, жизненные стратегии «новых женщин» рассматривались поначалу, по меньшей мере, как вопрос о добре и зле⁵.

Журавлев В.В., анализируя проблемы взаимоотношения женщины и общества, указывал, что «суть любых изменений, происходящих в обществе,

¹ Третьяков А.В. Женское сельскохозяйственное образование как результат социально-демографических изменений в Центральной России (конец XIX - начало XX вв.) // Социальная история Российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. / Матер, междунар. конф. Май 2002 г. Тамбов, 2002. С. 187.

² Мусихин В.Е. Социально-экономическое положение рабочих омутнинского горного округа (вторая половина XIX - начало XX вв.) // Российская провинция: поиск путей развития / Матер. II межрегион, науч.-практ. конф. Под ред. А.И. Глушкова. Киров, 1999. С. 81

³ Пушкарева Н.Л. Мицок Н.А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX - начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. №3. (80) С.

⁴ Юкина И. И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 246

⁵ Там же.

лучше, ярче всего характеризует тот факт, какое реальное воздействие оказывают эти изменения на состояние женской нравственности»¹.

Наиболее показательным в этом плане служило отношение общества к рождению внебрачного ребенка. Это не только являлось тяжким грехом с точки зрения Православной церкви и подлежало общественному и церковному осуждению, но и очень часто оставляло женщину без средств к существованию, без поддержки семьи, отбрасывало ее на самое социальное дно. Все тяжкие последствия внебрачной связи ложились именно на женщину. Особенно тяжело в этом плане было положение крестьянских девушек, вдов, солдаток, и дело было не только в традиционной культуре сельского населения, но и в том, что сельская община, представляя собой замкнутый, очень тесный социум, в котором отступление от общепринятых норм поведения всегда наказывалось достаточно жестоко. Илюха О.П., исследуя быт карельской деревни XIX в, указывал, что рождение внебрачного ребенка, являясь отступлением от традиционных общепринятых норм поведения, заставляло женщину раскаиваться в совершенном поступке всю оставшуюся жизнь². В крестьянской среде считалось, что согрешившая женщина должна принять «страдания и стыд» за свой грех, изгнание плода есть попытка избежать этого, а значит, грешница идет против Божьего Закона – воздаяния за грехи³. Медицинские работники, которые по роду своей деятельности достаточно часто сталкивались с трагическими последствиями для женщин произведенного преступного изгнания плода, указывали, что основным мотивом этого являлось желание беременной избежать позора⁴.

¹ Журавлев В.В. Послесловие к русскому изданию кн. Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже веков XIX-XX вв. М., 1996. С. 427

² Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С.40.

³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». – СПб.: «Деловая полиграфия», ООО «Навигатор». 2005–2008. т. 2, ч. 2, С. 383.

⁴ Линденберг В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании в Витебской губернии. – Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1910. С.64.

Русские юристы указывали на то, что для выяснения виновности женщины важную роль играло выяснение мотивов, толкнувших ее на совершение данного преступления. А. С. Игнатовский указывал, что основными мотивами выступали страх, нужда, стыд. При этом страх был тесно связан с нуждой, т. к. беременность незамужней женщине грозила не только всеобщим осуждением, но и потерей места работы, что в свою очередь оставляло ее без средств к существованию¹.

А.С. Игнатовский при определении причин прерывания беременности выделял так называемые патологические причины, к которым относил следующие: привитие отцом зараженного сифилисом семени; инфекционные болезни матери с высокой температурой (тиф, воспаление легких, скарлатина и др.); болезни сердца, почек и печени матери, нездоровая нервная система (от испуга, внушения); выкидыши, без ясно обозначенных причин, – «привычный выкидыш», которым оканчивается каждая беременность у некоторых женщин в определенном месяце (индивидуальная раздражительность матки). По его мнению, существовал целый ряд причин, которые побуждали женщину к производству выкидыша: желание избежать мучений, связанных с родами, жажда сохранить красоту тела, боязнь состариться, лишиться половых сношений, стыд при внебрачном рождении и т.п. Автор указывал, что "одна из этих причин или несколько вместе, издавна толкают женщину на совершение выкидыша, причем импульс к этому бывает так силен, что заставляет пренебрегать опасностью для жизни, так как часто способы, применяемые для достижения желаемой цели, не только мучительны, но и опасны для жизни и в громадном большинстве случаев действительно приводят к смерти".²

К преступлению изгнания плода, по мнению А. Лоховицкого, женщину толкало желание скрыть свою слабость, спастись от бесчестья и всеобщего презрения, именно это, по его мнению, может быть поводом к

¹ Игнатовский А. С. Судебная медицина. Выпуск 1. Юрьев, типография К. Маттисена, 1911. С.342.

² Гинзбург А.А. Изгнание плода // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Сенатская типография, сентябрь 1912. №7. С.38.

определенному снисхождению.¹ В. А. Коробкин, рассуждая о причинах данного вида преступлений, указывает на то, что лицами их совершающими, по большей части являются молодые девицы, которых на это толкают стыд и страх общественного суда².

По мнению И.В. Платонова, плодоизгнание по своей тяжести следовало оценивать как проступок, поскольку: «как бы ни были важны социальные задачи, преследуемые карами за плодоизгнание, но эти кары не должны быть ни для беременной женщины, ни, следовательно, для ее соучастников особенно суровыми; совершая это деяние, мать не обнаруживает той порочности, той глубокой деморализации, которая обнаруживается при других серьезных преступлениях; и мотивы преступления, особенно у самой беременной, редко бывают особенно порочными»³. А.С. Игнатовский отмечает, что решимость на выкидыш возникает из тех же побуждений, что и на детоубийство, хотя можно отметить и другие мотивы: стыд, страх, нужда, чтобы подольше сохранить цвет лица и молодость.⁴

Известный русский криминалист Н.А. Неклюдов отмечал, что «изгнание и истребление плода подлежит к разряду таких деяний, преступность которых далеко не разделяется общественным мнением, признается не всеми законодательствами, совершается тысячами, а преследуется едва, едва единицами»⁵.

Русские ученые юристы прекрасно осознавали все социальные проблемы современного им общества. Анализируя причины, побуждавшие женщин к плодоизгнанию, они указывали, что совершаемые женщинами преступления, всегда были связаны с их приниженным социально-

¹ Лоховицкий А. Курс русского уголовного права. Издание второе исправленное и дополненное издание, сведенное с кассационными решениями. СПб. Скоропечатня Ю.О. Штейера 1871. С.529.

² Коробкин В. А. Указ. Соч. С. 11.

³ Платонов И.В. Объект преступления изгнания плода // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете. СПб.: типография Правительствующего Сената, сентябрь 1899. №7. С.167.

⁴ Игнатовский А.С. Судебная медицина. Вып.1. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911. С.342.

⁵ Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т.1. Преступления и проступки против личности. СПб.: типография П.П. Меркульева, 1876. С.260.

экономическим положением в обществе, социальной и экономической несамостоятельностью. В свою очередь это влекло за собой вовлечение женщин в преступную деятельность, пьянство, разврат, проституцию¹. Преступное плодоизгнание не было связано с определенными социальными условиями, и не было свойственно какой-либо социальной группе.

Общественные отношения, клеймящие позором рождение внебрачных детей, и оставляющие их без должного ухода и воспитания, приводили женщин к решению об избавлении от нежелательной беременности и, как результат, к совершению преступления. Чарыхов Х.М., выявляя факторы женской преступности, отмечал, что женщина не была поставлена в одинаковые с мужчиной условия участия в борьбе за существование².

Развернувшаяся первоначально в медицинской среде, а затем вышедшая на страницы широкой печати проблема аборт, затронула очень глубокие социальные проблемы общества. Участники дискуссии выявили несколько основных причин, влиявших, по их мнению, на увеличение числа аборт. Наиболее вескими причинами являлись: прежде всего экономическое неблагополучие женщины, затем боязнь осуждения со стороны общества за внебрачную связь, а также падение нравов и развращение общества.

Большинство участников дискуссии понимали, что на данное преступление женщины зачастую решались от безысходности. По мнению Н.В. Грин, женщина решалась на аборт, чтобы потом не совершить детоубийство, аборт, пишет он, являлся «предохранительным клапаном от детоубийства»³. Для решения проблемы аборт, прежде всего, было необходимо решить широкий круг социально-экономических вопросов, проблему женского бесправия, поднять общий культурный уровень

¹ Кунц Е.В. Ретроспективный анализ преступлений, совершаемых женщинами // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 9. С.92.

² Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М.: Типография Управления М.-Курской, Нижегородской и Муромской жел.дор., 1910. С.83.

³ Грин И.В. Социально-правовое положение аборт // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург. 29 мая - 5 июня 1913 г. - СПб: Тип. Акц. Общ. «Слово», 1913. С. 70-71.

населения, решить проблему правового статуса внебрачных детей, сделать более доступной бесплатную медицинскую помощь роженицам и т.д. Эти проблемы нельзя было решить одномоментно, понимая это, участники дискуссии предлагали декриминализацию аборта или хотя бы его легализацию по медицинским и социальным показаниям. Эту идею поддержало большинство участников X Съезда русской группы Международного союза криминалистов в 1914 г., а также участники XII Пироговского съезда 1913 года.

Прежде чем рассматривать проблему ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи, необходимо определить, что понимали под термином «плодоизгнание» русские дореволюционные юристы. Определить объект и предмет данного преступления.

Сразу следует отметить, что специальные исследования, посвященные законодательству о плодоизгнании в Российской империи, практически отсутствовали, исключение составляют работы Гернета М.Н. и небольшая по объему статья Олейник М. Л.¹ Но отдельные аспекты этой проблемы все-таки исследовались в рамках постатейного анализа Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и учебной литературы по уголовному праву.

Статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и последующих редакций, устанавливающие уголовную ответственность за изгнание плода отличались краткостью и не поясняли, что следует понимать под изгнанием плода, что в свою очередь не могло не вызвать полемики у специалистов по уголовному праву Российской империи.

По мнению правоведа Н.С. Таганцева, плодоизгнанием являлось убийство еще нерожденного младенца в утробе, вне зависимости от того, на каком периоде развития находится плод². Ученый считал, что умерщвление

¹ Гернет М.Н. Детоубийство: социологические и сравнительно-юридическое исследование. М., Москва: тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 318 с. Олейник М.Л. Преступный аборт в доктрине и законодательстве // Труды Кружка уголовного права при С.-Петербургском университете, с предисловием и под редакцией пр.-доц. М.М. Исаева. СПб., 1913 С.109 -152.

² Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву / Н. С. Таганцев. – СПб.: Типография А.М. Котомина, 1871. С.267.

плода — это прекращение в оплодотворенном яйце, не достигшем еще периода зрелости, способности к дальнейшему развитию. Независимо от того, в какое время произошло это прекращение и силу чего оно произошло. Т.е. было ли оно последствием разрушения зародыша, умерщвления плода в утробе матери или в результате создания условий для зародыша, при которых он не может иметь дальнейшего органического развития. Н.С. Таганцев отмечал, что, если деяние произошло в период, когда зародыш не был способен к внеутробной жизни, понятия изгнания и умерщвления плода будут совпадать. В случае же совершения деяния в последние месяцы беременности, изгнание будет расцениваться как покушение, т.к. окончательный результат – смерть зародыша – может и не последовать.¹

С такой постановкой вопроса Н.С. Таганцевым не был согласен В. А. Коробкин, который отстаивает другую позицию в своей диссертации на степень доктора медицины. По его мнению, преступным выкидышем с судебно-медицинской точки зрения следовало считать «преднамеренное, противозаконное и преждевременное изгнание плода, все равно, на какой бы степени зрелости он ни находился и каким бы образом это ни было совершено»².

В свою очередь, Линденберг в диссертации на степень доктора медицины, заявлял, что, по его мнению, преступный выкидыш, «с судебно-медицинской стороны является тем же детоубийством»³, при этом он подчеркивал тесную связь детоубийства и плодоизгнания.

Полемизируя с Н.С. Таганцевым, В. А. Коробкин указывал, что в том случае, если судебному медику удастся доказать, что в данном конкретном случае имело место искусственное сокращение нормального срока беременности и, что есть причинная связь между употребленным средством

¹ Фабрис Х. Учение об изгнании плода и детоубийстве. Второе немецкое издание, переработанное доктором мед. А. Вебером. Перевел и дополнил ссылками на русское законодательство д-ор Н.Г. Фрейнберг. СПб.: Издание «Практическая медицина», 1906. С.28.

² Коробкин В. А. О плодоизгнании в судебно-медицинском отношении: Дис. на степ. д-ра мед. Вячеслава Коробкина. - Москва: Унив. тип. (Катков), 1876. С.6.

³ Линденберг В. Г. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании в Витебской губернии. Юрьев, 1910. С. 2.

и изгнанием плода, то, на какой бы степени зрелости плод ни находился, для суда такое изгнание плода будет одинаково преступно.¹

Н.А. Неклюдов, рассуждая о составе преступного плодоизгнания, считал, что под ним следует понимать убийство живого плода в утробе беременной женщины². Он считал, что истребление плода, как лишение жизни зародыша, может быть только умышленно, ибо правила о неосторожном убийстве человека вообще, очевидно, на плод распространяемы быть не могут. Преступление должно состоять в «изгнании плода». Н.А. Неклюдов отмечает, что слово «изгнание» не совсем точно³: под ним следует понимать не только изгнание, но и истребление плода, что ясно вытекает из приведенного выше постановления ст.1738 Устава Врачебного. Под истреблением плода понимается умерщвление плода в самой утробе, под изгнанием же преждевременное выделение его из утробы, ложные роды, выкидыш⁴.

С. В. Познышев указывает, что наказуемым является только умышленное умерщвление плода. Под умышленным умерщвлением, по его мнению, нужно понимать, как прямое намерение добиться данного результата, так и только сознательное его допущение. А средства плодоистребления для состава этого преступления безразличны⁵.

Ф. Лист усматривал в изгнании пода преступление против жизни, где преступным элементом называл нарушение обязанности охранять существование человеческого рода. «Но, если и признать существование такой неопределенной обязанности, - споря с ним, отмечал И.В. Платонов, - то нарушением ее придется признать и воздержание от половых сношений, презервативы; и то, и другое пришлось бы тогда признать преступлением. А между тем во множестве случаев, где практикуется изгнание плода,

¹ Коробкин В. А. Указ. Соч. С. 8.

² Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Том I. Преступления и проступки против личности. СПб.: типография П.П. Меркульева, 1876. С.260.

³ Неклюдов Н.А. Указ. Соч. С.261.

⁴ Неклюдов Н.А. Указ. Соч. С. 261

⁵ Познышев С.В. Указ. Соч. С.63.

возможно, ожидать рождение чахоточного, прокаженного или же питомца воспитательного дома, нищего; родителей побуждает к изгнанию зародыша именно этот призрак порождающегося человеческого страдания, это сознание нравственной ответственности перед несчастным ребенком».¹ Поэтому, по мнению И.В. Платонова, рассматриваемый деликт являлся скорее проступком, нежели преступлением, и «непродолжительное тюремное заключение было бы совершенно достаточным, достигающим цели и совершенно справедливым ввиду рассмотренных свойств преступления. Но таков должен быть максимум наказания, его минимум должен равняться аресту».²

«В настоящее время аборт допускается и медицинской этикой, и правом, утверждал И.В. Платонов, — в тех случаях, когда это необходимо для сохранения здоровья беременной, не говоря уже об опасности для ее жизни, если рождение ребенка угрожает этой опасностью; причем врачу предоставляется широкий простор в определении наличности случаев первого и второго рода. И нам кажется, что ничего не было бы дурного в том, что был бы дозволен аборт в случаях несомненного рождения идиота, прокаженного, при условии, чтобы аборт не причинил бы расстройства в здоровье беременной. Но расширить случаи дозволенного плодозгнания на состояние нравственной или экономической необходимости, очевидно, не представляет возможности».³

Лохвицкий А.В., исследуя проблему отнесения изгнания плода к убийствам, указывает, что «убийство предполагает для своего бытия — объект живого человека. Поэтому истребление эмбриона, очевидно, выходит из пределов этого преступления. Тем не менее, и римское и церковное право рассматривали это преступление наравне с убийством действительного

¹ Там же. С.161.

² Там же. С.167.

³ Платонов И.В. Объект преступления изгнания плода // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете. СПб.: типография Правительствующего Сената, сентябрь 1899. №7. С.164-165.

человека».¹ А.В. Лохвицкий был солидарен с И.В. Платоновым в том, что нельзя сравнивать убийство новорожденного с истреблением плода. По его мнению, плод является частью женщины, «он не имеет определенного бытия, это человек только в возможности». Он подчеркивает, что мать, убивающая новорожденного младенца, действительно совершает убийство, а женщина, вытравившая плод, «очень часто движима инстинктом самосохранения, поскольку рождение младенца может грозить ей страданием или даже смертью»².

Х. Фабрис определял изгнание плода как «произведенное с преступным намерением, при применении внутренних или наружных средств, преждевременное разрешение беременной от незрелого или мертвого плода»³.

К концу XIX — началу XX вв. в медицинской и юридической литературе Российской империи было сформулировано определение «выкидыша», под которым понималось «раннее, преждевременное прекращение беременности и изгнание плода, не способного еще к самостоятельной жизни из тела матери, то есть в течение первых 28 недель беременности»⁴. Так же было сформулировано понятие медицинского выкидыша, производимого намеренно врачом с целью сохранения жизни женщины по медицинским показателям, и понятие преступного выкидыша. Прекращение беременности по медицинским показателям должно производиться тогда, когда здоровью и жизни беременной женщины угрожает опасность от продолжения беременности⁵. При этом необходимость данной процедуры должна была быть установлена и засвидетельствована тремя врачами. Так, по делу крестьянки Анастасии

¹ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. Издание второе исправленное и дополненное издание, сведенное с кассационными решениями. СПб. Скоропечатня Ю.О. Штейера 1871. С.529.

² Лохвицкий А.В. указ. Соч. С. 529.

³ Фабрис Х. Учение об изгнании плода и детоубийстве. Второе немецкое издание, переработанное доктором мед. А. Вебером. Перевел и дополнил ссылками на русское законодательство д-ор Н.Г. Фрейнберг. СПб.: Издание «Практическая медицина», 1906. С.14.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. / под ред. проф. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и проф. О. О. Петрушевского. – СПб., 1890–1907. т. 14. С. 510.

⁵ ГКУ ЯО ГАЯО Ф. 347. Оп. 2. Д. 1612. Л. Л.66 об.

Подволоцкой, обвиняемой по 2 части ст. 1462 Уложения о наказаниях, специальным совещательным присутствием врачебного отделения Ярославского губернского правления была проведена врачебная экспертиза, установившая, что ей был проведен искусственный выкидыш «... в целях прекращения беременности, по мотивам не имеющих медицинского значения»¹. В документе указывались, что данная операция производится по медицинским показаниям при таких тяжелых заболеваниях как: «порок сердца, воспаление почек, чахотка и. др. или смерти пода и последующего его разложения». А поскольку у крестьянки Анастасии Подволоцкой никаких заболеваний установлено не было, члены комиссии признали проведенный искусственный выкидыш преступным.

В словаре В. Даля указывается: «Аборт – медицинский выкидыш². Выкидок, выкидыш – недоносок, младенец и вообще детеныш, рожденный настолько преждевременно, что жить не может³».

Криминалист С.Н. Трегубов заявлял, что «...при производстве изгнания (умерщвления) плода, знание виновным, что вследствие сего подвергается жизнь беременной опасности, и последующая смерть последней не изменяют свойства сего преступления, предусмотренного 1462 ст. Уложения о наказаниях»⁴. Возможно, такая формулировка носит уточняющий характер, и автор, помещая термин «умерщвление» в скобки, желал указать на то, что не только изгнание, но и умерщвление плода повлечет ответственность по ст.1462.

В научной литературе начала XX века дискуссионность приобрел вопрос о разграничении категорий «изгнание плода», «истребление плода» и «умерщвление плода».

Определяя разницу между детоубийством и изгнанием плода, В.Д. Набоков предлагал: «моментом рождения следует считать начало родов и

¹ ГКУ ЯО ГАЯО Ф. 347. Оп. 2. Д. 1612. Л. 66

² Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т.1 / Изд. Третье Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, Издание поставщиков Двора ЕИВ Товарищества М.О. Вольф. СПб.: Гост.Двор, 1903. Ст.4.

³ Там же . Ст.716.

⁴ Трегубов С.Н. Настольная книга криминалиста-практика. Т.1. 1894-1908. СПб., 1908. С.652-653.

притом не в смысле физиологического начала, а в смысле появления какой-либо части ребенка наружу. С этого момента понятие плода заменяется понятием ребенка». И хотя умерщвление плода во многом совпадает с убийством, ученый выделил особый объект данного преступления, которым, по его мнению, является плод, т.е. зачатое человеческое существо, находящееся в утробе матери.¹

Определение жизнеспособности плода представляло собой еще одну серьезную проблему при рассмотрении вопроса о виновном прерывании беременности. Так, Л.С. Белогриц-Котляревский справедливо указывал, что "это условие составляет всю трудность при решении вопроса о вытравливании плода, так как часто случается, что симптомы беременности вызываются не зародышем, а так называемым заносом, возникающим или вследствие болезни матки, или вследствие действительно бывшего зародыша, но в силу различных условий выродившегося в безжизненный занос".²

По мнению А.С. Игнатовского «преступный выкидыш – искусственное плодоизгнание, сделанное не для того, чтобы спасти беременную – не с врачебной целью, у народов, цивилизованных преследуется законом, т.е. составляет преступление»³.

М.М. Боровитинов выделил основные позиции, которые существовали в судебной практике для разграничения детоубийств от плодоизгнания:

1. Согласно одному мнению, с момента начала родового акта младенец должен рассматриваться не как зародыш или плод, а как человек, и лишение его жизни должно быть признаваемо убийством.

2. Другое мнение обращает внимание на то, где последовало приложение силы – в утробе или вне утробы, и на этом основании относить к истреблению плода умерщвление его хотя бы и во время родов, но такими

¹ Набоков В.Д. Указ. Соч.С. 11.

² Белогриц-Котляревский Л.С. Краткий курс уголовного права. - Киев, типография «Петр Барский», 1908. – С.154.

³ Игнатовский А.С. Судебная медицина. Вып.1. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911. С.341.

действиями, которые прекращают его жизнь еще в утробе матери, к детоубийству – умерщвление действиями внеутробными.

3. Следует признавать детоубийством, а не истреблением плода: 1) умерщвление младенца ранее окончания родового акта, еще не отделившегося от утробы, но уже начавшего дышать, и 2) умерщвление младенца, хотя бы и не начавшего дышать, если с отрезанием или отрыванием пуповины прекратилась его связь с организмом матери¹.

Н.С. Таганцев считал вопрос определения объекта преступления при плодозгнании достаточно сложным. Он утверждал, что объектом преступления является зародыш (foetus, embryo), то есть плод зачатый, но еще не рожденный, живущий не дыхательной жизнью, но путем кровообращения, тесно связанный с организмом матери, но в то же время имеющий самостоятельное бытие.² Но не сама беременная женщина, поскольку в случае, когда плодозгнание происходит помимо ее воли, она может стать объектом другого преступления – нанесение телесных повреждений или причинение смерти.

По мнению Л.С. Белогриц-Котляревского, под вытравлением плода следовало понимать умышленное незаконное умерщвление плода в утробе матери. Объектом данного преступления являлся зародыш, т. е. плод зачатый, но еще не рожденный³.

Субъектом же преступления, по мнению Н.С. Таганцева, могло стать любое лицо.⁴ А «специальные качества», характеризующие виновного, влияют только на величину срока — уменьшая его (например, для женщин, прибегающих к плодозгнанию под влиянием стыда и страха) или увеличивая (для специалистов-медиков, акушеров, повивальных бабок и

¹ Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве. СПб.: типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1905. С.17.

² Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Том II- СПб., типография А.М. Котомина, 1871. С.262.

³ Белогриц-Котляревский Л. С. Указ. Соч. С. 20.

⁴ Там же.

т.д.)¹.

Еще одна важная задача, которую было необходимо решить при рассмотрении дел о плодоизгнании в суде, – это проблема установления умысла виновного лица на совершение данного деяния. Важную роль в этом играли средства, которые использовал преступник для совершения преступления. Так, например, Н.С. Таганцев выделял две группы средств:

1. психические;
2. физические.

Истребление плода по неосторожности было не наказуемо, но если оно являлось результатом умышленного посягательства на здоровье беременной, то, на основании ст. 1491 оно становилось обстоятельством, усиливающим виновность.

В качестве субъекта преступления могли выступать или сама беременная женщина, или третьи лица - пособники. Ими, как правило, являлись лица, обладающие специальными знаниями и навыками (повивальные бабки, акушерки, врачи)². Субъекта преступления, имеющего специальное медицинское образование, законодатель наказывал строже. Этими субъектами являлись: врач, акушер, повивальная бабка и аптекарь, но не фармацевт.

В. А. Коробкин подчеркивал, что «на размер наказания имеет влияние субъект преступления: наказание смягчается, если виновницей в преступлении была сама беременная, или лица, действовавшие с ее согласия, но усиливается, если деятелями оказались специалисты или лица, уличенные уже не раз в подобного рода преступлениях»³.

По мнению Н.А. Неклюдова, объектом преступного посягательства мог являться только плод беременной женщины. Убийство плода до выхода его из утробы является не лишением жизни, а повреждением или истреблением плода. Изгнание или истребление плода есть «лишение жизни зародышного

¹ Там же.

² Игнатовский А.С. Судебная медицина. Вып.1. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911. С.341.

³ Коробкин В. А. Указ. Соч. С. 14.

человека, это вытекает как из самого понятия преступления, так и из помещения его в законе в отдел преступлений против жизни. На этом основании объектом этого преступления может быть только живой плод»¹.

По мнению Познышева С.В., объектом преступного плодоизгнания являлся зачатый, но еще не рожденный плод, вне зависимости от его срока жизни².

По мнению Х. Фабриса, субъектом преступления может быть мать или другое лицо, с ведома или без ведома первой. Лицо, занимавшееся плодоизгнанием на профессиональной основе, должно было быть подвергнуто более строгому наказанию; лицо, совершившее плодоизгнание без ведома женщины или против ее воли, совершало двойное преступление – не только против плода, но против женщины. Являлся ли объектом преступления законный или внебрачный плод, большая или меньшая степень его развития не имела никакого значения. В большинстве случаев эти обстоятельства не должны были оказывать влияния на определения меры наказания.³

Н.Н. Розин утверждал: «Объектом преступления является плод, зародыш зачатый, но еще не рожденный, живущий в тесной связи с организмом матери»⁴. По мнению А.А. Гинзбурга, объектом являлся законный или внебрачный плод⁵. При этом ученый особо подчеркивал, что Уложение о наказаниях защищает само существование зародыша, признавая, что возможность его дальнейшего органического развития охраняется государством с момента зачатия. "Плод, пока он не начал жить самостоятельной внеутробной жизнью, не признается членом общегития, но он все же является субъектом прав, а потому может быть и объектом

¹ Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Том I. Преступления и проступки против личности. СПб.: типография П.П. Меркульева, 1876. С.261.

² Познышев С.В. Указ. Соч. С. 62.

³ Фабрис Х. Учение об изгнании плода и детоубийстве. Второе немецкое издание, переработанное доктором мед. А. Вебером. Перевел и дополнил ссылками на русское законодательство д-ор Н.Г. Фрейнберг. СПб.: Издание «Практическая медицина», 1906. С.15.

⁴ Розин Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву. – 1904. С.573.

⁵ Гинзбург А.А. Изгнание плода // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Сенатская типография, сентябрь 1912. №7. С.43.

преступления"¹. По его мнению, выкидышем должно считаться прерывание беременности, в какой бы срок оно ни произошло. При этом целью искусственного выкидыша является умышленное лишение жизни плода, а не его изгнание.²

Существовали различные мнения по поводу плодозгнания как преступления. Можно выделить три основных:

1. С момента начала родового акта младенец должен рассматриваться не как зародыш или плод, а как человек, и лишение его жизни должно быть признаваемо убийством (мнение германского имперского суда).

2. Место, где были нанесены повреждения – в матке или вне ее. На этом основании умерщвление младенца во время родов, такими действиями как наложение щипцов, разрезание, которые прекращают его жизнь еще в утробе матери, нужно относить к истреблению плода, а умерщвление его во время родов, внеутробными способами, такими как, раздробление головки, уже показавшейся из влагалища, задушением во время родов – умерщвлением.

3. Момент начала самостоятельного дыхания. Детоубийством следует признавать: умерщвление младенца до окончания родового акта, еще не отделившегося от утробы, но уже начавшего дышать. А умерщвление плода-лишение жизни ребенка, начала его самостоятельного дыхания.³

С точки зрения А.С. Игнатовского, «изгнание плода» и «истребление плода» являлись разными категориями, и в них был вложен разный смысл. «Слово изгнание не совсем точно: под ним следует разуметь не только изгнание, но и истребление плода, что ясно вытекает из ... постановления ст. 1738 Устава Врачебного. Под истреблением плода разумеется умерщвление

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. СПб, 1912.

² Гинзбург А.А. Изгнание плода // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Сенатская типография, сентябрь 1912. №7. С.39.

³ Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве. СПб., 1905. С.17-18.

плода в самой утробе, под изгнанием же преждевременное выделение его из утробы, ложные роды, выкидыш».¹

Преступное плодоизгнание являлось одним из самых трудно раскрываемых преступлений, в связи, с чем, лица, его совершившие, оставались очень часто безнаказанными. Так, Н. С. Таганцев считал, что соотношение между выявленными и совершенными преступлениями этого рода было 1:12². Большая часть преступлений, связанных с плодоизгнанием, обнаруживается случайно, как правило, по доносу конкурентов. Сами же женщины тщательно скрывали факт плодоизгнания и до суда доходило очень мало случаев. В европейской части Российской империи в 1900 г. было возбуждено всего – 24 дела этого состава преступления³. В. А. Бродский по этому поводу отмечал: «кого заставит нужда, тот и при современном официальном законе делает себе выкидыш, но попадает в руки, из которых дорога или в больницу, или могилу»⁴.

Начало XX века связано с кардинальным изменением представлений о преступности явления плодоизгнания в научных кругах. Отстаивалось мнение не о сохранении действующих законодательных постановлений, а о радикальном их изменении в сторону сужения понятия наказуемого плодоизгнания, или о полном исключении этого деяния из числа преступлений. Основоположник отечественного акушерства Н. М. Максимович-Амбодик уже в 1784 году заявлял, что в критических ситуациях нужно на первое место ставить спасение матери, а не плода⁵.

Изученная полемика, позволяет нам с уверенностью утверждать, что в конце XIX – начале XX вв. в науке уголовного права России было разработано понятие изгнания плода (плодоизгнания). Различалось изгнание

¹ Игнатовский А.С. Судебная медицина. Вып.1. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911. С.261.

² Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Том II. СПб.: типография А.М. Котомина, 1871. С.250.

³ Игнатовский А. С. Судебная медицина. Выпуск 1. - Юрьев: типография К. Маттисена, 1911. С.342.

⁴ Бродский В. А. Искусственный выкидыш с медицинской и общественно-экономической точек зрения / В. А. Бродский. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1914. С.40.

⁵ Большая медицинская энциклопедия. Том 1/Главный редактор академик Б. В. Петровский; издательство «Советская энциклопедия»; Москва, 1974. С. 118.

плода, произведенное по медицинским показаниям и преступное изгнание плода. Под преступным изгнанием плода (плодоизгнанием) понималось умышленное, противозаконное, сознательным умерщвление и изгнание плода из тела матери. Объективная сторона преступления заключалась в самом факте производства плодоизгнания, по каким причинам оно бы не производилось. Объектом данного преступления являлся живой, но еще не рожденный плод. В случае, когда плодоизгнание производилось без ведома беременной женщины, она могла стать объектом другого преступления: причинение вреда жизни и здоровью. Субъективная сторона выражалась в прямом умысле, т.е. виновный должен был полностью осознавать, что производит незаконные действия, предвидит, что в результате его действий плод будет умерщвлен, беременность прервана и желает наступления такого результата. Субъектом данного преступления могла быть как сама беременная, в том случае, если она сама совершила преступные действия, приведшие к изгнанию плода, так и иные лица, в том случае, если дача abortивных препаратов была сделана без согласия и знания об этом самой женщины. Преступление считалось совершившимся в том случае, когда от преднамеренных действий виновного лица наступили последствия в виде гибели плода и изгнания его из тела матери.

ГЛАВА 3. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПНОЕ ПЛОДОИЗГНАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

3.1. Уголовная ответственность беременной женщины за преступное плодоизгнание по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и его последующим редакциям

В середине XIX века в Российской Империи была проведена систематизация уголовного права, что было продиктовано требованиями развития правовой науки и изменением взглядов ученых на понятие преступления и ответственности за его совершение. Результатом систематизации уголовного права стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных¹, которое было принято 15 августа 1845 года.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных существенно отличалось от предыдущих правовых актов и достаточно высоко оценивалось как русскими, так и европейскими дореволюционными юристами, которые отмечали очень высокий (для своего времени), уровень разработки в нем многих институтов уголовного права².

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных стало первым в истории российского права нормативным актом, который выделил плодоизгнание в самостоятельную правовую конструкцию. Нормы о плодоизгнании, получившие закрепление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., определили субъект, объект и содержание данного преступного деяния. Последующие редакции Уложения

¹ Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283.

² Архипов И.В. К истории Уложения о наказаниях 1845 г. // Правоведение. 1990. № 6. С. 35; Кодан С.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983. С. 94;

о наказаниях уголовных и исправительных продолжили развивать и менять нормы ответственности за данный вид преступления¹.

Но, несмотря на высокий уровень законодательной техники, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, да и в последующих его редакциях, присутствовали недостатки, присущие всему российскому законодательству этого периода: сословность, казуистичность, наличие пробелов и противоречий в нормах закона. Ряд указанных проблем был присущ и статьям, устанавливающим ответственность за изгнание плода.

Уложение о наказаниях 1845г. защищало беременных женщин от посягательства на их здоровье и на жизнь плода со стороны других лиц. Уложение о наказаниях 1845 г. в разделе X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» в главе I «О смертоубийстве» устанавливает ответственность за:

1. смертоубийство беременной женщины, совершенное умышленно (ст.ст.1923-1925);
2. смертоубийство незаконнорожденного младенца женщиной от стыда или страха (ст.1931);
3. изгнание плода кем-либо с ведома или без ведома беременной женщины (ст.ст.1932-1934).²

В соответствии со ст. 1933 Уложения, наказанию подлежало виновное лицо, совершившее преступное изгнание плода с ведома и с согласия самой беременной женщины, а также сама женщина. Это положение соответствовало ст. 5-7, 97 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в которых были закреплены такие важные принципы уголовного права, как виновность и доказанность преступного деяния.

В законе четко указывалось на то, что наказание за преступление или проступок, а также за покушение, приготовление или умысел на совершение

¹ Воронина Г.А. Уголовная ответственность за плодоизгнание по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 в редакции 1885// Евразийский юридический журнал. 2018. № 7(122) С. 127.

² Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283.

преступления определялся только судом, и только в том случае, когда, «во - первых, содеяние преступления или проступка, или же покушение на оные, или приготовление к ним, или существование преступного умысла, несомненно, доказаны; во-вторых, когда при том содеянное или умышленное должно быть вменено подсудимому или подсудимым в вину»¹.

Сама беременная женщина, которая по собственному произволу или по согласию с другим употребила какое-либо средство для изгнания своего плода, подвергалась лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение.

Лишение всех прав состояния сопровождалось:

-для дворян потерей дворянства потомственного или личного и всех преимуществ, связанных с дворянством;

-для духовных лиц лишением духовного сана и звания и всех преимуществ, предоставляемых духовным лицам;

-для почетных граждан потомственных и личных, купцов, а также для принадлежащих к их семействам лиц, внесенным в одно с главою семейства купеческое свидетельство, потерей доброго имени и всех преимуществ, предоставляемых городским обитателям вообще и почетным гражданам или купцам «в особенности присвоенным»;

-для людей прочих состояний потерей доброго имени и лишением всех прав «каждому из сих состояний присвоенных».²

Если женщина не была освобождена от телесных наказаний, то подлежала и наказанию плетьюми в мере, определенной ст. 22 Уложения, для второй степени наказаний: «Ссылка на поселение в местах Сибири не столь отдаленных; наказание плетьюми от десяти до двадцати ударов»³.

¹ Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283. Ст.97.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г., со включением статей по Положениям 1912, 1913 и 1914 годов//Свод Законов Российской Империи Т. XV. Ст. 22.

³ Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283. Ст. 22.

В том случае, когда прерывание беременности происходило без ведома и согласия самой женщины, то ответственности она не подлежала.

В правовой науке второй половины XIX века широкому обсуждению подвергались нормы действовавшего Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (а также в новых редакциях, изменивших его). Особое внимание уделялось объекту преступного посягательства – человеческому зародышу. Не было ясной позиции законодателя по проблеме определения понятий «истребление» и «изгнание» плода, что вызывало проблему квалификации преступного деяния.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. был определен перечень субъектов преступного изгнания плода, однако не регламентировалось различие между используемыми средствами, но указывалось на обязательное их употребление.

Крестьянская реформа и последовавшее за ней принятие новых судебных уставов потребовало принятия новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, и все это было связано, прежде всего, с тем, что в Уложении 1845 г. был юридически закреплён принцип сословного неравенства населения, что напрямую противоречило принципам судебной реформы 1864 г. В новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных наиболее ярко выраженные сословные отличия были ликвидированы, остались те, «которые были связаны с наложением наказаний, предусматривавших лишение или ограничение прав, так как объем прав определялся принадлежностью к тому или иному сословию»¹.

В редакции от 1885 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных плодоизгнанию посвящены ст.ст.1461-1463. Они полностью копируют содержание статей в ранее принятых редакциях, за исключением наказания, которое предусматривалось за данное преступление. Санкции ст.ст.1461-1463 Уложения о наказаниях также не содержат положений о

¹ Алешин П.И. Развитие российского уголовного права во второй половине XIX//Вестник Московского университета МВД России. №7. 2010. 72.

телесных наказаниях плетьюми: «Лишение всех прав состояния и ссылка в Сибирь на поселение»¹.

Ссылка на поселение в Сибирь, назначаемая за плодоизгнание, являлась одним из самых распространенных видов наказания в Российской Империи в XIX веке². В ст.22 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. указывалось на два вида места ссылки:

1. ссылка на поселение в места, не столь отдаленные подразумевала ссылку в Башкирию, Урал и Западную Сибирь;
2. ссылка на поселение в отдаленнейшие места предполагала ссылку в Восточную Сибирь, Приамурье, Приморье, о. Сахалин.

В зависимости от того, куда ссылался осужденный, назначалось наказание плетьюми от десяти до тридцати ударов, и в зависимости от вида ссылки. Дополнительно к ссылке приговоренный преступник, лишался всех прав состояния и подлежал наказанию плетьюми и клеймению, в том случае, если он не был от них освобожден. Впоследствии, в период правления императора Александра I, телесные наказания для многих групп населения были отменены³.

Лишение всех прав состояния по Уложению 1845 г. относилось к наказаниям уголовным, но не исправительным, и рассматривалось в XIX–начале XX вв. как дополнительный вид наказания, оно применялось вместе с

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета Об изменении в Своде законов, вызываемых отменой заключения в рабоче-смирительных домах и новым изданием Уложения о наказаниях. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. V. 1885. №3316. Ст. 1462.

² Жижин В.Д. Ссылка в России: Законодательная история русской ссылки // Журнал Министерства юстиции. 1900. №2; Анучин Е.И. Исследование о процессах сосланных в Сибирь в период 1827-1846. СПб., 1873 и др.

³ Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Дополненное статьями, запрещенными старым правительством. СПб., 1917. С.90-91; Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб.: Типография В. Безобразова, 1904; Высочайше утвержденный доклад Сената от 3 июня 1801 г. «О восстановлении статей Городового Положения, отмененных состоявшимися после того указами» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. №19901; Высочайше утвержденный доклад Сената от 5 мая 1801 г. «О восстановлении статей Дворянской грамоты, отмененных некоторыми указами» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. №19856; Указ именной, данный Синоду от 22 мая 1801 г. «Об освобождении священников и дьяконов от телесного наказания» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. №19885; Указ Сенатский от 18 июня 1801 г. «О распоряжениях к исполнению высочайше утвержденного в третий день июня доклада Сената о восстановлении отмененных статей Городового положения» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. №19920; Указ именной, данный Сенату от 17 мая 1808 г. «Об освобождении жен священнослужительских, впавших в уголовные преступления, от телесного наказания» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXX. №23027 и др.

ссылкой на поселения. А.С. Старновский отмечал, что система наказаний, предусмотренных законом Российской империи, организована таким образом, что почти все наказания сопровождаются лишением прав¹.

Под лишением всех прав состояния понимались:

- потеря всех привилегий, связанных с принадлежностью к конкретному сословию;

- потеря доброго имени;

- прекращение супружеских отношений;

- лишение прав собственности на имущество, которое затем переходило к наследникам;

- лишение родительских прав.

Также лишение всех прав состояния сопровождалось лишением титулов, орденов, чинов, знаков отличия и т.д.²

По исследуемому нами составу преступления в виде наказания применялось лишение всех прав состояния в сочетании со ссылкой на каторжные работы.

Внутренняя организация ссылки регламентировалась Уставом о ссыльных 1822 г.³, а ссылка как вид наказания рассматривалась в Уложении 1845 г. Ссылка применялась только за тяжкие преступления, самые тяжелые формы ссылки определялись только по решению суда. По Уложению 1845 г. ссылка стала употребляться исключительно для карательных целей, в целях обеспечения безопасности общества и устранения преступника⁴.

Уложение не делает никакого различия между средствами совершения преступного изгнания плода: «кто, каким бы то ни было средством» (ст.1461-1463). Тем не менее, закреплённая законом формулировка ясно указывала на

¹ Старновский А.С. Лишение прав по нашим законам. Историко-догматический очерк. СПб., 1890. С.5.

² Федорова А.Н. Меры уголовной ответственности по законодательству первой половины XIX века // Вектор науки ТГУ. 2012. №4 (22). С. 339.

³ Высочайше утвержденный устав о ссыльных от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVIII. №29128.

⁴ Степанова О.В. Развитие института ссылки в России в XIX веке // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. №11 (15). С.137.

то, что законодатель считал, что для определения состава преступления не имело значения то, при помощи каких средств и каким способом данное преступное деяние было совершено.

Н.С. Таганцев, анализируя нормы данной статьи, указывал, что, с точки зрения закона, «кто употребит средства» указывает, что средства должны быть употреблены, т.е. необходимо, чтобы они давались человеку или иным каким-нибудь образом приспособлялись к организму. Таким образом, преступления не будет, если у беременной женщины произойдет выкидыш от танцев, верховой езды и т.п., даже в том случае, если она использовала их специально с преступною целью изгнания плода. По мнению ученого, выражение закона «кто произведет изгнание плода», доказывает, что и внешние средства должны быть приспособлены или пригодны к совершению преступления. Поэтому использование различных талисманов, ворожбы и т.п. не признавалось преступным»¹.

При анализе норм статей ст.1461 и 1462 и ст. 1463 Уложения о наказаниях 1885 г. выявляется противоречие при определении момента совершения преступного плодоизгнания:

- в ст.1461 наказание полагается тому, кто «произведет изгнание плода» или же «сверх изгнания» произведет расстройство здоровья;
- статьи 1462-1463 подвергают взысканию за сам факт употребления средства «кто употребит какое-либо средство».

По мнению Неклюдова Н. А., при вынесении приговора предпочтение должно было быть отдано ст.1461 Уложения о наказаниях как основной, первичной, поскольку в ней закреплено содержание состава преступления. Но поскольку в законе закреплено наказание не только за совершение, но и покушение, то необходимо признать, что для наличия состава преступления

¹ Таганцев Н.С.Указ. Соч. С.250

изгнания плода необходим совершившийся факт умерщвления или выделения его из утробы мертвым.¹

В то же время, такой ведущий специалист в области уголовного права, как Н. С. Таганцев, считал, что виновная подлежала наказанию за применение средств, направленных на плодоизгнание, пусть даже такое применение и не повлекло за собой изгнание плода. А действия, направленные на «приискание и изготовление» этих средств», по его мнению, должны были рассматриваться как покушение на это преступление.²

В то же время, случайно причиненный здоровью беременной женщины вред, не влек за собой уголовной ответственности, поскольку в ст. 1967 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. на это прямо указывалось: «кто случайно, не только без всякой с его стороны неосторожности, нанесет кому-либо увечье, рану или иное повреждение здоровью, тот не подвергается никакому за сие наказанию»³.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. сама беременная женщина карается лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на поселение. «Если принять во внимание характер нашего института лишения всех прав состояния, - пишет И.В. Платонов, - характер нашей ссылки, то мы не ошибемся, если скажем, что встречаем здесь юридическую смерть живого человека, матери, за истребление еще не начавшего жить зародыша. И, разумеется, такое наказание лишь потому может казаться справедливым, соответствующим вине, что зародыш рассматривают как живое существо»⁴.

¹ Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Том I. Преступления и проступки против личности. СПб.: типография П.П. Меркулева, 1876. С.261.

² Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года/ Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым. - 5-е изд., доп. .- Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1886. С. 510

³ Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283. Ст.1967.

⁴ Платонов И.В. Объект преступления изгнания плода // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете. СПб.: типография Правительствующего Сената, сентябрь 1899. №7. С.160.

В решении Правительствующего Сената № 18 от 1904 прямо указывалось на то, что «не требует доказательств, что в деяниях, предусмотренных ст. 1462 и 1463 смерть женщины, коей сделано изгнание плода, не имеет значения для наказания и не имеет отношения к составу преступления. Сама женщина, если бы осталась жива, была бы вместе с совершившим изгнание на скамье подсудимых»¹.

Однако в ст. 1462 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. в редакции 1912 г. предусмотрены совсем другие санкции за плодизгнание, совершенное самой женщиной, беременной женщиной: «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и заключение в тюрьму на время от четырех до пяти лет».²

Таким образом, мы видим явное смягчение уголовной ответственности за преступное плодизгнание. Сначала отмену смертной казни, потом отмену телесных наказаний и наконец замену бессрочного поселения в Сибирь срочным тюремным заключением.

Из числа осужденных женщин, осужденные за детоубийство и изгнание плода в судах Российской империи за период 1876-1885 гг., составляли 98,5 %³. По проступкам, подведомственным мировым судьям, женская преступность в большей степени выразилась в прощении милостыни, укрывательстве кражи, соучастии в краже, в краже с уменьшающими вину обстоятельствами, а также покупке заведомо краденного. В меньшей степени женская преступность по материалам мировых судей выразилась в мошенничестве и присвоении вверенного.

Детоубийство и плодизгнание по числу совершенных преступлений были самыми многочисленными среди всех женских преступлений. Было практически исключено участие мужчин в совершении данного вида

¹ РГИА. Ф. 1363 Оп. 6 Д.1060. Л.5

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [Ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. - 1916. С. 328.

³ Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел № 35. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875 – 1887 гг. СПб., 1894. 67 с.

преступного деяния. Если учесть, что мужская преступность, была в 5-10 раз выше женской, то по отношению к детоубийству и плодоизгнанию складывалась обратная ситуация.

А.А. Гинзбург приводит статистику числа искусственных выкидышей по городу Санкт-Петербургу. В Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении число выкидышей с 10% в 1904г. увеличилось до 17% в 1909г.; в Петропавловской больнице с 12% в 1906г. до 30% в 1909г. По данным Клинического Повивального Института число выкидышей с 1898 по 1912гг. увеличилось в 10 раз. В Обуховской больнице за 1910г. был зарегистрирован 1331 выкидыш.¹

Анализируя женскую преступность в дореволюционной России советский историк Чарыхов Х.М. указывал на то, женская преступность была значительно выше там, где женщина принимала участие в производительной деятельности в отличие от женщин другого социального положения.²

Е.Н. Анучин, исследуя статистику ссылаемых в Сибирь указывает, что за период 1827-1846 гг.: всего было сослано в Сибирь – 159 755 человек, из них женщин – 25 440 человек³, т.е. женщины занимали среди общего числа сосланных около 15%. В период с 1847 по 1856 гг. в числе осужденных государственных крестьян женщины составляли 12,7%. При этом одна осужденная женщина приходилась на 6750 чел. населения женского пола, а один осужденный мужчина приходился на 1700 чел. мужского населения. За период с 1876 по 1885 гг., по данным Свода статистических сведений по делам уголовным, среди осужденных общими судебными установлениями женщины составляли 9,09% от общего числа осужденных.⁴ (см. Приложение 1)

¹ Гинзбург А.А. Изгнание плода // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Сенатская типография, сентябрь 1912. №7. С.38-39.

² Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М.: Типография Управления М.-Курской, Нижегородской и Муромской жел.дор., 1910. С.83.

³ Анучин Е.Н. Материалы для уголовной статистики России. Исследования о проценте ссылаемых в Сибирь. Часть I. Тобольск: Издание Тобольского губернского статистического комитета, 1866. С.28.

⁴ Женщина в праве. С приложением всех Постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола / Сост. Я. Орович. Изд-е 3-е. СПб.: Издание Я. Канторовича, 1895. С.108.

В начале XX века данная тенденция сохранилась. Согласно статистическим данным, в России в 1903–1906 гг. было осуждено в общих судах 90,7% мужчин и 9,3% женщин, в мировых соответственно 86,4 % и 13,6%¹.

Выявляя причины женской преступности, Х.М. Чарыхов указывал на ее зависимость от экономического фактора: «высокая экономическая нужда русской деревни, обусловленная ростом индустриального хозяйства страны, заставляет женщину-крестьянку искать средства к существованию вне деревни, в городе. Отрываясь от деревни, она вступает в тяжелые условия городской жизни, которые многих из них ведут к проституции»².

Е.Н. Тарновский приводит статистику женской преступности в динамике за двадцать лет XIX века (1874-1894гг.). Так, проанализировав статистические данные, он приходит к выводу о том, что в ряде округов Российской империи за указанные годы произошло повышение женской преступности. Наиболее значительным повышением отмечены Витебский округ, где женская преступность увеличилась на 5%, Киевский и Харьковский округа – на 3% в каждом, Петербургский округ – отмечено повышение на 4%. Количественное соотношение числа осужденных женщин к общему числу осужденных осталось практически без изменений во Владимирском, Тульском, Курском, Казанском, Сибирском, Екатеринбургском и Самарском судах. В остальных судах Европейской части России процентное соотношение осталось практически неизменным.³

Канторович Я.А. выделял следующие преступные деяния, совершаемые женщинами:

1. преступления против союза брачного;
2. преступления против союза родственного;
3. преступления против чести и целомудрия женщины;
4. преступления против жизни, здоровья, чести женщины;

¹ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во МГУ, 1981. С.63.

² Чарыхов Х.М. Указ. соч. С.87.

³ Тарновский Е.Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894). СПб., 1899. С.57.

5. детоубийство и изгнание плода;
6. преступления против общественной нравственности.¹

Что же касается возрастной характеристики женщины как субъекта преступной деятельности и установления связи с тем или иным видом преступлений, совершаемым женщиной в определенном возрасте, Я. Орович выявил следующие возрастные границы и взаимосвязи:

1. до 14-летнего возраста (преступная деятельность женщины была представлена чаще всего в виде совершения поджогов и мошеннических действий);

2. в возрасте от 14 до 21 года (большой процент женских преступлений приходился на преступления против нравственности и воспитания юношества, приготовлении к убийству, краже домашней, убийстве супругов и родственников и др.; меньший процент – мошенничеству, истреблению плода, оскорбление власти, прелюбодеяние);

3. в возрасте от 21 до 25 лет (большой процент преступлений, совершенных женщинами, — преступления против нравственности, детоубийство, супругоубийство и убийство родственников);

4. в возрасте от 25 до 30 лет (самый большой процент приходится на такие виды преступлений, как умышленное убийство, нанесение телесных повреждений, поджог, разбой, грабеж, кража, прелюбодеяния и другие преступления против брачного союза);

5. в возрасте от 30 до 35 лет (чаще всего в этом возрасте женщинами совершались такие преступления, как оскорбление власти и присвоение чужого имущества);

6. в возрасте от 35 до 40 лет (преобладающим видом преступлений среди женщин являлись кражи и мошенничества);

¹ Законы о женщинах (Сборник всех Постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола) / Сост. Я.А. Канторович. СПб.: Издание Я.А. Канторовича, 1899. С. 80-110.

7. в возрасте от 40 до 45 лет (большая часть преступных деяний совершалась женщинами в виде религиозных преступлений, истребления плода, присвоения чужого имущества и подлога);

8. в возрасте от 45 до 50 лет (среди преступных деяний, совершенных женщинами, отсутствовали преобладающие виды преступлений);

9. от 50 лет и старше (уровень преступной деятельности значительно снижался).¹

При анализе статистических данных по делам об изгнании плода обращает на себя внимание большое число оправдательных приговоров, так, например, в 1897 г. было привлечено к ответственности за преступное плодоизгнание 16 человек, оправдано – 10;

в 1898 привлечено – 25, оправдано – 17;

в 1899 привлечено – 20, оправдано – 7;

в 1900 привлечено – 18, оправдано – 8;

в 1901 привлечено – 22, оправдано – 16;

в 1902 привлечено – 22, оправдано – 14;

в 1903 привлечено – 24, оправдано – 15;

в 1904 привлечено – 12, оправдано – 9;

в 1905 привлечено – 11, оправдано – 4;

в 1906 привлечено – 14, оправдано – 8.

То есть, в период с 1897 г. по 1906 г. было привлечено к судебной ответственности за преступное плодоизгнание 184 человека, а осуждено – 76, остальные 108 человек были оправданы². За период с 1910 по 1916, исключая сведения за 1914 год (отчет сгорел во время пожара) осуждено было 230 человек³

Крайне сложным являлось выявление данного преступления. Полицейские органы узнавали о нем, как правило, из доносов соседей,

¹ Орович Я. Указ. Соч. С.120-121.

² Гернет М.Н. Детоубийство: социологические и сравнительно-юридическое исследование. М., Москва: Тип. Имп. Московского университета. 1911.

³ Генс А. Проблема аборта в СССР. М., Государственное Медицинское издательство. 1929. С. 7.

дворников, квартирных хозяев беременных женщин. Полицейский пристав, получив такое сообщение, уведомлял о существовании дела судебного следователя, который в свою очередь уведомлял прокурора о начале нового дела и проводил проверку обстоятельств, изложенных в сообщении. Так о том, что крестьянка Александра Васильева Грушевская вытравила плод, приставу сообщил старший дворник, в результате проверки в ватерклозете был обнаружен труп младенца¹, что послужило основанием для открытия дела. Но, достаточно часто эти сообщения не подтверждались, и дело прекращалось за отсутствием состава преступления. 17 ноября 1917 года по сообщению двух соседей было открыто дело об изгнании плода крестьянкой Софьей Викентьевой Василевской. Соседи сообщили приставу, что находящаяся в последней стадии беременности крестьянская девка Василевская, проживающая в одном с ними доме «...10 ноября около 5 вечера, произвела, по их мнению, искусственный выкидыш и ребенка в земле скрыла»². В ходе следственных действий следователем 2 участка г. Ярославль Рыльским было установлено, что преждевременные роды произошли по естественным причинам, и дело было прекращено за отсутствием состава преступления³.

Еще одним источником сведений о совершенном преступлении являлись медицинские учреждения, сообщавшие в полицию о поступавших к ним женщинах с признаками перенесенного аборта. 10 октября 1911 года в губернскую земскую больницу г. Ярославля с сильным маточным кровотечением обратилась, находящаяся на 3 месяце беременности, Анастасия Подболонская. При ее обследовании врачи обнаружили введенный «в шейку матки катетер, с целью вызвать искусственный выкидыш»⁴, о чем старший врач больницы сообщил в письме приставу 2

¹ ЦГИА СПб Ф. 487. Оп. 1. Д. 1524. Л. 2.

² ГКУ ЯО ГАЯО Ф. 347. Оп. 2. Д. 1612. Л. 5 об.

³ ГКУ ЯО ГАЯО Ф. 347. Оп. 2. Д. 1612. Л. 3 об.

⁴ ГКУ ЯО ГАЯО Ф. 347. Оп. 2. Д. 1357. Л. 8.

части города Ярославля. В данном случае, именно сообщенные больницей сведения, привели к открытию дела о плодоизгнании.

Определить общее число данных преступлений в России в дореволюционный период очень сложно, это связано и с латентным характером данного рода преступлений, и с тем, что при официальных статистических подсчетах плодоизгнание не указывалось отдельной строкой, а объединялось с детоубийством.

Единственным возможным способом проанализировать число преступных выкидышей был анализ данных о поступающих в больницы женщинах, заболевания которых были связаны с совершением нелегального аборта. Число таких пациенток, как отмечается в научной медицинской литературе того времени, быстро росло. Общее число пациенток, поступивших в родильные и гинекологические отделения Москвы и Петербурга после совершения преступных выкидышей, достигло к 1910 году 10-33 процента, 16 процентов таких пациенток было отмечено по данным Саратовского городского родильного дома.¹ В.П. Федоров утверждал, что в большинстве случаев причины выкидышей таких пациенток были неизвестны, однако он предположил, что значительное их число связаны с искусственным выкидышем.² Поэтому в статистические отчеты вошли только случаи неудавшихся аборт, которые требовали вмешательства квалифицированных медицинских работников, и не попадали те аборт, которые можно было считать с медицинской точки зрения удачными, то есть не повлекшие за собой тяжелые осложнения или смерть женщины.

В частности, в Витебской губернии в период с 1896 -1906 год до суда не было доведено ни одно дело о плодоизгнании из 6 за недоказанностью состава преступления. При этом 3 дела были открыты в связи со скоропостижной смертью женщин, и факт прерывания беременности был

¹ Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 42.

² Федоров В.П. К вопросу о лечении выкидышей: 12-й Пироговский съезд: Отдел акушерства и женских болезней, 3-е заседание (отчет) // Русский врач. 1913. № 29. С.1048.

выявлен только в результате вскрытия, установившего, что именно попытка плодоизгнания привела к их смерти.

В связи с вышеизложенным, весьма показательны судебные процессы, связанные с плодоизгнанием, проходившие в 1910-1917 гг. Так, например, присяжные, на вопрос Кишиневского окружного суда по обвинению по ч. 2 ст. 1463 Уложения о наказаниях, состоявшегося 24 марта 1916 г.: «Виновна ли Варвара Череватая в том, что 2 февраля 1916 г., будучи беременной и вознамерившись произвести себе изгнание плода, согласилась на это с другим лицом — Ципой Марковной Константиной, которая вызвала у Череватой путем введения ей в матку твердого предмета преждевременные роды», ответили – «Нет, не виновна»¹. Точно такой же ответ присяжными был дан и на вопрос Екатеринбургского окружного суда по временному уголовному отделению в г. Верхнеденпровск: «Виновна ли крестьянка Евдокия Гаврилова Поливяная 26 лет в том, что 12 августа 1916 года, находясь в состоянии беременности, согласно с другим лицом — Лукиёй Хрисанфовой Вороновской 27 лет, умышленно произвела изгнание своего плода, допустив ввести в свои половые органы металлический прут и произвести укол», присяжные заседатели ответили — «Нет, не виновна»².

Проведя анализ законодательства, можно сделать следующий вывод, что в период XVII – начала XX в.в. происходила последовательная либерализация законодательства, регулирующего наказание за преступное изгнание плода. Если согласно главе XXII «Указ за какие вины кому чинит и смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание» Соборного уложения от 29 января 1649 г., наказание за плодоизгнание могло быть тюремное заключение на 1 год и церковное покаяние, если изгонялся плод, зачатый в браке³, или смертная казнь, если плод был зачат в блуде¹, то

¹ РГИА Ф. 1363 Оп.6 Д.749 л. 3

² РГИА Ф.1363 Оп. 6 Д.1376 л. 3 обор.

³ Соборное уложение от 29 января 1649 г. Глава XXII. А в ней 26 статей. Указ за какие вины кому чинит и смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание. Ст. 3. «А будет отец или мати сына, или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходити им к церкви божий, и у церкви божий объявляти тот свой грех всем людем в слух. А смертию отца и матери за сына и за дочь не казнити.»

уже согласно ст. 1933 Уложения о наказаниях 1845г. наказание подразумевало лишение всех прав состояния, ссылку на поселение в местах Сибири не столь отдаленных, и если женщина не была освобождена от телесных наказаний – то подлежала и наказанию плетьюми от десяти до двадцати ударов. В редакции от 1885 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных санкции ст. 1462 уже не содержат положений о телесных наказаниях плетьюми: Лишение всех прав состояния и ссылка в Сибирь на поселение. Однако статья 1462 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. в редакции 1912 г. предусматривает совсем другие санкции за плодоизгнание, совершенное самой женщиной, беременной женщиной: лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и заключение в тюрьму на время от четырех до пяти лет.

3.2. Уголовная ответственность медицинских работников (врачей, акушеров, повивальных бабок) за проведение процедуры плодоизгнания во второй половине XIX – начале XX века

Согласно ст.1932 Уложения 1845 г.², за умышленное изгнание плода без ведома и согласия беременной женщины, с использованием каких бы то ни было средств, преступник подвергался следующему наказанию: лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет. Кроме этого, если преступник не был освобожден от телесных наказаний, он также подвергался наказанию плетьюми через палачей в мере, определенной ст.21 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.³ для седьмой степени данного вида наказаний от тридцати до сорока ударов с наложением клейм. Клеймение не было

¹ Там же. Ст. 26. «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит, а сыщется про то допряма, и таких незаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертью безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова незаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися.»

² Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283.

³ Там же.

самостоятельным наказанием, оно всегда применялось вкупе с сечением, ссылкой и т. п.

Ст. 28 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. регламентирует место наложения клейма и его вид: «Наложение клейм на осужденных к тому преступников следует непосредственно за наказанием их плетьюми через палачей также публично и рукою палача. Оно состоит в поставлении, определенным для того способом, на лбу и щеках осужденного букв К. А. Т. (т.е. каторжный). Достигшие семидесяти лет и женщины не присуждаются к наложению клейм».¹

Если изгнание плода повлекло и причинение тяжкого повреждения здоровья женщине, то преступник подвергался лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу на заводах, на время от шести до восьми лет. Кроме этого, если преступник не был освобожден от телесных наказаний, он также подвергался наказанию плетьюми через палачей в мере, определенной ст.21 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.² для шестой степени данного вида наказаний от сорока до пятидесяти ударов с наложением клейм.

Если преступное изгнание плода повлекло смерть женщины, то виновный также лишался всех прав состояния, подвергался ссылке в каторжную работу в крепостях, на время от восьми до десяти лет. Если преступник не был освобожден от телесных наказаний, он также подвергается наказанию плетьюми через палачей в мере, определенной ст. 21 Уложения³ для пятой степени данного вида наказаний от пятидесяти до шестидесяти ударов, с наложением клейм.

Если же какое-либо средство для изгнания плода было применено с ведома и согласия беременной женщины, то, согласно ст. 1933 Уложения⁴, виновное лицо подвергалось лишению всех прав и ссылке на поселение в

¹ Там же.

² Там же.

³ Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283.

⁴ Там же.

отдаленнейших местах Сибири. Если преступник не был освобожден от телесных наказаний, он также подвергался наказанию плетьюми через палачей в мере, определенной ст. 22 Уложения¹ для первой степени наказаний от двадцати до тридцати ударов.

Наказание, определенное в ст.1932 и 1933, возвышалось на одну степень, если в употреблении средств для изгнания плода беременной женщины были замешаны врач, акушер, повивальная бабка, аптекарь или было установлено, что подсудимый и ранее был виновен в таком преступлении.²

Совершенно особо стоит случай не извещения повивальной бабкой подлежащего начальства об обращении к ней с просьбой о преждевременном разрешении от бремени (ст. 17)³. Сопоставление данной статьи со ст.184 Устава Врачебного⁴ приводит к выводу о том, что субъектом недонесения могла быть только повивальная бабка, а не врачи или акушеры.

Такой вывод можно сделать на основании того, что, во-первых, в законе не было предусмотрено наказания для врачей и акушеров за данный вид преступления, во-вторых, каждый врач подписывал в силу закона так называемое факультетское обещание, напечатанное в его дипломе, существенным условием которого являлось сохранение свято всех тайн и секретов, ставших ему известными, лишь благодаря его званию врача. Повивальные же бабки подобным обещанием связаны не были. Однако статья 1934 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливала ответственность и для врача, и для акушера.⁵

Жалоба врача-акушера Антона Корабевича и Августы Роговой на приговор Санкт-Петербургского окружного суда по обвинению их по 1462 и

¹ Там же

² Там же.

³ Устав повивальным бабкам. 20 сентября 1789// Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIII. 1789. №16804.

⁴ Устав врачебный// Свод законов Российской Империи. Издания 1857 г. Т. XIII. Ч. III.

⁵ Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283.

1463 ст. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных подтверждает, что ст. 1934 Уложения 1845 г. применялась и решения по ней выносились.

«Решением присяжных заседателей я признана виновной по 1462 и 1463 ст. Уложения о наказаниях приговором Санкт-Петербургского окружного суда от 12 ноября 1905 года, приговорена к лишению всех особенных прав и к заключению в тюрьму на 4 года.

Кассационная жалоба Корабевича, обвиняемого по 13, 1462 и 1463 статьям Уложения о наказаниях Уголовных и исправительных в уголовный кассационный департамент правительствующего сената: «Решением присяжных заседателей я признан виновным, но заслуживающим снисхождения в том, что, будучи врачом-акушером, по предварительному с Роговой соглашению 10 октября 1904 г в г С-Петербург, в убежище для рожениц, принадлежавшем Роговой, с ведома и согласия Татьяны Никифоровой, находившейся на 4 месяце беременности, умышленно, не для оказания медицинской помощи, оперативным путем произвел изгнание плода Никифоровой и приговорен к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдан в исправительные арестантские отделения на 4 года».¹

Как уже говорилось выше, в редакции от 1885 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных плодоизгнанию посвящены ст.ст.1461-1463. Они полностью копируют содержание статей в ранее принятых редакциях, за исключением наказания, которое предусматривалось за данное преступление. Санкции ст.ст.1461-1463 Уложения о наказаниях также не содержат ни положений о телесных наказаниях плетьюми, ни положений о наложении клейм.

Ст. 1461 гласит: «Кто, без ведома и согласия беременной женщины, умышленно каким бы то ни было средством произведет изгнание плода ея,

¹ РГИА Ф. 1363. Оп. 2. Д.1289. Л.3

тот за сие подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на время от четырех до шести лет».¹

Если, кроме преступного изгнания плода, женщине был причинен какой-либо вред здоровью, то виновный по лишению всех прав состояния приговаривался к ссылке в каторжную работу на время от шести до восьми лет.²

Если же в результате плодоизгнания наступала смерть женщины, то виновный в этом по лишению всех прав состояния приговаривался к ссылке в каторжную работу на время от восьми до десяти лет.

Согласно ст. 1462 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., когда изгнание плода кто-то совершал с ведома и согласия беременной женщины, наказанием было лишение всех прав состояния и поселение в отдаленнейших местах Сибири.³

Так, по решению Гродненского окружного суда с участием присяжных заседателей мещанка С. Ш. Райзнер по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 1458, вердиктом присяжных заседателей была признана виновной в том, что с ведома и согласия беременной крестьянки А. Рыжковой произвела у нею изгнание плода и вследствие этой операции причинила ей рану, от которой она умерла. Окружной суд приговорил С. Ш. Райзнер к четырехлетним каторжным работам⁴. В кассационной жалобе С.Ш. Райзнер указывала на то, что ее первоначально обвинили по «ст.1462 и лишь год спустя, когда Рыжкова умерла, и вскрыли ее тело и установили, что она умерла от раны, причиненной ей изгнанием плода, тогда судебная палата утвердила другой обвинительный акт по ст. 1458».

В своей кассационной жалобе Райзнер С.Ш. указывала, что поскольку за изгнание плода с ведома и согласия женщины положено только одно

¹ Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283.

² Там же.

³ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета об изменении в Своде законов, вызываемых отменой заключения в рабоче-смирительных домах и новым изданием Уложения о наказаниях. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. V. 1885. №3316. Ст. 1462.

⁴ РГИА. СПб. Ф.1363 Оп.6 Д.1747. Л.2.

наказание, безразлично каким бы ни был исход этой операции, то ее приговор должен быть отменен, а ее действия должны быть квалифицированы согласно ст. 1462. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Приговор в отношении Райзнер С. был отменен¹.

Однако ст. 1462 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1912 г.² предусмотрены совсем другие санкции за плодоизгнание, совершенное с ведома и согласия беременной женщины: «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, и отдачи в исправительные арестантские отделения на время от пяти до шести лет.

Таким образом, мы видим постепенное смягчение ответственности за плодоизгнание. Сначала отмену телесных наказаний и наложения клейм, потом замену бессрочного поселения в отдаленнейших местах Сибири отдачей в арестантские отделения на определенный срок. Вместе с тем нельзя не заметить, что наказания для иных лиц, а также лиц, имеющих медицинское образование (повивальных бабок, врачей и акушеров, аптекарей) производивших плодоизгнание, намного строже, чем наказание беременной женщины, с согласия которой было произведено плодоизгнание.

В первом параграфе второй главы упоминались оправдательные вердикты присяжных заседателей по уголовным делам по обвинению Варвары Череватой и Евдакии Поливяной. Вместе с тем в рамках этих уголовных дел были вынесены и обвинительные вердикты:

«Виновна ли Ципа Марковна Константинер в том, что состояла повивальной бабкой с целью произвести беременной крестьянке Варваре Череватой изгнание плода, с ведома и согласия Череватой вводила ей в полость матки твердые предметы, последствием чего явились

¹ РГИА СПб, Ф.1363 Оп 6 Д.1747. Л.3.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [Ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. - 1916. С. 328.

преждевременные роды ребенка?» На данный вопрос судьи те же присяжные заседатели, что оправдали В. Череватую, вынесли вердикт: «да, виновна»¹.

«Виновна ли крестьянка села Деревки Куцеволовской волости, Верхнеднепровского уезда Лукия Хрисанфова Вороновская 27 лет, в том, что 12 августа 1916 года с ведома и согласия крестьянки Евдокии Поливяной, находившейся в состоянии беременности умышленно произвела изгнание плода, введя ей в половые органы металлический прут и произвела им укол?» На данный вопрос присяжные заседатели вынесли вердикт: «да, виновна, но заслуживает снисхождения»².

Таким образом, в решениях суда присяжных заседателей в обоих случаях прослеживается явное противоречие нормам действующего в указанный период законодательства. С одной стороны, присяжными заседателями выносится оправдательный приговор женщине, по просьбе которой производилось изгнание плода, а с другой стороны, выносится обвинительное заключение в отношении лиц, совершавших данное деяние по просьбе женщины. На это противоречие в своей кассационной жалобе прямо указывала Л.Х. Вороновская, писавшая: «ответы, данные присяжными, находятся в непримиримом противоречии: из двух одновременно судившихся лиц за одно и то же деяние, признанное совершившимся при одной и той же преступной цели, и степени злой воли, одно лицо признано невиновным, а другое осуждено»³.

На основании данного вердикта присяжных Екатеринбургский Окружной суд по временному уголовному отделению в г. Верхнеднепровск выносит решение: «вследствие данного подсудимой Л.Х. Вороновской присяжными заседателями снисхождения и на основании 828 ст. Устава уголовного судопроизводства, с одной стороны, а с другой стороны, вследствие нравственного неразвития и крайнего невежества на основании 134 и 135 ст. Уложения о наказаниях Окружной суд находит правильным и

¹ РГИА СПб. Ф. 1363 Оп.6 Д.749 Л. 3

² РГИА СПб. Ф.1363 Оп. 6 Д.1376. Л. 3 оборот.

³ РГИА СПб. Ф.1363 Оп. 6 Д.1376. Л. 3 оборот.

справедливым означенной выше наказание понизить на Л.Х. Вороновской, как лицу женского пола отдача в исправительные арестантские отделения должна быть заменена заключением в тюрьму на тот же срок, подсудимую Вороновскую надлежит лишить всех особенных прав и преимуществ и заключить в тюрьму на три года и 6 месяцев с последствием по 58 ст. уложения в силу постановления Временного правительства от 17 марта 1917 года означенное выше наказание для Вороновской должно быть сокращено на половину и таким образом, в конечном выводе подсудимую надлежит заключить в тюрьму на 1 год и 9 месяцев с тем же правопоражением и последствиями. Судебные издержки, в том числе вознаграждение врачу - эксперту Казанскому за экспертизу на суде в размере 10 рублей, должны быть возложены на Вороновскую¹.

Уложение о наказаниях 1845г. в ст. 1962 за нанесение беременной женщине заведомо и с умыслом увечья, раны, или важного в здоровье вреда, или же побоев или истязаний, если последствием сего будут преждевременные роды и смерть ее младенца, виновный, хотя и будет доказано, что он не имел прямого намерения причинить сие несчастье, приговаривался к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до десяти лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных и наказанию плетьюми через палачей от пятидесяти до шестидесяти ударов, с наложением клейм. В редакции 1885 г. наказание было смягчено, отсутствовали телесные наказания и наложение клейм².

В Российском государственном историческом архиве имеются дела, связанные с установлением наказания по данной статье. 11 марта 1917 г. Троицким окружным судом с участием присяжных заседателей было рассмотрено дело о башкире Фахаргалеи Нургалиеве, обвиняемом по 1491 и

¹ РГИА СПб. Ф.1363 Оп. 6 Д.1376. Л. 3 оборот

² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 25 ноября 1885 г. «Об изменениях в Своде законов, вызываемых отменой заключения в рабоче-смирительных домах и новым изданием Уложения о наказаниях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. V. 1885. №3316

1492 ст. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Присяжные на вопросы судьи в виновности обвиняемого ответили: да, виновен. Но присяжные сочли, что подсудимый не знал о беременности жены и не имел намерения причинить ей тяжкие повреждения, приведшие к преждевременным родам. Более того, по мнению присяжных, преждевременные роды произошли по другой неустановленной причине.

Не смотря на допущенную присяжными заседателями неясность и неполноту решения, Троицкий окружной суд признал вердикт присяжных заседателей обвинительным и приговорил Ф. Нургалиева к наказанию за преступление, предусмотренное 1 ч. ст. 1483, совершенно игнорируя 1492 ст. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, нарушив таким образом, по мнению и.о. товарища прокурора Троицкого окружного суда ст. 816 Устава уголовного судопроизводства. В связи с чем и.о. товарища прокурора ходатайствовал о передаче дела для нового рассмотрения в том же суде в другом составе (21 марта 1917)¹.

Такой же ответ присяжные заседатели вынесли и в отношении подсудимой П.К. Гражуль, осужденной за нанесение побоев беременной П. Бусыгиной, повлекших за собой смерть преждевременно рожденного ребенка. Перед присяжными заседателями был поставлен вопрос: «виновна ли крестьянка Тобольской губернии ... в том, что 4 августа 1916 г. в г. Томске по предварительному соглашению с другим лицом, умышленно нанесла крестьянке П. Бусыгиной, находящейся неведомо для нее в периоде беременности, тяжкие побои, угрожавшие опасностью для жизни, по голове и ногам, последствием чего были преждевременные роды и смерть младенца Бусыгиной»? На вопрос о виновности подсудимой присяжные ответили: «да, виновна». Но также, как и в предыдущем случае, посчитали, что «преждевременные роды и смерть младенца не зависели от побоев, о беременности потерпевшей не знала, предварительного соглашения с другим лицом не было, а побои относятся к разряду легких, и заслуживает

¹ РГИА СПб. Ф.1363. Оп.6. Д.1343. Л. 2.

снисхождения». П.К. Гражуль была в итоге осуждена по ст. 142 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями¹.

В связи с тем, что изгнание плода могло быть осуществлено при употреблении ядовитых и сильнодействующих веществ, в законодательстве существовал запрет на их свободный оборот.

Государственная власть осуществляла контроль и за продаваемыми лекарственными препаратами, в частности, внимание было уделено продаже ядовитых веществ. Так, например, именованным указом императрицы Анны Иоанновны было запрещено в Москве и во всем государстве торговать мышьяком в лавках, в рядах, на торжках, в портах и других местах. Разрешено было продавать мышьяк только в аптеках и в таможенных по запискам от врачей.² За нарушение этого указа и продавцу, и покупателю такого товара было предусмотрено наказание – ссылка в Сибирь.

Позднее, в 1758 г., был издан новый указ, который подтверждал ранее установленные положения о запрещении свободной продажи и покупки мышьяка, а также других ядовитых веществ: сулемы, цылибухи, крепкой водки, купоросного и янтарного масла. Указанные вещества должны были быть изъяты и у купцов и иных людей, осуществляющих ими торговлю, за денежное вознаграждение. Изъятые вещества затем поступали в ратуши или аптеки и продавались из главных аптек в Москве и Санкт-Петербурге, в городах, где не было аптек, они должны были продаваться из ратуш. К покупателям данный указ предлагал относиться настороженно, и указывал расспрашивать покупателя, зачем и куда будет использоваться данный лекарственный препарат. Кроме того, указ предписывал истребовать у покупателя записку или поручительство на покупку ядовитого вещества. Так, со знатных людей, которым можно верить, требовать записку, с иных, кроме уездных, — записку и поруки, с уездных же — поруки помещиков,

¹ РГИА СПб. Ф 1363. Оп.6. Д.1162. Л. 2; Л. 2 оборот.

² Именной указ, объявленный из Сената, 6 февраля 1731 г. «О непродаже и недержании в лавках мышьяку, кроме аптек» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том VIII. 1728-1732 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Ст.5691.

приказчиков, старост или приходских попов. Указ предусматривал ответственность (ссылку в дальние города), как для продавцов ядовитых веществ за нарушение его положений, так и за покупку ядовитых веществ у незаконного продавца.¹

Уложение о наказаниях 1845г. предусматривало ответственность за нарушение правил, установленных для продажи, хранения и употребления ядовитых и сильнодействующих веществ (ст.ст.1074-1077). Лицам, имеющим право продавать такие вещества, было запрещено отпускать их лицам, не имеющим право на их покупку, а также лицам, не представившим свидетельства на такое право. За данное деяние для продавца устанавливалась ответственность в виде денежного взыскания от десяти до ста рублей и лишения навсегда права продавать сильнодействующие и ядовитые вещества. За нарушение запрета грозило денежное взыскание и заключение в тюрьму на срок от трех до шести месяцев.²

Все эти меры применялись еще и для того, чтобы лекарственные и ядовитые вещества не были употреблены для плодоизгнания.

Хотя В. Лиденберг и отмечает, что механические способы плодоизгнания применялись в 1,7 раза чаще внутренних³, употребление внутренних средств для плодоизгнания были не редкими и в большинстве случаев заканчивались смертью, принявшей эти средства женщины.

Очень часто для производства выкидыша принимали сулему (ртутный порошок). Так в г. Острогжске крестьянская девица с целью вытравления плода на 5 месяце беременности приняла смесь пороха и сулемы, что привело к ее смерти⁴. Крестьянка Татьяна Казакова, 23 лет от роду, проживающая в селе Масловка Кирсановского уезда Тамбовской губернии,

¹ Сенатский указ от 19 июня 1758 г. «О продаже ядовитых материалов из одних аптек и ратуш; о взыскании штрафа с виновных в незаконных оных продажах, и о награждении доносителей» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XV. №10.851.

² Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283.

³ Лиденберг В. Материалы к вопросу детоубийств и плодоизгнаний в Витебской губернии (по данным Витебского Окружного Суда за десять лет, 1897—1906). Диссертация на степень доктора медицины. Юрьев. Тип. Маттисона. 1910. С. 65.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. Д.14. Ч. 10 . Т. 2. Л. 93.

сделала попытку отравления плода на 4 месяце беременности, выпив сулемы, с острыми болями была доставлена в Оржевскую земскую больницу, где и скончалась, предварительно скинув плод¹. Крестьянка Федосья Голикова была доставлена в Тамбовскую земскую больницу с острым отравлением, где и умерла. При проведении вскрытия было выяснено, что Голикова была беременна и с целью произвести выкидыш «приняла какой-то состав»².

Так, например, А. Ларин указывал, что для плодоизгнания в Астраханской губернии чаще всего применяли водный отвар *herbae abrotani*, сабур (*aloe*) в крепком водочном настое, шафран (*crocus*) в водочном настое, донской можжевельник (*summitataes sabinae*), янтарное масло (*oleum succini*), ромашку (*flores chamomillae*) в водном отваре³.

Профессор А.С. Игнатовский утверждал, что в Лифляндской губернии чаще всего производили выкидыши употребляя буру, волчье лыко (*Daphne mezereum*), сулему, янтарное масло⁴.

Ю.П. Ширвиндт описывал случай, в котором вероятно принималась бура⁵. В. Мартынов описывал 8 случаев выкидышей при отравлении фосфором⁶. Э. Ф. Беллин приводил 8 случаев, в которых проститутки в Харькове принимали продолжительное время азотную кислоту⁷.

Плодоизгнание крайне тяжело было выявить и расследовать. Доказать вину акушерки, врача или иного лица в проведении им процедуры изгнания плода было крайне сложно. Большая часть доказательств, которые предоставлялись полицией в суде, представляли собой досужие вымыслы

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 122. Д.72. Ч.10. Л. 257 об.

² ГРАФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 72. Ч. 10. Т. 2. Л. 103.

³ Ларин У. А. Народная медицина Астраханской губернии. Санкт-Петербург: тип. М.И. Акинфиева и И.В. Леонтьева, ценз. 1904. С. 21.

⁴ Игнатовский А. С. Судебная Медицина. Юрьев. 1910. С.41.

⁵ Ширвиндт Ю. П. Дело о солдатской жене Н. П-вой, обвиняемой в изгнании своего плода. // Сборник сочинений по Судебной медицине и т. д. 1873 т. 3, отд. I, С. 1.

⁶ Мартынов В. Выкидыши при фосфорных отравлениях// Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый при Управлении главного врачебного инспектора М.В.Д. Полный комплект в 2-х книгах. Кн. 2. СПб. Тип. МВД. 1913. Май. С. 673.

⁷ Беллин Э. Ф. К Судебно-медицинской казуистике преступного выкидыша. (Внешнее насилие или патологический процесс). // Труды Харьковского медицинского общества за 1886 г. Вып. 1 С. 50-87.

или зачастую оговор, а опросить саму потерпевшую, очень часто, не представлялось возможным по причине ее смерти. Об этом свидетельствуют материалы уголовных дел. Крестьянка Соломонида Овчинникова, 23 лет от роду, была осуждена по приговору Воронежского окружного суда по 1 ч. 1462 ст. Устава о наказаниях уголовных и исправительных к заключению в тюрьму сроком на три с половиной года с лишением прав и преимуществ. Она обвинялась в «причинении Болдыревой прибором раны дна матки, от каковой раны Болдырева умерла». Основанием для вынесения обвинения послужили показания свидетельницы Дарьи Максимовой, которая на суде показала, что «шла по одной дороге с Болдыревой, которая сказала, что идет к Соломониде Овчинниковой»¹.

В кассационной жалобе на приговор Пензенского окружного суда осужденная по 1 ч. 1462 ст. Устава о наказаниях уголовных и исправительных Евдокия Федоровна Аннибалова писала: «Обвинение по делу является недоказанным и имеющиеся в деле вещественные доказательства совершенно не говорят о том, что они применялись в данном проступке или служили средством аборта, ибо никто из свидетелей не удостоверил, что аборт был произведен мною. Свидетели лишь говорят, что Добычина и Торгашова были у меня, но что они делали у меня, сколько времени были, и оказывала ли я им содействие, никто по делу не видел и не знает»².

Кастория Бельская была осуждена Иркутской судебной палатой по 1 ч. 1462 ст. Устава о наказаниях уголовных и исправительных на основании свидетельских показаний свидетельницы Зяблицкой, утверждавшей, что Бельская «будто бы хвасталась умением делать выкидыши»³. Еще один момент обращает на себя внимание: во всех указанных выше делах обвиняемые не только не имели медицинского образования, но и были неграмотны. Следствие велось с серьезными нарушениями, а в деле

¹ РГИА СПб. Ф. 1363. Оп.6. Д. 1300. Л. 2

² РГИА СПб. Ф. 1363. Оп.6. Д. 1400. Л. 1.

³ РГИА СПб. Ф. 1363. Оп. 6. Д.721. Л.3

Сломониды Овчинниковой урядник при составлении протокола вымогал у обвиняемой 25 рублей, но поскольку она отказалась платить, то им был составлен обвинительный протокол¹.

По материалам А.В. Грегори, в Варшавской губернии за 20 лет (1885—1904) было возбуждено 47 дел по плодоизгнанию, причем к ответственности привлекалось 80 лиц. Из этих 47 дел 36 прекращены прокурорским надзором и лишь 11 дошли до суда, и только в 3 случаях был вынесен обвинительный приговор².

За десять лет (1897-1906) в Витебской губернии до суда ни одного дела о плодоизгнании не дошло. В архиве Прокурора Витебской губернии за этот период найдено 6 дел о плодоизгнании. Из них 5 было прекращено за недоказанностью преступления, а одно за недостаточностью улик³.

В чем же причины такой судебной практики? Дело в том, что дела об изгнании или истреблении плода рассматривались с участием присяжных заседателей, поскольку, согласно статье 201 Устава Уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г., дела о преступлениях и проступках, за которые в законе положены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния, ведаются окружным судом с присяжными заседателями⁴.

По данным опубликованным в Журнале Министерства юстиций за 1896 год, истребление плода и детоубийство составляли ту группу преступлений против жизни, по которым судами присяжных было вынесено наибольшее число оправдательных приговоров. За период с 1885 г. по 1887 г. из 52 лиц, привлеченных к суду, только 13 было осуждено, а 39 оправдано.

¹ РГИА СПб. Ф. 1363. Оп.6. Д. 1300. Л. 2.

² А.В. Грегори. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании (по данным Варшавского Окружного Суда за 20 лет, 1885-1904). Диссертация на степень доктора медицины. Варшава. Тип. Ковалевского 1908. С.8.

³ Линденберг В. Материалы к вопросу детоубийств и плодоизгнаний в Витебской губернии. (по данным Витебского Окружного Суда за десять лет, 1897—1906). Диссертация на степень доктора медицины. Юрьев. Тип. Маттисона. 1910. С.75.

⁴ Устав Уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года// Полное собрание законов российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1864. Собрание II. Т. XXXIX. С.229.

Общий процент оправданных за истребление плода составил 75%¹. Причем интересно, что за этот же период процент оправданных обоего пола для Киевского округа по делам об истреблении плода составлял 85, среди них оправданных женщин – 50%². На эту особенность работы суда присяжных заседателей обратил внимание Н.И. Цуханов, исследуя работу присяжных заседателей на уровне сессий в уездах и в больших городах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, он пришел к выводу что «в первых из них преобладают приговоры обвинительные, а во-вторых, оправдательные»³.

Примерами, подтверждающими точку зрения Н. И. Цуханова, могут служить дела, решения по которым были вынесены Астраханским и Петроградским окружными судами с участием присяжных заседателей.

В марте 1911 г. уголовным отделением Астраханского окружного суда с участием присяжных заседателей было рассмотрено дело мещанки Кузнецовой за незаконное производство абортов. Согласно материалам дела, Елена Чернозубова в возрасте 19 лет, узнав о своей беременности, обратилась к акушерке Кузнецовой. Кузнецова согласилась произвести выкидыш Чернозубовой, взяв с нее 20 рублей. Спустя несколько дней, Чернозубова скончалась от «гнилостно-гнойного воспаления брюшины», произошедшего, по заключению врача, «от введения в половой канал загрязненного предмета»⁴. Подсудимая Кузнецова вину свою отрицала, заявив, что занималась только практикой повивальной бабки. Приговором суда, мещанка М. В. Кузнецова, была лишена всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, заключена в тюрьму на четыре года.

Аналогичное дело было рассмотрено в заседании Петроградского окружного суда в 1916 году: дело повивальной бабки Василевской,

1 Журнал Министерства юстиций. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1896. № 6. Июнь. С.178.

2 Журнал Министерства юстиций. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1896. № 6. Июнь. С.182.

3 Цуханов Н.И. О недостатках нашего суда присяжных//Журнал гражданского и уголовного права Издание С.- Петербургского юридического общества. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882. Кн. 5. Май. С.133.

4 ГААО. Ф. 205. Оп. 2. д. 424, л. 10.

обвинявшейся в аборте, последствием которого была смерть пациентки. Выступивший в суде экспертом профессор судебной медицины Косоротов определил, что смерть покойной вызвана заражением крови, происшедшим вследствие неопрятности содержания инструментов, которые применялись при операции. Подсудимая виновной себя не признала. Присяжные заседатели вынесли Василевской оправдательный вердикт¹.

Таким образом, видно крайне неоднозначное вынесение судами присяжных решений при рассмотрении аналогичных дел в различных городах империи. Проблема была связана не только с тем, что у присяжных отсутствовало юридическое образование, и они не хотели «брать грех на душу», и это оказывало «большее влияние на принятие решения, чем несомненная доказанность преступного деяния и виновность»², но в несостоятельности законодательства и устарелости норм³.

Для облегчения родов и родовспоможения в России, кроме врачей и акушеров, как уже говорилось, был создан институт повивальных бабок.

Устав повивальным бабкам от 20 сентября 1789 г.⁴ содержал следующие положения:

- Каждая повивальная бабка должна быть в звании своем испытана, удостоена и присягою обязана; притом благонравна, доброго поведения, скромна и трезва, дабы во всякое время в состоянии была дело свое исполнять;

- Повивальная бабка не должна оставлять роженицу прежде, нежели роды совершенно кончатся, а мать и дитя приведены в настоящее спокойствие;

- Если бабка приметит, что роды предстоят тяжелые, она должна немедленно призвать к совету другую бабку или профессора, или акушера;

1 Вестник полиции: еженедельный журнал с иллюстрациями. Петроград: Министерство внутренних дел, 1916. № 1-52. С.354.

2 Журнал Министерства юстиций. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1896. № 6. Июнь. С.185.

3 Цуханов Н.И. Указ соч. С.133 .

⁴ Устав повивальным бабкам от 20 сентября 1789 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIII. Ст.14409. С.

- Когда родильница не разрешалась от бремени, скончалась незадолго до прибытия бабки; в таком случае должна немедленно сообщить акушеру или доктору, или лекарю, дабы через искусное вскрытие утробы, вынув младенца, сохранить его жизнь буде возможно;

- Бабкам позволяется выписывать для роженицы и новорожденного самые легкие лекарства (розмарин, ромашку, миндальное масло, манну, ревенной сироп, коричную воду, также потребное на припарки и для промывательных);

- В трудных родах бабка не должна сама приступать к операции, а обязана призвать для этого акушера или профессора;

- Бабкам строжайше запрещается вступать в лечение от других болезней.

Кроме того, каждая бабка не должна, ни по чьей просьбе, приступать к «поспешествованию преждевременного от беременности разрешения»; а повинна о таком незаконном намерении доносить, куда следует. Данное положение было немного изменено в 1816 г., повивальная бабка по-прежнему не должна была по чьей - либо просьбе употреблять каких - либо средств, для преждевременного разрешения от беременности. Но она была обязана «при выкидышах и преждевременных родах подавать возможное пособие»¹.

В 1857 году был принят Устав врачебный. Указанный документ вслед за Уставом повивальным бабкам 1816 г. запрещал повивальным бабкам употреблять какое-либо средство для производства преждевременного от беременности разрешения, а также обязывал при выкидышах и преждевременных родах подавать возможное пособие. Закреплялось также положение о том, что в случае просьбы о произведении преждевременного

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 13 ноября 1816 г. «Об отпуске суммы из государственного казначейства на жалованье акушерам и повивальным бабкам в обеих столицах по прилагаемому штату, и об утверждении Устава повивальным бабкам и наставления городовым акушерам» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIII. Ст.26.515.

разрешения от беременности повивальная бабка должна была донести об этом своему начальству.¹

Законодательство подробно и строго регламентировало требования для приема в ученицы, требования к обучающимся ученицам в части изучаемых предметов и правил поведения, а также условия получения аттестата от института, распределение учениц после окончания обучения, их деятельность, права и обязанности в качестве повивальных бабок, что регламентировалось Уставом Повивальных бабок с 1789² г.

В 1845 г. при Повивальном институте при Императорском воспитательном доме начала работать первая в России школа сельских повивальных бабок³.

В Астраханской губернии для профессиональной подготовки повивальных бабок действовала школа фельдшеров и фельдшериц-акушерок. Требования для поступающих и учениц, желающих получить свидетельство на звание повивальной бабки, стали носить более конкретный характер, при этом большое внимание уделялось физическим особенностям поступающих⁴.

На основании циркуляра Министерства Внутренних Дел по управлению Главного Врачебного Инспектора от 2 июля 1910 г за № 660⁵ был предусмотрен значительный список болезней и телесных недостатков, препятствующих поступлению в Астраханскую школу фельдшеров и фельдшериц-акушерок. Среди данных заболеваний были, например, указаны такие как: болезни кожи, органов кровообращения, легких, печени, глухота на оба уха, болезнь глаза, падучая болезнь, отсутствие верхних конечностей или частей оных, сахарная болезнь и общее физическое истощение.

¹ Устав врачебный 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857. Ст.184.

² Устав повивальным бабкам от 20 сентября 1789 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIII. Ст.16804

³ Фруменкова Т.Г. Петербургский воспитательный дом и подготовка медиков дореформенной России//Вестник Герценовского университета 2012 №1. С.171

⁴ ГААО. Ф.569.Оп.25.Д.23. Л.5

⁵ ГААО. Ф.569.Оп.25.Д.23. Л.7.

При поступлении в Астраханскую школу фельдшеров и фельдшерниц-акушеров необходимо было:

1. Подать прошение о поступлении;
2. Предоставить заключение врача об отсутствии болезней и телесных недостатков, препятствующих поступлению;
3. Предоставить рекомендации врача о принятии в школу;
4. Предоставить заявление от отца (мужа) об отсутствии возражений относительно поступления дочери (жены) в ученицы;
5. Написать экзаменационную работы (автобиография).

По окончании курса обучения, как к ученицам, так и к самой школе в лице ее Директора предъявлялись определенные формальные требования, выполнение которых являлось необходимым условием для сдачи выпускного экзамена на звание повивальной бабки¹. (см. Приложение 1)

К выпускному экзамену допускались ученицы, предоставляющие следующие документы:

- метрическое свидетельство;
- вид на жительство;
- свидетельство о политической благонадежности (Министерство внутренних дел Астраханской губернии выдавало удостоверение о том, что она поведения и нравственных качеств хороших, под судом и следствием не состояла и не состоит, и поводов к сомнению в ее политической благонадежности не подавала);
- свидетельство о занятии в родовоспитательном доме и количество самостоятельных приемов (Удостоверение о прохождении практики при Астраханском Городском Родильном Доме);
- свидетельство о здоровье;
- две фотографии;

¹ ГААО. Ф.659. Оп.2. Д.2. Л.2.

- заявление - разрешение отца (мужа) на право сдавать экзамен на звание повивальной бабки.

На основании результатов экзамена ученицам выдавалось Свидетельство, подписанное Астраханским губернским врачебным инспектором, Директором астраханской школы фельдшеров и фельдшериц-акушеров.

Несмотря на то, что повивальные учебные заведения были вольны в выборе программы обучения и осуществляли свою деятельность на основании собственного Устава, в целом Устав Повивальной школы при родильном отделении больницы Астраханского приказа общественного призрения от 13 марта 1886 и Устав Повивального института и Родильного госпиталя при Императорском Московском воспитательном доме от 15.марта 1858 г не имели существенных различий в своем содержании. (см. Приложение 2)

Согласно Уставу, Повивальная школа принимала учениц всех вероисповеданий, а также из сельского, казачьего и инородческого населения Астраханской губернии, при этом поступающие обязательно должны были быть не моложе 20 лет, а главное - уметь правильно читать и писать по-русски.

Однако указанные требования на практике были слишком завышенными для многих кандидаток на обучение в Повивальной школе. Наказному атаману было предоставлено право, в случае недостатка лиц грамотных или не находящихся в требуемом уставом школы возрасте, назначать учениц на войсковые стипендии из числа не удовлетворяющих этим требованиям¹.

Уставы уделяют особое внимание требованиям, предъявляемым к поступающим на обучение: возраст, грамотность, состояние здоровья, морально — нравственные характеристики. Позднее, в 1910 году, к основному документу при поступлении для обучения повивальному

¹ ГААО. Ф.20. Оп. 1. Д. 2463 Л. 6.

искусству стали относить: Заключение врача об отсутствии болезней и телесных недостатков. Основными документами для сдачи выпускного экзамена стали:

1. Документ соответствия морально - нравственным требованиям, которые стали пониматься как требования, отвечающие политической благонадежности, в чем выдавалось соответствующее свидетельство о политической благонадежности (Министерство внутренних дел Астраханской губернии);

2. Документ, удостоверяющий практическую способность осуществления профессиональной деятельности повивальной бабки, — свидетельство о занятии в родовспомогательном доме и количество самостоятельных приемов (в среднем 45 - 47 самостоятельно принятых родов¹).

И все-таки большинство населения продолжало скептически относиться к практике профессиональных повивальных бабок, в частности, и родильных домов в целом. Так, по материалам архивного фонда, в журнале учета рожениц и детей с января 1880 года по декабрь 1880 года было принято всего 67 родов, с января 1881 года по декабрь 1881 года - 58 родов².

Однако на пути реализации изначальной и главной цели, сформулированной еще в Указе 1754 г «О порядочном учреждении бабичьева дела в пользу общества», родовспомогательная деятельность в Астраханской губернии продолжала свое формирование и совершенствование, что нашло свое отражение как в усложнении системы требований, предъявляемых к поступающим и выпускницам школы повивального искусства при Астраханском Приказе Общественного Призрения, так и в преобразовании самой школы в самостоятельное

¹ ГААО. Ф.659. Оп.2. Д.2. Л.3.

² ГААО. Ф.991. Оп.1. Д.1. л. 5.

родовспомогательное учебное заведение¹, а также последующее открытие школы фельдшеров и фельдшерниц - акушеров (1910г.) (см приложение 2).

Дату основания родильного отделения в Астраханской губернии выявить не удалось, но по документам НСБ АОГУ «ГААО» родильное отделение работало уже в 1887 г. В родильном отделении производился бесплатный прием рожениц всех сословий, принимались и секретные роженицы, также на полном содержании отделения. При родильном отделении действовала повивальная школа на 16 учениц. В школу принимали учениц всех вероисповеданий, преимущественно из сельского, казачьего и инородческого населения Астраханской губернии² (см. Приложение 3).

Школа при родильном отделении действовала на основании собственного устава и программы преподавания.

Так, согласно программе, утвержденной Приказом 2 ноября - 31 декабря 1895³, обучение в повивальной школе при родильном отделении астраханской больницы приказа общественного призрения делилось на два класса, за каждым из которых был официально закреплен конкретный перечень изучаемых предметов: 1 класс - Описательная анатомия человеческого тела, Физиология, Акушерство, Правильные роды; 2 класс – Акушерство (неправильности анатомического устройства, болезни плодного яйца, неправильности родов, случайные болезни, припадки во время родов), Болезни новорожденных младенцев, Общие понятия о некоторых лекарствах, употребляемых акушерками, Об акушерских инструментах и операциях, дозволенных повивальным бабкам, Учение о пособиях при родах внезапных, случайных: удар молнии, удушение, ожоги.

В соответствии с программой, понятие об искусственных преждевременных родах и искусственном законном выкидыше, а также такие операции, как наложение щипцов и извлечение ими младенца повивальным бабкам не дозволяются, но «каждая бабка обязана знать показания к

¹ ГААО. Ф.20. Оп.1. Том 2. Д. 2708.Л. 5

² ГААО. Предисловие к описи фонда 991.

³ ГААО. Ф.20.Оп.1.Д.735. Л. 3

производству их и время, когда для использования их должен быть своевременно приглашен акушер»¹.

Воспитанницы 1 класса повивальной школы в свободное от уроков время исполняют обязанности сиделок в родильном отделении больницы под наблюдением повивальной бабки Родильного отделения; воспитанницы 2 класса обязаны присутствовать при всех плодоразрешениях, случающихся при Родильном отделении больницы. Каждая из них по очереди обязана исполнять у назначенной роженице и родильнице, под руководством повивальной бабки родильного отделения, все обязанности повивальной бабки, отдавая полный отчет в том, что и для чего она это делает.

Согласно Уставу Повивальная школа при родильном отделении больницы Астраханского приказа общественного призрения имела своим назначением образование не только сельских бабок, но и оспопрививательниц.

По всем делам, по которым требовались заключения судебной медицины, предписывалось проводить медицинский осмотр, свидетельство и исследование.² Порядок судебного осмотра мертвых тел был закреплен в Уставе судебной медицины³.

В соответствии со ст.1738 Устава судебной медицины 1857 года в случае подозрения в умышленном умерщвлении и изгнании плода, должно было быть проведено судебно-медицинское исследование. Оно состояло в судебном осмотре тела по формальному от присутственного места требованию, при этом должны быть указаны: предмет исследования, место и время, когда оно производится, с указанием членов полиции, которые должны при этом находиться и цель, для которой осуществляется освидетельствование. При этом врачам должны задаваться ясные и

¹ ГААО. Ф.20.Оп.1.Д.735. Л.3

² Учреждения врачебные. Свод Учреждений и Уставов врачебных по гражданской части 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857. Ст.48.

³ Устав судебной медицины 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857. Ст.1759-1780.

определенные вопросы, на которые они должны были давать ответ.¹ Устав судебной медицины регламентировал порядок проведения осмотра женских тел и тел новорожденных младенцев.

Так, ст.ст. 1818-1822 определили правила о судебно-медицинском исследовании женских тел, когда необходимо определить, была ли беременна женщина или нет. Данные правила помещены в главу шестую устава «Особенности исследования брюха». Так как одним из способов избавления от беременности был прием разного рода веществ, в том числе ядовитых, способных привести не к желаемому результату (изгнанию плода), а к отравлению беременной, необходимо отметить содержание в данном Уставе главы восьмой «Правила, как поступать при исследовании мертвых тел, когда имеется подозрение на отравление».

В XIX веке также, как и в предшествующий период, продолжали приниматься правовые акты, касающиеся порядка хранения, правил продажи, запрета на свободную продажу ядовитых веществ.²

Использование разного рода средств для избавления от беременности способно были привести к резкому ухудшению состояния самой беременной или ее смерти. В последнем случае, при скоропостижной несомненной

¹ Устав судебной медицины 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857. Ст.1738.

² Высочайше утвержденный Устав о неперенных военных госпиталях от 21 марта 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. III. №1889; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 17 июня 1830 г. «О правилах для продажи ядовитых и сильно действующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. №3730; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 26 ноября 1834 г. «Об изменении III-го пункта правил 17 июня 1830 года на продажу ядовитых веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. №7577; Высочайше утвержденный Устав Аптекарский от 23 декабря 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. Отделение 2. №9808; Высочайше утвержденный проект учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях от 30 апреля 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIII. Отделение 1. №11189, Ч.IV; Высочайше утвержденный Сельский полицейский устав для государственных крестьян от 23 марта 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение 1. №12165, ст.40; Высочайше утвержденный Сельский судебный устав для государственных крестьян от 23 марта 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение 1. №12166, ст.203 прим.2; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 28 июля от 23 июня 1852 г. «О правилах раздробительной продажи ядовитых и сильнодействующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVII. Отделение 1. №26397; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 29 апреля, от 11 марта 1875 г. «Об ответственности лиц, не имеющих права заниматься врачебной практикой, за злоупотребление, при врачевании, ядовитых и сильнодействующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. L. Отделение 1. № 54478.

смерти беременной предписывалось немедленно приступать к Цесарскому сечению для спасения жизни плода.¹

За допущение ошибок в своем искусстве акушеры и повивальные бабки также, как и врачи и операторы, привлекались к ответственности, особенно за причинение смерти или существенного вреда своими неквалифицированными действиями, они предавались церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства.²

Устав судебной медицины содержал главу «Особенные правила для наблюдения при вскрытии новорожденных младенцев, найденных мертвыми». В ст.1827 данной главы содержатся указания на то, как исследовать найденного младенца и определить, найден ли труп новорожденного ребенка или плода: «... следует обратить внимание на то, принадлежит ли оно к совершенно зрелым и следственно способным продолжать жизнь, или недозрелым». И даются подробные указания на то, как осуществлять исследование кожи, глаз, ногтей, ушей, волос и т.д., что дает возможность определить, труп новорожденного ли это ребенка или рожденного преждевременно.

Следует также рассмотреть вопрос о наказании за действия, повлекшие причинение вреда здоровью и жизни беременной женщины и ее плода. Уложение о наказаниях 1845г. защищало беременных женщин от посягательств на их здоровье и на жизнь плода непрофессиональными действиями медицинских работников (акушеров, врачей, повивальных бабок и др.). Взысканиям, в частности, подвергались:

- врач, который по приглашению повивальной бабки не явится без особых законных к сему препятствий к родильнице, а равно и повивальная бабка, которая не явится по приглашению в помощь занимающимся

¹ Устав судебной медицины 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857. Ст.1742, 1821.

² Учреждения врачебные. Свод Учреждений и Уставов врачебных по гражданской части 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857. Ст.122, 138, 155.

повиванием неученым женщинам, или, явившись по приглашению, тот или другая оставят родильницу прежде окончания родов и приведения всего от них зависящего в надлежащий порядок (ст.1085 Уложения);

- врач или акушер, который не донесет начальству о замеченных ими упущениях, беспорядках и злоупотреблениях фармацевтов, которые могли причинить или причинили вред больному (ст. 1087 Уложения);

- повивальная бабка, если, находясь при трудных родах, предпримет операцию, для осуществления которой по закону необходимо привлечь акушера или врача (когда в том месте или поблизости есть акушер или врач) (ст.1089 Уложения);

- повивальная бабка, изобличённая в производстве, хотя и без умысла, преждевременного от беременности разрешения (ст.1090 Уложения);

- повивальная бабка, которую кто-либо будет просить о производстве преждевременного от беременности разрешения, не донесет об этом начальству (ст.1091 Уложения);

- повивальная бабка за недонесение или несвоевременное донесение врачу о случаях, когда родильница, не разрешилась от бремени, умрет при ней или незадолго до ее прибытия и будет доказано, что посредством операции младенец мог быть вынут живым, а повивальная бабка не приняла надлежащих мер (ст.1092 Уложения).

За указанные преступления виновный мог быть подвергнут применению следующих наказаний:

- строгий выговор;
- денежное взыскание;
- отстранение от должности;
- арест;
- заключение в тюрьму;
- церковное покаяние;
- или одновременное применение нескольких наказаний.

Так, повивальная бабка, изобличенная в производстве, хотя и без умысла, преждевременного от беременности разрешения (ст.1090 Уложения), подвергалась заключению в тюрьму на срок от трех до шести месяцев, а если последовала смерть матери или младенца – церковному покаянию. Повивальная бабка, которую кто-либо будет просить о производстве преждевременного от беременности разрешения, не донесет об этом начальству, наказывалась заключением в тюрьме на срок от трех до шести месяцев (ст.1091 Уложения).

Кроме того, повивальным бабкам запрещалось лечить болезни, права на лечение которых им не предоставлено, так как это могло отрицательным образом сказаться на здоровье беременной и развитии плода.

Таким образом, проведя анализ существовавших на исследуемый период нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы ответственности медицинских работников за преступное плодоеизгнание, можно сделать следующие выводы:

Ответственность медицинских работников за плодоеизгнание с 1845 по 1903 гг. постепенно смягчается, если ст.1932 Уложения 1845 г. подразумевала в виде наказания лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы на заводах на время от четырех до шести лет, кроме этого, если преступник не был освобожден от телесных наказаний, он также подвергался наказанию плетьюми через палачей в мере определенной ст.21 Уложения¹ для седьмой степени данного вида наказаний от тридцати до сорока ударов, с наложением клейм. То уже в редакции 1885 г. санкции ст.ст.1461-1463 Уложения о наказаниях не содержат ни положений о телесных наказаниях плетьюми, ни положений о наложении клейм. За совершение плодоеизгнания ответственность третьих лиц была строже, чем ответственность женщины, вытравившей плод.

¹ Там же.

3.3 Смягчение уголовной ответственности за плодоизгнание по Уголовному уложению 1903 г.

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. являлось действительно первым кодифицированным уголовным кодексом в Российской империи, но, несмотря на то, что для своего времени этот законодательный акт являлся по сути революционным, он обладал определенными существенными недостатками, на которые указывали многие русские юристы и политические деятели. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» отсутствовала соразмерность совершенного преступления тяжести наказания, казуистическая система лестницы наказаний, отсутствие единых принципов построения правовых норм.

Несмотря на то, что в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных постоянно вносились поправки, и было четыре его переиздания с различными изменениями и дополнениями (1845, 1857, 1866, 1885 гг.), после реформ Александра II стало понятно, что в таком виде этот документ уже не отвечает изменившимся политическим, социальным, экономическим условиям жизни России.

Отмена крепостного права, сословных привилегий, проведение судебной реформы и принятие судебных уставов, все это повлекло за собой кардинальные изменения и в общественных отношениях, и в общественном сознании. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных писалось в период крепостного права, оно не только не соответствовало духу времени, но и ряд его норм противоречил положениям судебной реформы.

Об этом свидетельствует Всеподданнейший доклад по проекту Уложения о наказаниях, поданный Императору Александру III министром юстиции статс-секретарем Д.Н. Набоковым, в котором указывалось на то, что:

действующее «Уложение» не соответствовало требованиям новых судебных уставов и необходима срочная переработка уголовных законов¹.

В период правления Александра II был взят курс на гуманизацию уголовного законодательства. Так, на треть был сокращен срок всех исправительных наказаний. Были отменены телесные наказания, наказание розгами заменялось лишением свободы, запрещалось применение плетей, шпицрутенов. Ряд категорий населения освобождался от телесных наказаний. Но, в качестве карательной меры окончательно телесные наказания в волостных судах отменены не были. Все эти действия, по мнению М.Г. Коротких «способствовали утверждению статуса неприкосновенности личности, сознанию человеком своей социальной ценности, воспитанию уважения к его достоинству»².

Поэтому принятие Уголовного уложения 1903 года³ стало важным событием в области уголовного права в начале XX века. В действие были введены четыре первых главы:

-Глава первая «О преступных деяниях и наказаниях вообще»;

-Глава вторая «О нарушении, ограждающих веру постановлений»;

-Глава третья «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома»;

-Глава четвертая «О государственной измене».

Уголовное уложение 1903 г. содержало новую систему наказаний, однако, в связи с тем, что Уголовное уложение не было введено в действие в полном объеме, продолжала применяться система наказаний Уложения 1845г.

Пятая глава «О смуте» была введена в действие почти полностью.

¹ Всеподданнейший доклад по проекту Уложения о наказаниях // Журнал Министерства юстиции. 1894. № 7. С. 50.

² ²⁰⁰ Коротких М.Г. Отмена телесных наказаний в России: реформа 1863 г. // Советское государство и право. 1988. №8. С. 111.

³ Высочайше утвержденное Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 2. №22704.

Исследователи указывают, что были введены в действие и некоторые статьи из других глав:

- общие постановления о преступлении и наказании (ст.ст. 1-72);
- статьи о религиозных и государственных преступлениях (2-5 гл.);
- статьи о противодействии правосудию и другие.¹

Главы, которые касались темы исследования, приняты не были, но существовали в проекте. По этой причине автор считает необходимым провести анализ тех статей проекта Уголовного уложения 1903 г., которые затрагивали исследуемую проблему, поскольку их содержание отражает общую тенденцию развития ответственности за исследуемое преступное деяние в начале XX века в Российской империи.

В начале XX века в научной литературе продолжает активно исследоваться проблема характеристики такого преступления, как изгнание (истребление) плода. Большинство исследователей данной проблемы в отличие от предыдущего периода начинают высказываться в сторону смягчения наказания за данный вид преступления или вообще выдвигают мысль о его декриминализации: «ни по одному вопросу об особенностях положения женщины не было сказано так много, как о специально женских преступлениях – детоубийстве и истреблении плода и, особенно, о последнем. Надо признать, что среди исследователей названных преступлений наблюдается общее отрицательное отношение к современной постановке вопроса о детоубийстве и плодистреблении, как в русском, так и в иностранном кодексах. Требования реформы, исходят ли они от мужчины или от женщины, идут в одном направлении: указывается на необходимость смягчения ответственности за детоубийство и плодизгнание и даже исключения аборта из числа преступных деяний. В этом же направлении совершается и ход исторического развития законодательных

¹ Устинов В.М., Новицкий И.Б., Ильин И.А., Гернет М.Н. Основы законовещения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. М.: Тип. Товарищества Рябушинских, 1915. С.345-346.

постановлений».¹

Проблема абортов в Российской империи долгое время была темой табуированной и открыто на страницах печати не обсуждаемой, но от этого она не становилась менее острой. Врачи по роду своей профессиональной деятельности первыми начали понимать социальный, демографический и медицинский объем проблемы и ее последствия. Русские врачи лечили женщин, попавших в больницу после неудачно, не профессионально, часто в антисанитарных условиях проведенных абортов, а также были вынуждены производить эту медицинскую манипуляцию по медицинским показаниям в специально оговоренных «исключительных» случаях. Российскому медицинскому сообществу было необходимо сформировать свое собственное мнение по этой проблеме, и предложить создателям нового Уголовного Уложения пути ее решения, обезопасив врачей от уголовного преследования, в случае проведения ими данной операции по медицинским показаниям.

Поэтому именно врачебное сообщество вывело проблему плодоизгнания в широкий общественный дискурс и впервые стало ее открыто обсуждать на III съезде Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в 1889 году. Обсуждая на съезде проблему искусственного выкидыша женщина-врач Н. В. Тальберг, особо указывала на то, что на аборт в первую очередь женщина решается из-за социальных проблем. В связи с этим она считала необходимым снизить наказание для женщин по ст. 1462, и попытаться решить социальные проблемы путем увеличения числа приютов и воспитательных домов для детей².

Известный русский юрист Гернет М.Н. выступая на этом съезде указывал: «о плодоизгнании не представляется необходимость говорить много: известно общее отрицательное отношение к современной постановке этого вопроса в законодательствах. Спор идет не о сохранении действующих

¹ Гернет М.Н. Женское равноправие и уголовный закон, 1916. С.41.

² Тальберг Н.В. Тезисы вопроса: "о преступном выкидыше с медицинской и социальной точки зрения и о мерах борьбы против прогрессивного увеличения числа случаев преступного выкидыша", предложенного Третьему Съезду русских врачей женщиной-врачом Н.В. Тальберг. тип. Е.Т. Керер аренд. Н. Пилушенко и К.Киев 1888. С. 2.

законодательных постановлений, а о радикальном их изменении в сторону сужения понятия наказуемого плодоизгнания или о полном исключении этого деяния из числа преступлений».¹ Но, с этической точки зрения, большинство российских врачей относились к процедуре аборта отрицательно, считали ее аморальной, а врачи, практиковавшие ее, не уважались во врачебном сообществе и назывались презрительно «выкидышных дел мастерами»². Необходимо отметить, что единого мнения по этой проблеме в профессиональной среде выработано не было, и дискуссия растянулась на несколько лет. Но, врачи единогласно соглашались с тем, что аборт принял «характер эпидемии, поразившей все общественные слои»³. С. Елпатьевский, указывая на широкое распространение абортов, подчеркивал, что эта проблема затронула женщин из всех слоев населения: «богатые и бедные, города и деревни производят себе выкидыши не только девушки, но и мужние жены - и даже трудно сказать, кто чаще производит выкидыши»⁴.

Одновременно с этим юридическая практика показывала крайне снисходительное отношение суда присяжных к женщинам, которые отдавались под суд за совершение плодоизгнания, так по сведениям, указанным Я. Э. Либерманом, оправдательный вердикт присяжных получали не менее 75 % дошедших до суда дел⁵.

Таким образом, и медицинское и юридическое сообщество считали необходимым реформирование законодательства по вопросам уголовной ответственности за плодоизгнание.

Во многом именно эта дискуссия, развернувшаяся на страницах, как научной, так общественной печати, в которой принимали участие врачи,

¹ Гернет М.Н. Указ. Соч. С. 4-43.

² Гнатик Е.Н., Сокова Е.А. Этический и юридический статус плодоизгнания // Вестник РУДН. 2015. №4. С.67.

³ Юкина И. И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 247.

⁴ Елпатьевский С. Самоистребление человечества: по поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 265

⁵ Либерман Я. Э. Изгнание плода в русском законодательстве // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 152.

акушеры, криминологи, присяжные поверенные, ученые и представители различных общественных организаций сыграла ведущую роль в том, что в Проекте Уголовного уложения 1903 года, уголовная ответственность за плодоизгнание была существенно смягчена.

Но 22 глава Проекта Уголовного уложения 1903 года, которая регулировала ответственность за плодоизгнание, так и не была введена в действие. В статье 465 было указано: «Мать, виновная в умерщвлении своего плода, наказывается заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет». Проектом предусматривалась и ответственность иных лиц за умерщвление плода, так, по ст. 466 медицинские работники (врач, повивальная бабка) наказывались заключением в исправительном доме. Помимо этого, они могли быть лишены права заниматься врачебной практикой на срок от одного года до пяти лет, по особому решению суда, которое подлежало публикации в средствах массовой информации.

Лица, виновные в умерщвлении плода без согласия беременной женщины, должны были быть приговорены к каторге на срок не свыше восьми лет¹.

Как видно из содержания статей Уложения 1903 г., законодатель шел по направлению смягчения наказания за плодоизгнание. Так, из содержания статей уже были исключены не только телесные наказания, но и такой вид наказания, как лишение всех прав состояния. Эти тенденции подтверждают мысль о том, что постепенно законодатель шел по пути декриминализации плодоизгнания и выведения данного деяния из системы преступлений. Однако в исследуемый период данное преступное деяние так и не было декриминализовано. Нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 года об ответственности за плодоизгнание продолжали применяться.

Несмотря на то, что положения об ответственности за изгнание плода

¹ Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. С приложением предметного алфавитного указателя. Неофициальное издание. СПб. 1903. Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова. С. 148.

Уголовного уложения 1903 года не вступили в силу, они активно обсуждались и комментировались научными деятелями в области уголовного права начала XX века. Так, например, В.Д. Набоков, основываясь на проекте Уложения 1903 года, выделил три формы лишения жизни:

1. убийство;
2. причинение смерти по неосторожности;
3. умерщвление плода беременной.

В работе 1908 года Л.С. Белогриц-Котляревский к привилегированным видам убийства относил: детоубийство; сокрытие мертвого трупа незаконнорождённого младенца; убийство новорожденного урода; вытравливание плода; убийство при превышении самообороны.¹

По мнению же Познышева, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года относило к видам смертоубийства изгнание плода (причем сюда относились и случаи произведения преждевременных родов, даже если младенец останется жив). Уголовное Уложение 1903 года требовало, чтобы умысел был направлен на умерщвление плода.

В.Д. Набоков утверждал, что степень развития зародыша не имеет никакого влияния на наказуемость: жизнь 4-х недельного плода охраняется законом так же, как и жизнь 32-недельного; жизнь последнего охраняется несравненно слабее, чем жизнь уже родившегося или даже рождающегося ребенка. Обстоятельства, устраняющие вину, те же, что при убийстве (при операциях, цель – спасение матери).² Анализируя статьи Уголовного Уложения 1903 года, он выделил следующие виды умерщвления плода по субъекту преступления:

- самой матерью. Наказание – исправительный дом на срок не свыше 3 лет. Наказуемо только оконченное деяние, т.е. имевшее действительным последствием смерть плода. Вина должна быть умышленная. Аффект

¹ Белогриц-Котляревский Л.С. Краткий курс уголовного права. - Киев, типография «Петр Барский», 1908. – С.154.

² Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. Выпуск 1. Книга 1. – СПб.: Сенатская типография, 1903. С. 12.

(сильное душевное волнение) не предусмотрен и поэтому не имеет значения;

- посторонними:

а) с согласия беременной (наказание – исправительный дом);

б) без согласия беременной (наказание - каторга (на срок не свыше 8 лет)).¹ При этом, смерть самой матери (даже непредвиденная виновным) не влияла на наказуемость преступного деяния, совершенного посторонним с согласия и без согласия беременной.

В Уголовном Уложении 1903 г. содержалась также статья о неосторожном причинении преждевременных родов и смерти плода, как последствие умышленного легкого телесного повреждения, нанесенного заведомо беременной (ст.466 ч.2), за которое предусматривалось наказание - исправительный дом на срок не свыше 3 лет. Согласно ст.463 ч.3 Уголовного Уложения, "если умерщвление плода учинено врачом или повивальной бабкою, то суду предоставляется воспретить виновному практику, на срок от одного года до пяти лет, по отбытии наказания, и публиковать приговор во всеобщее известие"².

Редакционная Комиссия по разработке Уголовного уложения 1903 г. пришла к выводу, что для того чтобы плодотворение было признано преступным деянием, должно было быть произведено умерщвление плода, безразлично, на каком этапе его развития оно произошло и в силу чего. Члены редакционной коллегии считали, что не важно «был ли умерщвлен плод в утробе матери или он погиб вследствие создания условий, при которых дальнейшее его развитие невозможно, например, преждевременное удаление его из матки»³. По их мнению, сущность преступления заключалась именно в умерщвлении плода, причем для юридической конструкции преступного деяния никакого значения не имело, установленное

¹ Набоков В.Д. Указ.Соч. С. 12.

² Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. С приложением предметного алфавитного указателя. Неофициальное издание. СПб. 1903.Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова. С. 148.

³ Там же.

каноническим правом, а также принятое в судебной медицине деление плода на способного к внеутробной жизни и на неспособного к ней.

При этом, следует обратить внимание и изменение в Уголовном уложении 1903 года юридической терминологии, в результате чего употребляемый в ст.ст.465 и 466 термин «умерщвление плода» заменяет термин «изгнание плода» в ст.ст.1461-1463 Уложения о наказаниях. Хотя, по мнению Сената, сущность преступного деяния состояла именно в «изгнании» плода. Так, в решении Уголовного кассационного департамента Сената по делу Ульянкиной 1875 г. №597, указывается: «В случае, предусмотренном в ст.1461, сущность вины заключается в действительном произведении изгнания плода»¹.

Истребление плода может быть умышленным или неосторожным. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года, карало неосторожный выкидыш по ст. 1491, когда выкидыш произошел, хотя вследствие побоев, но совершен без намерения причинить ими выкидыш, и по ст.878, когда повивальная бабка произвела выкидыш без умысла.²

Лутков Д.В. указывал, что преступление будет являться более тяжким в том случае, если оно было совершено без согласия беременной женщины, "поскольку в таком случае вместе с жизнью младенца подвергается опасности жизнь и здоровье матери".³

Покушение на производство выкидыша по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных считалось преступлением. Но Редакционная комиссия Уголовного уложения полагала, что покушение на изгнание плода не может считаться преступным, тем более, что при трудности определения

¹ Ротенберг Л. М. Полный свод решений уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 года) с подробным предметным алфавитом и постатейным указателем). Екатеринбург: издание кандидата прав Л.М. Ротенберга. 1910. С. 2240.

² Гинзбург А.А. Изгнание плода // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Сенатская типография. Сентябрь 1912. №7. С.40-41.

³ Лутков Д. В. Сборник сведений, разъясняющих применение на практике Уложения о наказаниях, извлеченных из сборников: а) высочайше утвержденных мнений Государственного совета б) решений Правительствующего сената (изд. 1864, 1865 и 1866 г.) в) решений Уголовного кассационного департамента (за 1866-1870 и первую половину 1871 г.) решений Главного военного суда и других повременных изданий / сост. Д. Лутков, член Тульск. окр. суда. - Москва: Тип. Т. Рис, 1872. С. 207.

понятия об абортивных средствах констатирование наличия покушения представлялось бы в отдельных случаях весьма затруднительным. Исключение комиссия допустила для истребления плода без согласия беременной, так как в этом случае процессуальные затруднения устраняются, а само деяние настолько важно, что оправдывает наказуемость и самого покушения на него¹.

Уголовное уложение 1903 года несколько иначе формулировало само содержание статей, вводя термин «умерщвление», и уничтожив слова «без ведома» в ст. 1461. Так, в ст. 1462 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года, указывалось, что «сама беременная женщина по собственному произволу или по согласию с другими умышленно произведет изгнание плода...»². В Уголовном уложении 1903 года в ст. 466 было указано, что: «Виновный в умерщвлении плода беременной наказывается заключением в исправительном доме». Если умерщвление плода учинено врачом или повивальной бабкой, то суду предоставляется воспретить виновному практику на срок от 1 года до 5 лет и опубликовать приговор. Если умерщвление учинено без согласия самой беременной, то виновный наказывается каторгой на срок не свыше 8 лет³.

Введение термина «умерщвление» исключало возможность видеть преступление в самом изгнании плода, которое могло и не привести к уничтожению плода, будучи, например, совершено в последние месяцы беременности. В таком случае, изгнание плода являлось только покушением, ненаказуемым по уголовному уложению, если оно было учинено с согласия беременной. Таким образом, ст.ст. 465 и 466 Уголовного уложения были направлены на охрану жизни плода с момента оплодотворения до момента начала внеутробной жизни.

¹ Гинзбург А.А. Указ. Соч. С. 41.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных//Свод Законов Российской империи. Т.XV. С.160.

³ Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. С приложением предметного алфавитного указателя. Неофициальное издание. СПб. 1903.Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова. С. 148 -149.

При исключении слов «без ведома» Редакционная комиссия руководствовалась тем соображением, что существенное значение должен иметь элемент согласия и, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года, принимая два признака «без ведома и согласия», упускало возможную комбинацию, когда виновный мог действовать с ведома, но без согласия, между тем знание беременной о том, что помимо ее воли, насильственно производят истребление её плода, не могло служить основанием для снисхождения, поэтому, по мнению Редакционной комиссии, должно быть указано не отсутствие знания, а отсутствие согласия.¹

Новое Уголовное уложение 1903 года не только существенно смягчало ответственность за аборт, но и более четко формулировало состав данного преступления, его участников, степень вины.

Н.С. Таганцев, анализируя положения Уголовного уложения 1903 года об изгнании плода, в качестве субъекта преступного деяния выделял саму беременную женщину, действующую самостоятельно или совместно с другими лицами, третьих лиц или участвовавших в совершении преступного деяния по согласию с беременной пособников, доставивших средства для истребления плода или исполнителей самого акта, а также лиц, чьи действия привели к умерщвлению плода, без согласия на то беременной женщины. В качестве объекта преступления, по его мнению, выступал «существовавший зародыш, т.е. плод зачатый, но еще не рожденный, живущий не дыхательной жизнью, но кровообращением, тесно связанный с организмом матери, хотя в то же время имеющий самостоятельное бытие»². Таким образом, проект Уголовного уложения 1903 охранял плод с момента зачатия до момента рождения.

Истребление плода могло быть осуществлено как умышленно, так и неосторожно. Но в Уголовном уложении 1903 года отсутствует положение об ответственности за неосторожное истребление плода. Это было вызвано

¹ Гинзбург А.А. Изгнание плода // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Сенатская типография, сентябрь 1912. №7. С.50.

² Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904.С.627.

трудностью восстановления доказательств объективного состава преступления и практической невозможностью установления причинной связи действий виновного и истребления плода. Уголовное уложение 1903 предполагало возможность использования для совершения данного преступления различных средств. Однако необходимо было доказать умышленное употребление виновным таких средств, следствием которых стало умерщвление плода.

Как квалифицированный вид преступления Уголовное уложение 1903 года рассматривало истребление плода без согласия беременной, при этом основанием для отнесения данного деяния к квалифицированным составам преступления должно было быть отсутствие согласия беременной на его совершение (ст. 466)¹. В том случае, если преступление совершалось без ведома беременной лицами, обладавшими специальным медицинским образованием (врачи, акушеры, повивальные бабки), по решению суда, как дополнительное наказание, мог быть назначен срочный запрет врачебной практики.

Таким образом, к началу XX века в российской юридической науке сформировался определенный подход к проблеме плодоизгнания. Большинство юристов считало необходимым уменьшение степени ответственности за совершение данного преступного деяния, а некоторые считали необходимым полностью декриминализировать данное преступление. Именно эти взгляды нашли свое отражение в Проекте Уголовного Уложения 1903 года, который, однако, не вступил в действие в полном объеме. В статьях, посвященных плодоизгнанию, Проект Уголовного уложения 1903 г. предусматривал более мягкую ответственность по сравнению с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных всех трех предыдущих редакций.

¹ Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. С приложением предметного алфавитного указателя. Неофициальное издание. СПб. 1903. Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова. С. 149

Уголовное уложение так и не было введено в действие в полном объеме и вся многолетняя, кропотливая работа российских юристов, принимавших деятельное участие в его разработке, не пришла к своему логическому завершению. Вызвано это было целым комплексом причин, среди которых следует выделить: социальное недовольство населения, политические волнения и развитие революционного движения, экономические последствия русско-японской войны и революционных событий 1905 года, а также слишком затянувшийся процесс доработки самого документа, в результате которого ряд нововведений просто утратили свое значение и актуальность.

Тем не менее, необходимо отметить, что и проект Уголовного уложения и немногие введенные в действие его статьи внесли большой вклад в развитие российского уголовного законодательства. Подняли на более высокий уровень российскую уголовную науку, ввели новые идеи и принципы построения русского уголовного законодательства, которые впоследствии будут использованы и при формировании уже советского уголовного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автором был проведен комплексный историко-правовой анализ процесса формирования норм права, регламентирующих ответственность по уголовному и каноническому праву за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII – начала XX века, определен объект преступного деяния, выявлены его объективный и субъективный состав, установлены нормы ответственности, предусмотренные за это преступление.

Выявлено, что именно Христианская Церковь сыграла ведущую роль в формировании отношения светских властей к плодоизгнанию, как к преступному деянию. Поскольку христианская доктрина оценивает поведение человека с точки зрения соответствия его четко обозначенным в Священном Писании нравственным идеалам, то преступным является грех, совершенный человеком по собственной воле. Намеренное прерывание беременности, с точки зрения христианской догматики, таким проявлением свободной греховной воли и является.

Значительная роль в формировании правовой системы Древнерусского государства принадлежала Православной Церкви. Ее мировоззренческие, гуманитарные и философские установки оказали определяющее влияние не только на воспитание общественного и нравственного сознания населения, но и на правовую жизнь общества, а через общественное сознание — на содержание законодательных актов. Отрицательное отношение к плодоизгнанию было из церковной догматики перенесено в нормы светского права и стало считаться преступным деянием. При этом существенно осложняется в теории и на практике разграничение юридического (категория «преступление») и этического (категория «грех») аспектов плодоизгнания.

В результате исследования автором было установлено, что по нормам канонического права на женщин, совершивших плодоизгнание, в соответствии со статьями Номоканона накладывалось такое же наказание, как и на лиц, совершивших умышленное убийство. Наказание представляло

собой церковное покаяние — епитимью, которая могла накладываться на срок от 3 до 10 лет. В православной канонической традиции епитимья ни в коем случае не толковалась как наказание, она являлась способом «излечения от греха», духовно-исправительной мерой, которая должна была направить кающегося грешника на путь исправления путем перетерпевания им определенных ограничений и уничтожения собственной гордости. При наложении епитимьи необходимо было не только учитывать раскаянье женщины, но и поступать осмотрительно, чтобы не привести виновное лицо к отчаянью, ожесточению или впадению в раскол.

На основе анализа норм законодательства, регулирующего уголовную ответственность за плодозгнание, автором были выделены основные этапы эволюции юридического статуса плодозгнания. В качестве критерия их разграничения использовалась степень интереса государственной власти к регулированию общественных отношений, связанных с искусственным прерыванием беременности и ответственности за него.

1. Период появления первых правовых актов, защищающих плод — с начала X до XVIII вв. До XVIII в. законодательство России не содержит статей, прямо указывающих на ответственность за плодозгнание.

В этот период появляются первые нормы, хотя и опосредовано, но защищавшие нерожденный плод. При этом само прерывание беременности не представляет собой самостоятельного вида преступления, а нормы ответственности за него рассредоточены по отдельным законодательным актам. Полагаем, что это свидетельствует о формировании такого нового направления внутренней политики государства, проявляющего заботу о сохранении здоровья населения и решении демографических проблем, как *социальная медицина*.

2. Период становления института ответственности за плодозгнание в Российской империи — XVIII – первая половина XIX вв. В XVIII – начале XIX века ответственность за прерывание беременности регулировалась нормами продолжавшего действовать Соборного Уложения 1649 г. и

нормами Новоуказных статей о разбойных, татевных делах и убийствах. Ряд норм Соборного уложения и Новоуказных статей прекратил свое действие только после издания Свода законов - изд. 1832 г., 1842 г. Формирующееся новое направление внутренней государственной политики включает в себя заботу как о физическом здоровье населения, так и об укреплении нравственности.

В Своде законов на тот период понятие плодоизгнания, плодоистребления не употребляется, но есть понятие «убийство детей в утробе матери», а также «чадоубийство» и «детоубийство», которые закон относит к «особенным видам смертоубийства». Наказание за них полагалось такое же, как и за обыкновенное убийство. Такой подход законодателя позволяет утверждать, что в Российской империи параллельно с укреплением государственной власти и бюрократизацией административного аппарата развивается этатизация частной жизни, которая выражается в становлении новой модели социально-политического устройства, известной в философско-правовой литературе XIX – начала XX вв. как «полицейское государство». Этот процесс происходит в исследуемый период в ряде европейских государств, прежде всего в Германии, и имеет конечной целью нормативное закрепление ценности жизни и здоровья людей в качестве объекта государственной защиты.

3. Период систематизации норм об ответственности за плодоизгнание-середина XIX – начало XX века. Третий период связан с изданием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в последующем переизданное в нескольких редакциях. Начиная с 1845 г., законодательство Российской империи выделяет прерывание беременности в самостоятельный состав преступления. Данное преступление именуется как вытравление плода, умерщвление плода, плодоизгнание, плодоистребление. В томе XV Свода законов Российской империи содержится «Уложение о наказаниях», которое в X разделе относит плодоизгнание к преступлениям против «жизни, здравия, свободы частных лиц». Свод Законов 1832 г. в ст. 341 перечислял

виды родственного убийства, определил один из его видов – детоубийство – как убийство детей в утробе матери, а потом в ст. 343 прибавлял, что к особым видам убийства должно быть отнесено умышленное в чреве умерщвление и изгнание плода.

В последующие годы были приняты новые редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1866 г., 1885 г.). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных стало первым в истории Российского права актом, выделившим в самостоятельную правовую конструкцию плодозгнание. Положения, получившие закрепление ответственности за плодозгнание в Уложении, определили субъект, объект и содержание данного вида преступного деяния. Несмотря на существенные пробелы в этих нормативно-правовых актах, их появление свидетельствует о формировании в Российской империи XVIII – начала XX века по образцу западноевропейских государств того времени социальной медицины, предполагающей нормативное регулирование практически всех вопросов, связанных с прерыванием беременности: от подготовки медицинских кадров до детализации уголовной ответственности за преступное плодозгнание. Поэтому в рассматриваемый период активно развивается система учебных заведений для обучения российских подданных повивальному искусству.

За совершение плодозгнания предусматривались суровые виды наказаний: лишение всех прав состояния и смертная казнь; лишение всех прав состояния и ссылка в каторжные работы; для лиц, не освобожденных от наказаний телесных, – дополнительно публичное наказание плетьюми с наложением клейма; лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь; для лиц, не освобожденных от наказаний телесных, – дополнительно публичное наказание плетьюми без наложения клейма; лишение всех прав состояния и ссылка на Кавказ.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. защищало беременных женщин от непрофессиональных действий медицинских работников, которые могли нанести вред здоровью самой беременной

женщине и ее плоду. За подобные действия была установлена ответственность в виде строгого выговора, денежного взыскания, отстранения от должности, ареста, заключения в тюрьму. При этом наказание в обязательном порядке сопровождалось публичным церковным покаянием.

Последующие редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных отличались только видами предусмотренных наказаний, причем явно прослеживается тенденция к их смягчению, так, в редакции 1866 г. телесные наказания за плодоизгнание были отменены.

В процессе расследования преступного плодоизгнания важное место занимало проведение судебно-медицинских действий. В XIX в. принят Устав судебной медицины, врачебные уставы, где даны рекомендации по исследованию мертвых тел: умершей женщины (в том числе и беременной) и тела найденного новорожденного ребенка или изгнанного плода.

В исследуемый период законодатель важное значение отводил развитию учебных заведений для обучения повивальному искусству. В Москве и Санкт-Петербурге, а затем и в других городах Российской империи стали создаваться повивальные школы. Регламентация их деятельности осуществлялась не только центральным законодательством, но и локально. В правовых актах XIX века содержались положения о привлечении к уголовной ответственности повивальных бабок, в том числе и за осуществление преступного плодоизгнания.

Уголовное уложение 1903 г. содержало новую систему наказаний, однако в связи с тем, что новая редакция Уголовного уложения не была введена в действие в полном объеме, продолжала применяться система наказаний редакции Уложения 1845 г. Главы, которые касались темы исследования, приняты не были, но существовали в проекте.

В связи с тем, что изгнание плода могло быть осуществлено при употреблении ядовитых и сильнодействующих веществ, были приняты правовые акты, регламентирующие их свободный оборот.

Проведенный анализ взглядов ведущих русских дореволюционных юристов в области уголовного права и криминалистики по проблеме классификации преступлений, позволяет сделать вывод, что уже во второй половине XIX века в науке Российского уголовного права была сформулирована классификация системы преступлений. И хотя единого подхода к этой проблеме не существовало, но большинство российских ученых в качестве критерия классификации выбирали объект преступного деяния. Изгнание плода (истребление плода, преступное плодоизгнание) являлось уголовно наказуемым деянием и имело свое место в системе уголовных преступлений в Российской империи. Изгнание (истребление плода, преступное плодоизгнание) относилось к преступлениям против личности и рассматривалось как привилегированный вид убийства.

В научной литературе начала XX века дискуссионность приобрел вопрос о разграничении категорий «изгнание плода», «истребление плода» и «умерщвление плода». Определение объекта преступления при плодоизгнании считалось достаточно сложным. Но большинство исследователей того времени сходились во мнении, что объектом преступного плодоизгнания является зародыш, но не беременная женщина, поскольку в случае, когда плодоизгнание происходило помимо ее воли, она становилась объектом другого преступления – нанесения телесных повреждений или причинения смерти. Субъектом же преступления могло выступать любое лицо. На уменьшение или увеличение срока влияли «специальные качества», характеризующие виновного: так, если женщина прибегала к плодоизгнанию под влиянием стыда и страха, то сроки, как правило, уменьшались, или увеличивались в случае, когда плодоизгнание проводилось лицами, владеющими специальными знаниями, — врачи, акушеры, повивальные бабки т.д.

Детоубийство и плодоизгнание по числу совершенных преступлений были самыми многочисленными среди всех женских преступлений. Было практически исключено участие мужчин в совершении данного вида

преступного деяния. Если учесть, что мужская преступность была в 5-10 раз выше женской, то по отношению к детоубийству и плодоизгнанию складывалась обратная ситуация.

Проведя анализ законодательства, мы видим явную либерализацию степени наказания за плодоизгнание. Сначала отмену телесных наказаний и наложения клейм, потом замену бессрочного поселения в отдаленнейших местах Сибири отдачей в арестантские отделения на определенный срок. Вместе с тем нельзя не заметить, что наказания для третьих лиц – повивальных бабок, врачей и акушеров, производивших плодоизгнание, намного строже, чем наказание беременной женщины, с ведома и согласия которой было произведено плодоизгнание. Латентный характер преступного плодоизгнания, развитие отечественной юридической науки и радикальные изменения во всех сферах жизни российского общества начала XX в. обусловили либерализацию ответственности за искусственное прерывание беременности. Постепенное смягчение политики государства в отношении социальной медицины впоследствии стало отправной точкой для советского законодателя 1920-х гг., ориентировавшегося на официальную идеологию и изменившееся отношение населения к проблеме запрещения аборт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Нормативные правовые акты**

1. Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 1. 1649-1675 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830.
2. Инструкция старостам поповским, или благочинным смотрителям от Святейшего патриарха московского Адриана от 22 декабря 1697 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. III. №1612;
3. Именной указ от 4 ноября 1715 г. «О сделании в городах при церквях госпиталей для приему и содержания незаконнорождаемых детей» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №2953.
4. Военский устав от 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №3006;
5. Именной указ от 7 февраля 1718 г. «О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам, после разрешения их от бремени» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №3154.
6. Пункты, данные С.Петербургскому Генерал-полейцмейстеру от 25 мая 1718 г. «О смотреии, чтобы строительство домов происходило по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указанных местах; о съестных припасах; о подозрительных домах, о гулящих людях, о приезжих и отъезжающих; об определении с дворов караульщиков, в каждой слободе или улице старост и при каждых десяти дворах десятского и о распространении повинности постоя на людей всякого чина и звания» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. №3203.

7. Морской устав от 15 января 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. №3485.
8. Высочайшая резолюция на докладные пункты Синода от 12 апреля 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. № 3963.
9. Наказ губернаторам и воеводам, и их товарищам, по которому они должны поступать, от 12 сентября 1728 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VIII. №5333.
10. Сенатский указ от 25 июля 1729 «О запрещении медицинской практики людям, не имеющим свидетельств в знании Медицины» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VIII. №5449.
11. Именной указ, объявленный из Сената, 6 февраля 1731 г. «О непродаже и недержании в лавках мышьяку, кроме аптек» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том VIII. 1728-1732 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Ст.5691.
12. Сенатский указ от 16 марта 1750г. «О нелечении никого неучившимся Медикохирургической практики лекарям, неосвидетельствованным Медицинскою канцелярией, под жестоким штрафом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIII. №9717.
13. Указ от 29 апреля 1754 г «О порядочном учреждении бабичьева дела в пользу общества» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIV. № 10214.
14. Сенатский указ от 19 июня 1758 г. «О продаже ядовитых материалов из одних аптек и ратуш; о взыскании штрафа с виновных в незаконной оных продаж, и о награждении доносителей» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XV. №10.851.

15. Манифест с приложением высочайше утвержденного проекта генерал-поручика Бецкого от 1 сентября 1763 г. Об учреждении в Москве Воспитательного дома с особливим госпиталем для неимущих родильниц // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVI. №11908.
16. Именной указ, объявленный Генерал-полейцмейстером Чичериным от 4 мая 1765 г. «Об отсылке вдов и девок за праздность и беспорядочное поведение на поселение в надлежащие места за караулом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVII. №12391;
17. Высочайшая резолюция на доклад воспитательного дома главного попечителя Бецкого от 15 марта 1770 г. О назначении места для построения Воспитательного дома в Санкт-Петербурге // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XI X. №13429
18. Сенатский указ от 10 января 1771 г. «О доставлении младенцев, подкидываемых частным людям, в Воспитательный дом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIX. №13554.
19. Указ сенатский от 30 сентября 1771 г. «О безоговорочном принятии на фабрики в работу непотребных девок, присылаемых из Главной полиции в Мануфактур-контору» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIX. №13664.
20. Указ именной от 13 января 1778 г. «О высылке из Петербурга иностранца Бодена, лечившего людей без дозволения Медицинской Коллегии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том XX. 1775-1780 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. №.14697.
21. О подтверждении священникам, что бы они при наложении епитимьи преступникам поступали осмотрительно от 21 марта 1780 // Полное

- собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XX. № 14996.
22. Указ сенатский от 9 апреля 1785 г. «Об освидетельствовании служанок, подозреваемых в беременности, через повивальную бабку и о непринуждении до воспоследования родов к тяжелой работе» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. №16.178.
23. Устав всем ведомства Государственной медицинской коллегии докторам, лекарям и повивальным бабкам от 20 сентября 1789 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIII. № 16805.
24. Именной Указ, данный сенату 2 мая 1797. О принятии главного начальства над Воспитательными домами в обеих столицах императрицы Марии Федоровны. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI №17952
25. Высочайше утвержденный доклад Сената от 5 мая 1801 г. «О восстановлении статей Дворянской грамоты, отмененных некоторыми указами» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. №19856;
26. Указ именной, данный Синоду от 22 мая 1801 г. «Об освобождении священников и дьяконов от телесного наказания» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. №19885;
27. Высочайше утвержденный доклад Сената от 3 июня 1801 г. «О восстановлении статей Городового Положения, отмененных состоявшимися после того указами» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. №19901;
28. Указ Сенатский от 18 июня 1801 г. «О распоряжениях к исполнению Высочайше утвержденного в третий день июня доклада Сената о восстановлении отмененных статей Городового положения» // Полное

- собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. №19920;
29. Указ именной, данный Сенату от 17 мая 1808 г. «Об освобождении жен священно-служительских, впавших в уголовные преступления, от телесного наказания» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXX. №23027 и др.
30. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 13 ноября 1816 г. «Об отпуске суммы из государственного казначейства на жалованье акушерам и повивальным бабкам в обеих столицах по прилагаемому штату, и об утверждении Устава повивальным бабкам и наставления городovým акушерам» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIII.
31. Высочайше утвержденный устав о ссыльных от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVIII. №29128.
32. Высочайше утвержденный Устав о непрременных военных госпиталях от 21 марта 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. III. №1889.
33. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 17 июня 1830 г. «О правилах для продажи ядовитых и сильно действующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. №3730.
34. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 26 ноября 1834 г. «Об изменении III-го пункта правил 17 июня 1830 года на продажу ядовитых веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. №7577.
35. Высочайше утвержденный Устав Аптекарский от 23 декабря 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. Отделение 2. №9808.

36. Высочайше утвержденный проект учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях от 30 апреля 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIII. Отделение 1. №11189.
37. Высочайше утвержденный Сельский полицейский устав для государственных крестьян от 23 марта 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. №12165.
38. Высочайше утвержденный Сельский судебный устав для государственных крестьян от 23 марта 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. №12166.
39. Высочайше утвержденный устав Духовных консисторий от 27 марта 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI. Ст.14409.
40. Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. №19283
41. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 28 июля от 23 июня 1852 г. «О правилах раздробительной продажи ядовитых и сильнодействующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVII. №26397.
42. Именной указ от 29 декабря 1856 года, объявленный главному командиру Астраханского порта // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXI. № 31329;
43. Высочайше утвержденный устав Повивального института и Родильных Госпиталей при императорском Московском Воспитательном доме от 15 марта 1858 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIII. № 32876

44. Устав судебной медицины 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857.
45. Устав врачебный 1857 г. // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. 13. «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные». 1857.
46. Именной указ, данный Сенату от 5 мая 1866 г. «О новом издании Уложения о наказаниях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение 1. №43265.
47. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 29 апреля, от 11 марта 1875 г. «Об ответственности лиц, не имеющих права заниматься врачебной практикой, за злоупотребление, при врачевании, ядовитых и сильнодействующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. L. Отделение 1. № 54478.
48. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 25 ноября 1885 г. «Об изменениях в Своде законов, вызываемых отменой заключения в рабоче-смирительных домах и новым изданием Уложения о наказаниях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. V. 1885. №3316.
49. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 13 марта 1900 г. «О дополнении штатов сельско-врачебной части Приморской области» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XX. Отделение 1. №18271.
50. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 13 марта 1900 г. «Об устройстве врачебной части во Внутренней Киргизский орде» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XX. Отделение 1. №18272.

51. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 июня 1900 г. «Об усилении врачебной части в Томской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XX. Отделение 1. №18864.
52. Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 5 января 1901 г. «Об учреждении при Кушкинском местном лазарете должности повивальной бабки» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отделение 1. №19540.
53. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 февраля 1901 г. «О назначении сумм на канцелярский расходы участковых врачей в областях Акмолинской и Семипалатинской» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отделение 1. №19679;
54. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 26 марта 1901 г. «Об изменении штата сельской врачебной части в Минской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отделение 1. №19869.
55. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 8 июня 1901 г. «О преобразовании врачебной части в Забайкальской области» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отделение 1. №20352.
56. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 25 марта 1902 г. «Об изменении штата сельско-врачебной части в Астраханской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. Отделение 1. №21267.
57. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 29 апреля 1902 г. «Об изменении штата сельско-врачебной части Приморской области» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. Отделение 1. №21364.

58. Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу Главноуправляющего Е.И.В. Канцелярией по учреждениям Императрицы Марии от 1 февраля 1903 г. «Об учреждении в Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении новых должностей двух сверхштатных врачей и восьми сверхштатных повивальных бабок и о назначении всем 8-ми сверхштатным врачам и 8-ми сверхштатным повивальным бабкам постоянного вознаграждения» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 1. №22480.
59. Высочайше утвержденное Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 2. №22704.
60. Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 13 февраля 1903 г. «О добавлении к штату Клинического военного госпиталя второй должности повивальной бабки» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 1. №22522.
61. Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 8 апреля 1903 г. «О замене участковых повивальных бабок Сибирского казачьего войска фельдшерами-акушерками» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 1. №22791.
62. Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 28 июля 1903 г. «О дополнении ст.9 кн. XVI Свода Военных Постановлений 1869 года и о предоставлении права повивальным бабкам, состоящим на службе по военному ведомству, офицерского довольствия в военно-лечебных заведениях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение 1. №23316.
63. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [Ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. СПб. 1916.

Архивные фонды

Российский государственный исторический Архив (РГИА) СПб.

- 64.РГИА. СПб. Ф 1363 Оп. 6 д.1060.
- 65.РГИА. СПб. Ф. 1363 Оп.6. Д.749.
- 66.РГИА. СПб. Ф. 1363. Оп. 2. Д.1289.
- 67.РГИА. СПб. Ф.1363 Оп.6 Д.1747.
- 68.РГИА. СПб. Ф.1363 Оп. 6. Д.1376.
- 69.РГИА. СПб. Ф 1363. Оп.6. Д.1162.
- 70.РГИА. СПб. Ф. 1363. Оп.6 Д. 1300.
- 71.РГИА СПб. Ф. 1363. Оп.6. Д. 1400.

Государственный архив Астраханской области (ГААО).

- 72.ГААО. Ф.20.Оп.1.Д.735.
- 73.ГААО. Ф.20. Оп. 1. Д. 2463 .
- 74.ГААО. Ф.20. Оп.1. Том 2. Д. 2708
- 75.ГААО. Ф.569.Оп.25.Д.23.
- 76.ГААО. Ф.659. Оп.2. Д.2.
- 77.ГААО. Ф.991.Оп.1.Д.1.
- 78.ГААО. Ф. 205. Оп. 2. д. 424

Государственный архив Российской Федерации (ГРАФ)

- 79.ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. Д.14.
- 80.ГАРФ. Ф. 102. Оп. 122. Д.72. Ч.10.

ОГКУ «Государственный архив Иркутской области» (ГАИО).

- 81.ОГКУ ГАИО Ф.50. оп.1. Д. 3376.
- 82.ОГКУ ГАИО Ф.50. оп.1. Д. 8743.
- 83.РГАДА. Ф. 248. Оп. 61.Д. 5195.

ГКУ «Государственный архив Ярославской области» (ГКУ ЯО ГАЯО)

- 84.ГКУ ЯО ГАЯО Оп. 2. Ф. 347. Д. 1612.
- 85.ГКУ ЯО ГАЯО Оп. 2. Д.347. Оп.2. Д. 1357.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
(ЦГИА СПб)

86. ЦГИА СПб Ф. 487. Оп. 1. Д. 1524.

Монографии

87. Анучин Е.И. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов; Материалы для тюремной статистики России. Материалы для тюремной статистики России / Сообщены д. чл. В.Н. Юферовым. Санкт-Петербург: тип. Майкова, 1873. - 508 с.
88. Анучин Е.Н. Материалы для уголовной статистики России: исследования о проценте ссылаемых в Сибирь: [в 2 ч.]. Изд. Тобольского губернского статистического комитета. Тобольск: в тип. Тобольского губернского правления, 1866. Ч. 1. - 1866. - 233 с.
89. Авдеева И.М. Расследование преступных аборт. Отв. ред. канд. юрид. наук В. В. Братковская; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. - Москва: [б. и.], 1970. - 104.
90. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, 1903. - 628 с.
91. Блосфельд Г.Э. О правах утробных и новорожденных, недоношенных младенцев вообще и об умерщвлении и умышленном изгнании плода в особенности. Казань: Тип. Ун-та, 1856. - 78 с.
92. Будзинский С.М. Начала уголовного права. Варшава, 1870; 376 с.
93. Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве. СПб.: типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1905. 29 с.
94. Бродский В. А. Искусственный выкидыш с медицинской и общественно-экономической точек зрения / В.А. Бродский. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1914. 43 с.

95. Винавер М. М. К вопросу об источниках X тома Свода законов : (Записка Сперанского) / [предисл. к тому] / Журнал Министерства юстиции СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1897. Июнь. 18 с.
96. Гене А.Б. Аборт в РСФСР: Доклад на Всесоюзном съезде по охране материнства и младенчества (1-8 дек. 1925 г.). Москва: Охрана материнства и младенчества, 1926. - 26 с.
97. Генс А. Проблема аборта в СССР. М., Государственное Медицинское издательство. 1929. 91 с.
98. Гернет М.Н. Детоубийство: социологические и сравнительно-юридическое исследование. М., Москва: Тип. Имп. Московского университета. 1911. 318 с.
99. Гернет М.Н. Женское равноправие и уголовный закон. 1916. - 48. с.
100. Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права: О преступлениях и наказаниях вообще. Ч. 1. СПб., 1815. - 168 с.
101. Демографическая модернизация России, 1900 - 2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. - 601 с.
102. Дневник 3-го съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова / Под ред. проф. В.В. Пашутина. Издан Правлением Съезда. - Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. - 441 с.
103. Женщина в праве. С приложением всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола / Канторович Я. - С.-Пб.: Изд. Я. Канторовича, 1895. - 330 с.
104. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Том 1. Казань: Университетская типография, 1877. - 345 с.
105. Загоскин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань: Типография Императорского университета. 1891. - 76 с.
106. Законы о женщинах: сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола) / Сост. Я.А. Канторович. СПб.: Издание Я.А. Канторовича, 1899. - 272 с.

107. Игнатовский А. С. Судебная медицина: Курс лекций, чит. в Имп. Юрьев. ун-те. Вып. 1-2 / Проф. А.С. Игнатовский. - Юрьев: тип. К. Маттисена. 1910-1912. - 424 с.
108. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 348 с.
109. Евреинов Н. Н. История телесных наказаний в России. Дополненное статьями, запрещенными старым правительством. СПб., 1917. 234 с.
110. Есипов В.В. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и общества (изд-е 2-е, пересмотренное и дополненное). М.: Издание книжного магазина И.К. Голубева «Правоведение», 1906. - 279 с.
111. Есипов В.В. Уголовное уложение 1903 года, его характер и содержание. Варшава, 1903. - 175 с.
112. Есипов В.В. Уголовное уложение 1903 года, его характер и содержание. Варшава, 1903. - 175 с.
113. Исаев М.М. Уложение о наказаниях или уголовное уложение? // Право. СПб., 1912. - 291 с.
114. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1866. - 535 с.
115. Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев : тип. К. Маттисена, 1900. 160 с .
116. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть общая. Киев, 1875. - 294 с.
117. Лоховицкий А. Курс русского уголовного права. Издание второе исправленное и дополненное издание, сведенное с кассационными решениями. СПб. Скоропечатня Ю.О. Штейера 1871. С.529.
118. Летник Н.А. Бростерм А.И. Преступления, проступки и наказания по Уставу о наказаниях. М: Тип. Саблина, 1912. - 201 с.

119. Лейбович Я.Л. Судебная гинекология. Харьков: Юридическое издательство Харьков: Юридическое изд-во Наркомюста УССР, 1928. - 350 с.
120. Лутков Д. В. Сборник сведений, разъясняющих применение на практике Уложения о наказаниях, извлеченных из сборников: а) высочайше утвержденных мнений Государственного совета б) решений Правительствующего сената (изд. 1864, 1865 и 1866 г.) в) решений Уголовного кассационного департамента (за 1866-1870 и первую половину 1871 г.) решений Главного военного суда и других повременных изданий / сост. Д. Лутков, член Тульск. окр. суда. - Москва: Тип. Т. Рис, 1872. - 370 с.
121. Митрополит Никольский Милетий. Аборты. М., «Русское зеркало», 1998. - 62 с.
122. Марголин. А.Д. Основные черты нового уголовного уложения. Критический очерк предисловие проф. Лион. ун-та Р. Гарро. Киев: Работник, 1907. - 127 с.
123. Мендельсон Г.А. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву. В свете Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. "Об отмене запрещения абортов". Под ред.: Меньшагин В.Д. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. - 62 с.
124. Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. С.-Петербург: типография В. Демакова, 1880 г. 768 с.
125. Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права: Преступления и проступки против личности. Т. 1 . С.-Пб.: Тип. П.П. Меркульева, 1876. - 555 с.
126. Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. Выпуск 1. Книга 1. СПб.: Сенатская типография, 1903. -188 с.

127. Наумов И.М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813. - 219 с.
128. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 204 с.
129. Орович Я. Женщина в праве (с приложением всех постановлений действующего законодательства, относящихся к лицам женского пола). СПб.: Центральная типо-литография М. Я. Минкова, 1895. -317 с.
130. Популярная медицинская энциклопедия / гл. ред. В. Б. Петровский. М.: Советская энциклопедия, 1980. - 703 с.
131. Парсамов О.С. К вопросу об искусственном выкидыше. Саратов, 1923.
132. Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: (Памятники XI-XV в.) / Ред. А. С. Павлов. - 2-е изд. - СПб.: Тип. М. А. Александрова. 1908. - 1472 с.
133. Розин Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву. 1904. - 804 с.
134. Ротенберг Л. М. Полный свод решений уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 года) с подробным предметным алфавитом и постатейным указателем). Екатеринослав: издание кандидата прав Л.М. Ротенберга. 1910. 2240 с.
135. Северский Я.Г. Особенная часть русского уголовного права. Краткий обзор начал от уложения царя Алексея Михайловича до Уложения о наказаниях 1855 года включительно. СПб. -1892 с.
136. Суворов Н. С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб.:Тип. и хромолит. А. Траншеля. 1876. 337с.
137. Солнцев Г.И. Российское уголовное право / Под ред. Г.С. Фельдштейна. Казань, 1820. - 219 с.
138. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Общая часть уголовного права материального. СПб., 1863. - 442 с.

139. Старновский А.С. Лишение прав по нашим законам. Историко-догматический очерк. СПб., 1890. - 48 с.
140. Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, Представления Министерства в Государственный Совет и журналов - особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета - С.-Пб.: Изд. Н.С. Таганцева, 1904.- 1124 с.
141. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву (издание второе, исправленное). СПб.: Типография Мордуковского (бывшая Неклюдова), 1873. - 466 с.
142. Тарновский Е.Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874—1894). СПб.: Тип. Правит. Сената, 1899 - 432 с.
143. Тальберг Н.В. Тезисы вопроса: "о преступном выкидыше с медицинской и социальной точки зрения и о мерах борьбы против прогрессивного увеличения числа случаев преступного выкидыша", предложенного Третьему Съезду русских врачей женщиной-врачом Н.В. Тальберг. тип. Е.Т. Керер аренд. Н. Пилюшенко и К.Киев 1888. 3 с.
144. Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб.: Типография В. Безобразова, 1904. 321 с
145. Трегубов С. Н. Настольная книга криминалиста-практика: Алфавитный указатель юридической литературы, разъяснений Уголовного кассационного департамента, Общего собрания, Соединенных присутствий (и кассационных и) и Уголовного кассационного Департаментов правительствующего Сената и т. д. / Сост. С. Н. Трегубов. - Санкт-Петербург: [б. и.], Т. 1. 1894-1908. - 708 с.
146. Устинов В.М., Новицкий И.Б., Ильин И.А., Гернет М.Н. Основы законовещения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. Москва; Петроград: В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1915. - 416 с.

147. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль. Тип. Губернского правления, 1909. - 693 с.
148. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. Издание четвертое. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. - 434 с.
149. Фон-Резон А.К. Уголовное уложение. Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом (с приложением сравнительных указателей статей нового Уголовного уложения и Уложения и Устава о наказаниях). М.: Изд. Я-А. Канторовича, 1903. - 341 с.
150. Фабрице Г. Учение об изгнании плода и детоубийстве. Перевод и дополнение ссылками на русское законодательство д-ра Н. Г. Фрейберга. СПб.: Тип. журнала «Практическая Медицина» (В.С. Эттингер). 1906. - 224 с.
151. Фукс И.Б. Проблема преступности плодоизгнания. Харьков, Типо - Литография М. Сергеева и К. Гальченка, 1910. 26 с.
152. Фуко М. Власть и тело. – М.: Праксис, 2002. – 320 с
153. Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М.: Типография Управления М.-Курской, Нижегородской и Муромской жел.дор., 1910. - 148 с.
154. Шаляпин С.О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013. - 240 с.
155. Щегловитов И.Г. Главнейшие изменения уголовного процесса, вызываемые новым уголовным уложением Санкт-Петербург: тип. Спб. АО "Слово", 1903. - 56 с.

Статьи

156. Алешин П.И. Развитие российского уголовного права во второй половине XIX//Вестник Московского университета МВД России. №7. 2010. 72 -73 с.

157. Архипов И. К истории Уложения о наказаниях 1845 г. // Правоведение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990, № 6. - С. 32-37.
158. Безгин В. Б. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне / В. Б. Безгин // Право и политика. 2010. №5. С. 972-977.
159. Беллин Э. Ф. К Судебно-медицинской казуистике преступного выкидыша. (Внешнее насилие или патологический процесс). // Труды Харьковского медицинского общества за 1886 г. Вып. 1. С. 50-87.
160. Буклова В.А. Эволюционные особенности системы уголовного наказания в уголовном законодательстве Российской империи XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2009. №4. С. 19-23.
161. Баранов А.Н., Санников А.Л., Сизюхина Н.Н. Аборт: междисциплинарный взгляд // Экология человека. 2006. №6. С.49-55;
162. Богатова И.К., Сотникова Н.Ю. Проблема нежеланной беременности и аборта в молодежной среде. Материалы 9-го всероссийского форума «Мать и дитя». М. 2007. С. 334-335;
163. Бодрова Э.Э. Периодизация курса истории отечественного государства и права: модульный подход // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.187;
164. Ващенко А.А., Кашина А.А. Солнечные дети: аборт или рождение // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. №2. Т.3. С.405-408;
165. Воронина Г.А. Вопрос о преступности деяния при намеренном прерывании беременности в Российской империи// исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов. 2013 № 30 С. 53.
166. Воронина Г.А. Уголовная ответственность за плодоизгнание по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 в редакции 1885// Евразийский юридический журнал. 2018. № 7(122) С. 127 -129.

167. Воронина Г. А., Финогентова О.Е. Уголовная ответственность за преступное плодозгнание в Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв// Вопросы экономики и права. 2019.№ 137. 24-28.
168. Всеподданнейший доклад по проекту Уложения о наказаниях // Журнал Министерства юстиции. 1894. № 7. С. 7-50.
169. Гамзаев М.А. Частота и причины абортот и их воздействие на воспроизводство женского населения // Мир медицины и биологии. 2013. № 2 (38). Т.9. С.106-108;
170. Гнатик Е.Н., Сокова Е.А. Этический и юридический статус плодозгнания//Вестник РУДН. 2015. №4. С.64-74.
171. Гинзбург А.А. Изгнание плода // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Сенатская типография, сентябрь 1912. №7. С. 35-70.
172. Гернет М.Н. Аборт в законе и статистика абортот // Абортот в 1925 году. М.: ЦСУ СССР, 1927. 82 с.
173. Горбатова М.А. Некоторые проблемы уголовной ответственности за незаконное производство абортот // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. №4. Т.13. С.44-48;
174. Дорская А.А. Взаимодействие уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом/ Известия российского государственного университета им. А. И. Герцена. Т.5. № 11. 2005. С. 259-269.
175. Дядюн К.В. Специфика регламентации ответственности за незаконное производство абортот по уголовному законодательству России и Европейских стран // Юридические записки. 2014. №2. С. 105-109.
176. Жаров С.Н. Особенности периодизации истории отечественного государства и права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.188;

177. Зипунникова Н.Н. Периодизация как важнейшая методологическая проблема историко-юридической науки // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.186-187;
178. Иванов А.А. Цели наказания и становление российской тюремной системы во второй половине XVIII - первой половине XIX века // История государства и права. - М.: Юрист, 2005, № 5. - С. 33-38
179. Кунц Е.В. Ретроспективный анализ преступлений, совершаемых женщинами // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. - Челябинск: Изд-во Чел ГУ, 2007, № 9. - С. 90-93
180. Кожевников В.В. Периодизация отечественной философии права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.184-185;
181. Коротких М.Г. Отмена телесных наказаний в России: реформа 1863 г. // Советское государство и право. 1988. №8. С. 106-111.
182. Костенко В.И. Периоды исторического развития российского государства и права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.185-186;
183. Коновалов И.А. Проблемы периодизации российского абсолютизма // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.189-190;
184. Кожевина М. А. Проблема периодизации в оценках российских правоведов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С. 183-184.
185. Кодан С.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России: сборник статей / редкол.: Е. А. Скрипилев (отв. ред.) и др.]. - Иркутск: Изд. Иркутского ун-та, 1983. С. 90-97.
186. Кунц Е.В. Ретроспективный анализ преступлений, совершаемых женщинами // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 9. С. 90-93

187. Ларин У. А. Народная медицина Астраханской губернии. Санкт-Петербург: тип. М.И. Акинфиева и И.В. Леонтьева, ценз. 1904. - 30 с.
188. Либерман Я.Э. Изгнание плода в русском законодательстве// «Терапевтическое обозрение». 1914. № 5. С 148-153.
189. Любавский А.Д. О детоубийстве // Юридический вестник. 1863. Вып. 37. № 7. С. 1-29;
190. Мартынов В. Выкидыши при фосфорных отравлениях// Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый при Управлении главного врачебного инспектора М.В.Д. Полный комплект в 2-х книгах. Кн. 2. СПб. Тип. МВД. 1913. Май. С. 670-683.
191. Марсинова Е. Н. Покаяние в России в XVIII в.// Вопросы истории. 2016. № 6 С. 81 -97.
192. Марсинова Е.Н. Наказание покаянием в России XVIII в.: церковные практики на службе светского государства // Вестник Московского университета. Серия12. Политические науки. 2016. №5. С.87-111.
193. Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. «Плодоизгнание» как основной способ контроля рождаемости у крестьянок XIX в. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии 2019. Т. 18. № 3 С. 159-170.
194. Олейник М.Л. Преступный аборт в доктрине и законодательстве // Труды Кружка уголовного права при С.-Петербургском университете, с предисловием и под редакцией пр.-доц. М.М. Исаева. СПб., 1913. С.109 -152.
195. Непомнящая Т.В. Практика назначения уголовных наказаний в пореформенный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. №2(11). С.77 -87.
196. Новикова Т. О. Младенчество и становление профессионального родовспоможения в России//Педиатр 2016. том VII. №1. С. 147–150

197. Нудель, С.Л. Система преступлений в сфере экономической деятельности в дореволюционный период // Научные ведомости Бел ГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2008. №8. Вып.4. С. 77-88.

198. Платонов И.В. Объект преступления изгнания плода // Вестник Права. Журнал Юридического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете. - С.-Пб.: Тип. Правит. Сената, 1899, № 7. - С. 155-167.

199. Пономарев А.В., Хлебодаров С.А. Правовая база деятельности земских учреждений в области медицины (1864-1914) // Вектор науки ТГУ. 2010. №3(13). С. 119-120.

200. Пушкарева Н.Л. Мицюк Н.А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX - начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. №3. (80) С.73-80.

201. Радзинский В.Е., Журавлева В.И. Аборты в России // Практическая медицина. 2009. №34. С.29 -34.

202. Суровень Д.А. Общая периодизация истории государства и права: критерии и принципы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.188-189;

203. Стефанова О.В., Зиновьева Ю.Е., Пазикова Е.А. Аборт - смерть перед жизнью // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. №2. Т.3. С.438;

204. Снигирев А.А. Об уголовно-правовой защите человеческого плода в процессе внутриутробного развития и родов // Медицинское право. 2009. №4. С.43-46.

205. Степанова О.В. Развитие института ссылки в России в XIX веке // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. №11 (15). С. 135-143.

206. Соколов Н.К. О началах и формах духовного суда в виду современных потребностей // Православное обозрение. 1870. Май. С. 822-853.

207. Солодовников В.В. Аборт: правовое регулирование и общественное мнение россиян // Мониторинг общественного мнения. Октябрь-декабрь 2008. №4 (88). С 78-92.
208. Соллертинский И.И. Дуализм судебной коллегии. //Журнал Министерства юстиций. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1896. № 6. Июнь. С. 158-185.
209. Суровень Д.А. Общая периодизация истории государства: критерии и принципы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С.187-188;
210. Тарновский Е.Н. Статистические сведения об осужденных за повторение преступлений (1901-1905 гг.) // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1909. № 2 (Февраль). С. 58 - 99.
211. Федорова А.Н. Меры уголовной ответственности по законодательству первой половины XIX века // Вектор науки ТГУ. 2012. №4 (22); С.338-340.
212. Федоров В.П. К вопросу о лечении выкидышей: 12-й Пироговский съезд: Отдел акушерства и женских болезней, 3-е заседание (отчет) // Русский врач. 1913. № 29. С.1048.
213. Федорова А.Н. Меры уголовной ответственности по законодательству первой половины XIX века // Вектор науки ТГУ. 2012. №4 (22). С. 338-340.
214. Фруменкова Т.Г. Петербургский воспитательный дом и подготовка медиков дореформенной России//Вестник Герценовского университета. 2012. №1. С.166-174.
215. Фуко М. Рождение социальной медицины // М. Фуко. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 79-109.
216. Цуханов Н.И. О недостатках нашего суда присяжных//Журнал гражданского и уголовного права Издание С.- Петербургского юридического общества. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882. Кн. 5. Май.133-158.

217. Чечулина О.В. Аборт в молодом возрасте как актуальная медико-социальная проблема // Казанский медицинский журнал. 2003. №6. Т.84. С.447-448;
218. Ширвиндт Ю. П. Дело о солдатской жене Н. П-вой, обвиняемой в изгнании своего плода. // Сборник сочинений по Судебной медицине и т. д. СПбб. 1873. Т. 3, отд. I, стр. 1 -17.
219. Шаляпин С.О. К вопросу о законодательном регулировании церковно- пенитенциарной практики в России XVIII в.// Юристъ-Правоведъ. 2006. № 1 (16). С. 58-65;
220. Шаляпин С.О. К вопросу о взаимовлиянии религиозных и правовых норм в истории отечественного права // Философия права. 2004. № 4 (12). С. 42-50;
221. Юкина И. И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 243 – 262;
222. Ящук Т.Ф. Периодизация истории государства и права как научная и учебная проблема // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С. 182-190.

Диссертации и авторефераты диссертаций

223. Антипова Н.Д. Аборт как этическая проблема: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.05. - Москва, 2005. - 120 с.
224. Андрусенко О.В. Систематизация уголовного законодательства Российской империи, первая половина XIX века: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: Екатеринбург, 2000. - 253 с
225. Балыбин В.А. Уголовное уложение Российской империи 1903 года: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Ленинград, 1982. - 182 с.

226. Грегори А. В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании (по данным Варшавского Окружного Суда за 20 лет, 1883-1904 гг.): дис. на степень д-ра медицины. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1908. - 392 с
227. Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв.: дис. ... д. юрид. наук: 12.00.01. Москва. 2008. - 402 с.
228. Ильичева И.А. Материнская смертность после аборт: (Статистика, причины, факторы, способствующие смерти): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.м.н.: Спец. 14.00.33. М., 2002. - 24.с.
229. Коробкин В. А. О плодоизгнании в судебно-медицинском отношении: Дис. на степ. д-ра мед. Вячеслава Коробкина. - Москва: Унив. тип. (Катков), 1876. - 103 с.
230. Куемжиева Я.Н. Уголовное судопроизводство по преступлениям против государства в Российской империи первой половины XIX в.. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2005. - 215 с.
231. Линденберг В. Материалы к вопросу детоубийств и плодоизгнаний в Витебской губернии. (по данным Витебского Окружного Суда за десять лет, 1897—1906). Диссертация на степень доктора медицины. Юрьев. Тип. Маттисона. 1910. - 75 с.
232. Лаврентьева Т.А. Ответственность за незаконное производство аборта по советскому уголовному праву. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. (12.00.08) / Саратов. юрид. ин-т им. Д. И. Курского. - Саратов: [б. и.], 1974. - 20 с.
233. Лозанович Л.А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь, 2004. - 189 с.
234. Липский Н.А. Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: СПб. 2003. - 212 с.

235. Сидоркин А. И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX-XVII вв.: Проблемы правового регулирования, систематизации и применения: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.08, 12.00.01. - Казань, 2005. - 451 с.;
236. Якоби И. В. Развитие института уголовной ответственности и институтов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания в российском государстве: теоретический и историко-правовой аспект: теоретический и историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 Краснодар, 2007. - 229 с.;

**Справочные и статистические материалы, хрестоматии,
учебная литература**

237. Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. С приложением предметного алфавитного указателя. Неофициальное издание. СПб. 1903. Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова.
238. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. 340 с.
239. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича: учебное пособие/Составитель Томсинов В.А. М.: Зерцало - М, 2011. - 440 с.
240. Шарапова О.В., Баклаенко Н.Б., Королева Л.П. Аборты и медицинская смертность после абортов в Российской Федерации в 2007 г.: информационное письмо Минздравсоцразвития России. М., 2008. 16 с.
241. Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел № 35. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875 – 1887 гг. СПб., 1894. 67 с.

242. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2т. / Отв. ред. д. ю. н., проф. Н.А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века / сост. О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз. - М.: Норма, 2007. 807 с.
243. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. / под ред. проф. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и проф. О. О. Петрушевского. – СПб., 1890–1907. т. 14. С. 952.
244. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т.1 / Изд. Третье Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, Издание поставщиков Двора ЕИВ Товарищества М.О. Вольф. СПб.: Гост.Двор, 1903. 812 с.
245. Большая медицинская энциклопедия /Главный редактор академик Б. В. Петровский; Том 1. Издательство «Советская энциклопедия»; Москва, 1974. 576 с.

Электронный ресурс

246. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М. Изд-во.: Духовная библиотека. 2004. [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018. // <https://www.livelib.ru/book/146800/readpart-tserkovnyj-sud-i-problemy-tserkovnoj-zhizni-elena-belyakova/~26>
247. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V. Перевод, предисловие и примечания проф. С. Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. [Электронный ресурс] Доступ 20.07.2019: <http://yakov.works/acts/16/1/1532karolina.htm>.
248. Номоканон или Законное правило. Киев: Типография Лавры. 8 июня 1620/ [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018// <https://drevlepravoslawie.wordpress.com/%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5->

%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%
%B8/

249. Номоканон сокращенный старообрядческий/ [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018.
//<http://padaread.com/?book=55135&pg=20>
250. Номоканон Иоанна Постника с толкованиями епископа Никодима (Милаша)/ [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018.
// <http://dishupravoslavie.ru/nomokanon-sv-ioanna-postnika/>
251. Папирус Эберса Эберса [Электронный ресурс] Доступ 20.07.2019.
<http://manuscript.su/manuskript/papirus-ebersa.html>.
252. Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: (Памятники XI-XV в.) / Ред. А. С. Павлов. - 2-е изд. - СПб.: Тип. М. А. Александрова. 1908. - 1472 с. [Электронный ресурс]. Дата обращения 04.05. 2020// https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Pavlov/pamjatniki-drevne-russkogo-kanonicheskogo-prava/137_2#sel=85:350,85:360
253. Allgemeines Landrecht Für Die Preussischen Staaten: Lübecks, 1896. [Электронный ресурс] Доступ 20.07.2015.
<http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1468337>
254. King P.D. King Chindasvind and the first territorial law-code of the visigothic kingdam, Visigothic Spain. - Oxford, 1980. P.167. [Электронный ресурс] Доступ 24.07.2017.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**Лица, осужденные за плодизгнание в Российской Империи
за период 1897-1906 гг.**

Годы	Вс ег о ос уж де нн ых	Сельское хозяйство				Обрабатывающая промышленность				Под енщ ики , чер нор аб.	
		Хозя ева, аренд атор ы, адми нист рати я	Сель ские рабо чие по найм у	Хле боп ашц ы	Итог о	Ремесленник и		Фабричные и заводские			Ито го
						Хозя ева и упра вляю щие	Рабо чие	Хозя ева и упра вляю щие	Рабо чие		
1897	6										
1898	8		1		1						1
1899	13		3		3		2				4
1900	10		1		1	1					
1901	6						1				
1902	8		1	3	4		1				
1903	9						1				
1904	3			4	4						
1905	7		4	3	7		1				
1906	6						2				1
Всего	76		10	10	20	1	8			9	6

**Сравнительный анализ Устава Повивальной школы при
родильном отделении больницы Астраханского Приказа общественного
призрения и Устава Повивального института и Родильных Госпиталей
при Императорском Московском Воспитательном доме**

<p>Перечень основных вопросов, регламентируемых уставом</p>	<p>Устав Повивальной школы при родильном отделении больницы Астраханского приказа общественного призрения от 13 марта 1886 года.</p>	<p>Высочайше утвержденный устав Повивального института и Родильных Госпиталей при императорском Московском Воспитательном доме от 15 марта 1858 года.</p>
<p>В чьем ведении находилось учебное заведение, и кто осуществлял управление им</p>	<p>Школа помещается в особом здании при больнице Приказа и содержится на счет губернского земского свода, состоит в ведении Приказа, непосредственное же заведывание школою возлагается по учебной части на Директора школы, по хозяйственной на контору заведений Приказа, а главный надзор за школою на Губернского Врачебного инспектора (п.2). Врачебное отделение Губернского правления ведет список обучавшихся в школе повивальных бабок со дня основания с отметками отслуживших</p>	<p>1. Пов. Институт и Родильный госпитали Московского Воспитательного дома, находясь в ведомости Московского Опекунского Совета, состоят под начальством Почетного Опекуна, заведующего Воспитательным Домом, и управляется Директором сего Дома. 2. В медицинском отношении Институт и госпитали подчиняются наблюдению Медицинского Инспектора Московских Учреждений Императрицы Марии; непосредственное же заведывание медицинской и учебной частью поручается Главному Акушеру. Отправление</p>

	узаконенный срок и освобожденных от обязательной службы (примечание к п.22).	повивальных бабок к местам их назначения возлагается на попечение начальства Воспитательного Дома.
Общее количество учениц	Повивальная школа, учрежденная на 10 учениц (п.1). В повивальную школу принимаются кроме воспитанниц, содержащихся на счет средств школы, 6 пансионеров от Общества или частных лиц за установленную приказом плату (п.6).	1. Комплекс казенных воспитанниц определяется в 40 учениц (часть 2 п.9). 2. 15 крестьянок, обучающихся за плату в размере 50 руб. серебром в год (часть 3 п.31). 3. Число приходящих учениц определяется возможностью помещения (часть 4 п.41).
Требования, предъявляемые к поступающим	1. Физиологические: ученицы должны быть 20-30 лет, здорового телосложения и не иметь физических недостатков (п.7). 2. Образовательные: от поступающих в школу требуется уметь правильно читать и писать по-русски, и иметь познания, соответствующие программам преподавания сельских приходских школ (п.5).	1. Не моложе 18 и не старше 29 лет (казенные ученицы); не моложе 20 и не старше 30 лет, здоровое телосложение без физических недостатков (крестьянские ученицы). 2. Знать 4 правила арифметики, уметь читать и писать по-русски, в чем и производится им предварительное испытание (казенные ученицы). Умеющие читать и писать преимущественно перед другими допускаются к приему (крестьянские ученицы).
Срок обучения	2 года	1. 3 года для казенных учениц; 2. не менее 2, не более 3 -

		для крестьянских учениц.
Изучаемые предметы	<p>1. Общеобразовательные: закон Божий, 4-ре правила арифметики.</p> <p>2. Медицинские: анатомия и физиология женского тела, повивальное искусство, наставление об уходе за роженицами и младенцами (п.10).</p>	<p>1. Теоретическое и практическое изучение повивального искусства;</p> <p>2. Закон Божий – для казенных учениц;</p> <p>3. Немецкий язык – для желающих.</p>
Условия исключения из школы	<p>1. Если в течение месяца со дня поступления в школу воспитанница окажется малоспособной продолжить учение, то она увольняется из школы, а на ее место одна из кандидаток, державшая экзамен (п.8).</p> <p>2. Воспитанница, замеченная в недоброжелательном поведении или небрежном исполнении возлагаемых на нее обязанностей или неоказания успехов при годичном испытании, по предоставлению Директора школы увольняется Врачебным инспектором с утверждения Губернатора (п.17).</p>	<p>1. Казенные ученицы исключаются из числа воспитанниц: в случае неблагоприятных сведений о поведении или неисполнении обязанностей и нерачительного пользования уроками (ч.2 п.20).</p> <p>2. Крестьянки, оказавшиеся в течение первых трех месяцев неспособными к обучению, или по дурному поведению не могущие быть терпимы в заведении, отсылаются обратно, на счет тех мест и лиц от коих определены в институт (часть 3 п.36).</p>
Документ, получаемый по окончанию обучения.	1. Окончившая курс учения в школе с званием сельской повивальной бабки и оспопрививательницы	1. Повивальная бабка на казенном иждивении обязана прослужить всем званию не менее 6 лет по назначению

	<p>обязаны прослужить в этом звании в селениях Астраханской губернии полтора года за каждый год учения в школе по назначению Врачебного отделения. За неимением же вакансий означенные лица освобождаются совсем от обязательной за учение службы, в чем и выдаются им свидетельства (п.22).</p> <p>2. Сельская повивальная бабка, получившая это звание в повивальной школе, желающая заниматься практикой в городах, обязана приобрести установленный для этого диплом по экзамену по общим установленным правилам.</p>	<p>Правительства, за исключением только случаев нахождения уже в замужестве или вступления в брак до истечения сего срока.</p> <p>2. Получает от Института аттестат. На основании аттестата выдается ей от Московского университета диплом на сие звание.</p> <p>3. Крестьянки по окончании обучения получают свидетельства о степени обучения, по которым дозволяется им заниматься практикой по ближайшему распоряжению тех мест и лиц, коими они были отданы в институт (часть 3 п.36).</p> <p>4. Приходящие ученицы по окончании обучения получают свидетельства, по сим свидетельствами они получают от Университета диплом на звание повивальной бабки с правом практики по всей Империи (ч.4 п.46).</p>
<p>Дополнительное обеспечение после окончания обучения</p>	<p>Каждая воспитанница, получившая свидетельство на звание сельской повивальной бабки, получает бесплатно ящик с инструментами по списку, утвержденному Медицинским советом</p>	<p>По выдержанию выпускного испытания назначается из сумм Опекунского Совета денежное вознаграждение, по 75 руб. серебром каждой; получают также книги и особые ящики с</p>

	Министерства внутренних дел (п.23).	инструментами и лекарствами к искусству относящиеся.
--	-------------------------------------	--

Приложение 3.

Требования для сдачи выпускного экзамена на звание повивальной бабки Астраханской школы фельдшеров и фельдшерниц-акушеров.

Ученицы	Школа
Прошение о допущении держать при Школе экзамен на звание Повивальной бабки	Объявление о проведении экзамена на получение звания Повивальной бабки
Оплата (15 рублей) за право сдавать экзамен на звание Повивальной бабки	Расписка в получении оплаты (Директор школы)
	Формирование Экзаменационной комиссии (Состав экзаменационной комиссии: Врачебный инспектор, преподаватели школы – всего 5 человек, получающие установленную плату в размере 48 руб. каждый).